
Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2016

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Евгений ЧЕРНЫШЁВ. Почему неизбежна вторая Переяславская Рада	3
Валерий РАСТОРГУЕВ. Террор и антитеррор: где проходит граница?	10
Валентин КАТАСОНОВ. Альфа и омега современной истории	82
Павел ДМИТРИЕВ. Чего ждать?	93
Галина ЧУДИНОВА. Лаврентий Берия и современная Россия	131

ПРОЗА

Ян СЕРЕБРЯНСКИЙ. Мнение профессора Ларина. Повесть	18
Дмитрий ЕРМАКОВ. Берег юности. Повесть	97
Николай ДЕНИСОВ. Рассказы	135
Нина БОЙКО. Рассказы	172

ПОЭЗИЯ

Николай МАЛАШИЧ. Единою болью. Стихи	74
Татьяна ЩЕРБИНИНА. Чёрный мыс. Стихи	124
Виктор КАРПУШИН. Не оцифрована душа. Стихи	150

Владимир СМЫК. Живой звук. Стихи	154
Стихи поэтов Донбасса	192

РУССКИЙ МИР

Егор ХОЛМОГОРОВ. Русский мир должен быть единым ...	160
Геннадий ЛУКИНЫХ. Галичане — кто же они?	166

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Геннадий МАТЮШОВ. Европа копает себе могилу	201
Валентин КАТАСОНОВ. Тень Вавилонской башни	203
Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ. Идеология последнего халифата	207

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Константин КОЛОНТАЕВ, Владимир ЮДИН. Кто развязал Вторую мировую войну	211
---	-----

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Литература в школе: реальность и вымыслы	239
--	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания. Продолжение	249
--	-----

ДОСЬЕ «МГ»

Владимир ЮДИН. Поэт хотел жить	271
Николай БРАУН. Казненный дегенератами	282

ПОЧЕМУ НЕИЗБЕЖНА ВТОРАЯ ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА

18 января (по новому стилю) отмечается событие, которое с советских времен принято именовать воссоединением Украины с Россией. Это название, конечно, не соответствует исторической правде, поскольку никакой отдельной Украины тогда просто не существовало. Подобных событий в русской истории было немало — речь идет о мирном присоединении к Русскому государству некоторой территории. Однако это не умаляет важности сего события, тем более его 300-летие Хрущев «отметил» в 1954 году передачей Крыма в состав Украинской ССР. Как же сейчас нужно его понимать? Чем была Переяславская Рада на самом деле?

Необходимо прежде всего помнить, что в Москве всегда смотрели на западные и юго-западные русские земли, захваченные в XIV в. Польшей и Литвой, как на исконно русские владения, временно отторгнутые противником и подлежащие возвращению в состав Русского государства. Еще великий князь Иван III в конце XV в. открыто выказал свои притязания на русские земли, поставив задачу объединить их под властью Москвы. Послам польского коро-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ля и великого князя литовского так было передано мнение Ивана III, «Божьею милостью государя всея Руси и великого князя»: «Каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему Александру королю и великому князю, что Русская земля вся, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская: и нам чего доля тех городов и волостей, своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев, и Смоленск, и иные города, которые он за собою держит к Литовской земле, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина».

Ясно, что добровольно возвращать захваченные русские земли Литва и Польша не собирались. Аналогия с современностью поразительная, только вместо Литвы и Польши — США. Ведь почти вся территория современной Украины — это русские земли, отторгнутые от России в результате катастрофы 1991 г.

После того как на южнорусских землях образовалось казачество, его представители неоднократно обращались к Москве с просьбами о принятии казацкого войска на государственную службу. А представители южнорусского духовенства в своих посланиях к русскому царю сообщали о готовности православных Малой Руси признать над собой власть царя.

Москва же до поры до времени не желала ради этого ввязываться в войну с Польшей. Лишь когда положение Богдана Хмельницкого стало критическим и возникла угроза, что он с казацким войском перейдет под власть турецкого султана, в Москве, наконец, решили принять в подданство войско запорожское с городами и землями, что было равнозначно объявлению войны Речи Посполитой.

Это перекликается с нынешней ситуацией. У России до поры до времени тоже не было сил возвращать русские земли Малороссии в свой состав, идя на открытую конфронтацию с Западом. Но угроза натовских баз в Черном море и военной оккупации Крыма не оставили России иного пути, кроме возвращения Крыма. Нет сомнений, что относительно других территорий Малой Руси эти угрозы прекрасно осознаются.

Как этот вопрос решался тогда? В 1653 г. был созван Земский Собор, который постановил: «А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем войске запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси, изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское, с городами их и с землями, принять под свою государскую высокую руку». Обратим внимание: речь шла

о принятии гетмана и войска запорожского в подданство. Не «международный договор» между Россией и не существовавшей еще Украиной, и даже не «воссоединение», а именно принятие в подданство с целью возвращения захваченных ранее Польшей и Литвой исконно русских земель.

В новейшей истории таким первым «земским собором» стал референдум 16 марта 2014 года в Крыму.

Но если в Москве имели в виду возвращение русских земель, то Богдан Хмельницкий, отчаявшись в возможности добиться желаемого обеспечения «прав и вольностей» реестрового казачества под властью польского короля, решил достичь той же цели под властью русского царя.

Для приведения к присяге гетмана Хмельницкого и Войска Запорожского на подданство царю Алексею Михайловичу в Малороссию были отправлены послы: боярин В.В. Бутурлин, окольничий И.В. Алферьев и думный дьяк Л.Д. Лопухин. 7 января 1654 г. в Переяславе состоялась встреча царских послов с Хмельницким, во время которой были обсуждены вопросы о ходе и порядке соответствующей церемонии, назначенной на воскресенье 8 января.

Сведения о событиях, происходивших тогда в Переяславе, содержатся в так называемом «статейном списке» царских послов, из которого следует, что утром 8 января 1654 г. гетман провел с казацкой старшиной тайную раду, и по ее завершении писарь Иван Выговский сообщил послам, что «и полковники де и судьи и ясаулы под государеву высокую руку подклонилися».

Затем была собрана общая рада, где Хмельницкий произнес свою знаменитую речь, в которой заявил, что **«нельзя нам жити боле без царя»**, и предложил выбрать себе государя из четырех перечисленных: султана турецкого, хана крымского, короля польского, четвертым же был назван «православный Великия Росия государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Русии самодержец, восточной, которого мы уже шесть лет безпрестанными молении нашими себе просим», — и вслед за этим добавил: «Тут которого хотите избирайте». Сам же гетман высказался в пользу «царя восточного», особо отметив, что «православный христианский великий государь царь восточный есть с нами единого благочестия греческого закона единого исповедания, едино есмы тело Церкви православием Великия Росии, главу имуще Иисуса Христа. Свою речь гетман заключил словами: «А будет кто с нами не согласует, теперь куды хочет волная дорога». На крымском референдуме подобный выбор был предложен каждому в бюллетене, и народ единодушно сделал свой выбор. А немногие несогласные уехали на Украину.

Как сообщается далее в «статейном списке»: «К сим словам весь народ возопил: **волим под царя восточного, православно**, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умироти, нежели ненавистнику Христову поганину достати! Потом полковник переяславский Тетеря, ходячи в кругу, на все стороны спрашивал, вси ли тако соизволяете? Рекли весь народ: **вси единодушно**. Потом гетман молил: буди тако; да Господь Бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою. А народ по нем вси единогласно возопили: Боже утверди, Боже укрепя, **чтоб есми во веки вси едино были!**».

Где же тут, спрашивается, пресловутое «воссоединение Украины с Россией»? Скорее, это возвращение домой, причем не какого-то отдельного государства, а казаков.

Принимая решение о переходе под государеву высокую руку, гетман и старшина делали это, имея в виду сохранение своих сословных привилегий — «прав и вольностей», а также своих имений — «маетности» от тех посягательств, которыми они подвергались в Речи Посполитой со стороны польской шляхты. Поэтому гетмана и старшину, естественно, заботил вопрос о получении на сей счет определенных гарантий от царских послов.

Поэтому гетман предложил царским послам, чтобы они от имени государя также принесли присягу, «что ему государю их гетмана Богдана Хмельницкого и все войско запорожское полскому королю не выдавать и за них стоять, и **вольностей не нарушеть**». На это боярин В. Бутурлин «с товарищи» гетману ответили, что присягу государям приносили их подданные, «а того, что за великого государя веру учинити, николи не бывало и впредь не будет; и ему гетману и говорить было о том непристойно, потому что всякой подданной повинен веру дати своему государю». В то же время Бутурлин заверил гетмана, что «великий государь учнет держать в своем государском милостивом жалованье и в призьенье и от недругов их в оборони и в защищенье, и вольностей у них не отымает и маетностями их, чем кто владеет, великий государь их пожалует, **велит им владеть по-прежнему**».

Как казацкую старшину в XVII веке заботил вопрос сохранения своих привилегий, так и «украинскую олигархическую старшину» XXI века заботят гарантии своему бизнесу со стороны России. Это главный камень преткновения в вопросе нашего нынешнего воссоединения, поскольку государственное мышление Российского руководства сталкивается с «феней» местных олигархов. Россия предлагает совместное возрождение, которое не принимается по причине: «А что я буду с этого иметь?» И это будет продолжаться до тех

пор, пока местный олигархат не припечет так, как припекло казаков в XVII веке.

После этого в церкви Успения Богородицы «гетман Богдан Хмельницкой и писарь Иван Выговской и обозничей и судьи и ясаулы войсковые и полковники веру государю učinили на том, что быти им с землями и с городами под государевою высокою рукою на веки неотступным».

Итак, вынесенное на обсуждение казацкой рады и ею одобренное решение о переходе Войска Запорожского с землями и городами в подданство русского царя «на веки» 8 января 1654 г. было закреплено присягой гетмана и казацкой старшины.

Царские послы заверили гетмана и старшину, что государь будет держать Войско Запорожское в своей милости, а также сохранит в неприкосновенности казацкие вольности и имения, объяснив также, что их пожелания следует оформить в виде прошений — челобитных — на имя государя и направить на его рассмотрение.

Хмельницкий желал, чтобы имения казаков после их смерти оставались за их семьями, а не так, как было при польских королях: «Покаместа казак жив, потаместа за ним и маетность; а как умрет, и паны де те маетности обирали на себя, а жон и детей высылают вон».

Следовательно, **в январе 1654 г. в Переяславе никакого ДОГОВОРА между гетманом Хмельницким и русским царем в лице его послов заключено не было, как не было подписано и вообще никакого документа с изложением взаимных обязательств сторон.** Принесение присяги на верность государю не обставлялось никакими условиями.

Отказываясь давать какие-либо письменные обязательства, царские послы упорно настаивали на том, чтобы гетман и старшина все свои желания изложили в виде челобитных и подали их на рассмотрение государя.

Гетман и старшина составили перечень своих просьб к государю в виде так называемых «просительных статей», которые вместе с письмами гетмана повезли в Москву его посланцы — войсковой судья Самойло Богданович-Зарудный и переяславский полковник Павел Тетеря. Они прибыли в Москву 12 марта 1654 г. и на следующий день были приняты на царской аудиенции, а 14 марта передали боярам изложенные на письме пожелания гетмана и старшины, состоящие из 23 статей.

19 марта послам было сообщено решение государя по предложенным статьям. Большинство статей получило положительные резолюции вроде: «Государь указал и бояре приговорили: быть по их челобитью», но в ряде случаев резолюции сопровождались определенными оговорками. Поэтому 21

марта послы гетмана направили боярам новую петицию, состоящую из 11 статей. Резолюции, наложенные государем на эти статьи, были уже окончательными.

Перечню статей, поданных 14 марта, предшествовало следующее обращение к государю:

«Божиею милостию, великий государю царю и великий княже Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя Руси самодержче, и многих государств государю и обладателю, твоему царскому величеству, мы Богдан Хмельницкий, гетман войска запорожского, и все войско запорожское и весь мир христианский российский до лица земли челом бьем.

Обрадовався велми с пожалованья великого и милости неисчетные твоего царского величества, которою нам изволил твое царское величество показать много челом бьем тебе государю нашему, твоему царскому величеству, и служити прямо и верно во всяких делах и повелениях царских твоему царскому величеству будем во веки».

Обратим внимание на то, что гетман называет царя самодержцем не только Великой, но и Малой Руси и говорит о своей готовности служить царю «во веки».

Не будем подробно перечислять содержание всех «мартовских статей» (под этим именем они вошли в историю). В них в основном испрашивается о гарантиях своих прав и вольностей. Но, кроме того, об установлении численности реестрового казачества в 60 тыс. чел. Ведь кто такие были казаки? Чем-то средним между государственными охранниками и ордой разбойников — «джентльменов удачи». Просьба о «реестровых казаках» — это просьба о своей легализации с гарантиями защиты.

Вышеприведенные статьи вошли в историю под названием «Мартовских статей 1654 г.». Кроме того, 27 марта был издан ряд царских жалованных грамот, главными из которых были жалованные грамоты «Войску запорожскому о правах и вольностях войсковых» и «Малороссийской шляхте, православной веры, на их шляхетские права».

В жалованной грамоте Войску запорожскому, в частности, говорилось: «...И мы великий государь, наше царское величество, подданного нашего Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского и все наше царского величества войско запорожское пожаловали, велели им быти под нашею царского величества высокою рукою, по прежним их правам и привилиям, каковы им даны от королей полских и великих князей литовских, и тех их прав и волностей нарушивати ничем не велели, и судитись им велели от своих старших по своим прежним правам (а наши царского величества бояря и воеводы в те их войсковые суды вступати не будут)».

Из приведенного текста со всей очевидностью следует, что царь смотрел на гетмана как на **своего подданного**, а на Войско запорожское как на **свое** войско, а не войско союзного государства.

Со своей же стороны гетман и Войско запорожское обязывались **служить государю и всем его наследникам**, находясь в их воле и послушанье навеки: «И нам великому государю и сыну нашему, государю царевичю князю Алексею Алексеевичю и наследником нашим служить и прямити и всякого добра хотети и на наших государских неприятелей, где наше государственное повеленье будет, ходити и с ними битись и во всем быти в нашей государственной воли и послушанье на веки». То есть ни о каком «военном союзе» и уж тем более союзе «временном» между Малороссией и Россией речь вообще не шла.

Итак, если в Переяславе в январе 1654 г. не было составлено никакого документа, касающегося условий перехода Малой России в подданство русского царя, то в марте 1654 г. в Москве такие условия **были оформлены**, но не в виде договора, заключенного между равными сторонами, а в виде «**челобитных**», в ответ на которые государь вынес свои решения, выраженные в резолюциях, наложенных на «просительные статьи», и в жалованных грамотах, удовлетворив при этом, следует заметить, почти все, за немногим исключением, пожелания, высказанные гетманом и казацкой старшиной.

Русский царь подтверждал и жаловал права отдельным условиям — казачеству, шляхте, мещанству, духовенству, но **нигде в «Мартовских статьях» и в жалованных грамотах 1654 г. не сказано о правах Малороссии как особой политической единицы.**

Так как же быть с «воссоединением Украины с Россией»? Раз его не было, то мы не воссоединились? Конечно, воссоединились! Только не несуществующая еще Украина, а кусочек русской земли воссоединился со всем Русским государством с принятием казаков в русское подданство. И это вовсе не унижительно для современной Украины по той простой причине, что уже в XXI веке от воссоединения с Россией на равноправной основе — как отдельное независимое государство! — Украина отказалась сама. Окончательно и бесповоротно. Государство Украина не захотело войти в Таможенный и Евразийский союзы.

Значит, нас ждет новая Переяславская Рада с переходом в российское подданство непосредственно русского народа Украины. Как это будет, рассудит время.

ТЕРРОР И АНТИТЕРРОР: ГДЕ ПРОХОДИТ ГРАНИЦА?

Вероятно, многим приходит на ум вопрос: почему так трудно подобрать однозначное определение террору и терроризму? Где коренится причина двойственного отношения к этой проблеме, и что мешает называть вещи своими именами? Дело в том, что само представление о терроре как об абсолютном зле сложилось сравнительно недавно. В разных странах мира, да и у нас к террору относились прежде и относятся ныне по-разному, и разброс оценок впечатляет — от отвращения до восхищения. Да и в нашем сознании, если покопаться поглубже, это понятие лежит не в одном семантическом гнезде, где мы храним понятия и образы, имеющие сугубо негативный смысл, но и в другом — там, где хранятся позитивные образы. Этот вывод не сразу приходит на ум. Но если хорошенько подумать, то каждый, кто знает школьную историю (а школа — это чаще всего и есть *наша* история или история *для нас*), легко вспомнит имена и поступки великих людей, которые не только умирали за идею, но не щадили при этом никого, не останавливаясь перед жертвами. Но вспомнит с уважением.

Отчасти, это объясняет тот факт, что мы иногда не видим в упор наиболее

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

опасные формы террора, прикрывая их эвфемизмами, а называем террором то, что не имеет к нему никакого отношения. Но это одна сторона медали; есть и другая, связанная с законами современной геополитики. И здесь сразу возникает масса неразрешимых вопросов. Один из них: почему лидеры и массмедиа ведущих стран антитеррористической коалиции причисляют к террористам людей, которые защищают свои очаги и семьи от истребления и этногеноцида, а антитеррором именуют операции по «этнической зачистке»? Неужели только потому, что жертвами такого террора, названного антитеррором, являются русские — малороссы и великороссы, жившие как один народ столетиями?

Для того чтобы ответить на подобные вопросы, для начала следует признать очевидное: террор был, остается и, видимо, долго ещё будет самым эффективным инструментом внешнегo управления, как тактично называют в эпоху становления однополярного мира планомерное уничтожение национальных суверенитетов в несостоявшихся странах и даже в развитых государствах. К методам устрашения прибегают как большие и сильные державы, так и страны с изначально поврежденным суверенитетом, но еще чаще — псевдогосударства. Анализируя причины востребованности террора в современной политике и геополитике, выделим три основных.

Первая причина заключается в том, что все революции — спонтанные и тщательно подготовленные, кровавые и относительно бескровные, «мирные», — были бы просто невыполнимы без применения террора или неизбежной угрозы его применения. А современная международная политика осуществляется в значительной степени накатанными методами проведения «разноцветных революций», каждая из которых имеет шанс осуществиться сравнительно мирно лишь потому, что все хорошо понимают главное: в действительности она представляет собой «многослойный пирог». Только самый верхний его слой — публичные и демонстративно мирные протестные выступления невооруженных людей на площадях и проспектах. Следующий за ним слой — это уже открытый террор, с «коктейлями Молотова», стрельбой по демонстрантам и насильственным захватом правительственных зданий, убийствами заложников... Но есть еще слои, связанные с внешним принуждением и экономическим разорением страны. И это далеко не всё из арсенала «мирных» революций, осуществляемых под внешним управлением. Как видим, террор или понимание того, что он неизбежно будет применён, представляет собой один из основных инструментов в процессе решения международных проблем. Всё это в

полной мере касается Украины, а точнее, того «постмайданного» псевдогосударственного образования, которое полностью построено на этом механизме. На примере Украины можно изучать технологию того, как используется террор, который никогда не называется своим именем, поскольку он организуется корпорацией государств, составляющих антитеррористическую коалицию. Вывод один: и здесь, как и во многих других случаях, мы путаем причины и следствия.

Вторая причина востребованности террора — расширение зон, где разжигаются гражданские войны. Если взглянуть на динамично изменяющуюся политическую карту мира, то можно убедиться, что развязывание гражданских войн — столь же мощная тенденция, как и проведение точечных диверсий, тех же цветных революций. Но поджечь можно лишь то, что хорошо горит. Среди предпосылок гражданской войны, которые были и на Украине, — запредельное социальное расслоение и обнищание, коррумпированная власть и целевая поддержка нацистских движений, способных задавить в зародыше «красный протест», что серьезно угрожало бы олигархическому режиму. Коричневая чума — это своего рода смертельно опасное противоядие от социальных протестов. Так было в рейхе, так будет везде, где торжествует ничем не ограниченная власть олигархов. Именно по этой причине чуму и хранят до случая в специально выделенных зачумленных районах: придет время икс, и ее используют против самих европейцев.

Что же касается гражданской войны, замешанной на мнимом этическом «превосходстве» и нацистской паранойе, то она вообще не имеет другого инструментария, кроме террора. Откровенный террор во всех своих наиболее жестких разновидностях (пытки, массовые расстрелы, публичные казни заложников, разрушение социальной инфраструктуры, планомерные убийства женщин, детей и стариков) составляет, наверно, 99 процентов из всего перечня технологий из арсенала любой гражданской войны.

Но нельзя не видеть оборотной стороны гражданских войн, поскольку именно здесь зачастую кроется причина позитивного отношения к террору и терроризму. Дело в том, что многие государства возникли в результате гражданских войн, что оказало огромное влияние на становление национального самосознания, гражданской идентичности. По этой причине в плеяде национальных героев, память о которых хранят многие поколения, немало террористов. Каждый из нас может назвать 10—20 государств, с которыми у нас прекрасные отношения, и героев, которых мы знаем и уважаем, хотя и догадываемся, что некоторые из них были, конечно, террористами, начиная с

Че Гевары — культового героя современной молодежи во многих странах мира. Согласитесь, этот образ и у нас, ещё раз повторю сказанное вначале, лежит в том гнезде, где пробуждаются положительные эмоции, не негативные. Если же учесть фактор постоянной пропаганды и возможности образовательных стратегий, то в рамках государственной политики ничего не стоит сделать героями, особенно героями-мучениками именно террористов, тем более, что недостатка в мучениках среди террористов никогда не было, а «заказ на мучеников» всегда был актуален для террористических организаций, которые хотели создать ореол героизма вокруг своей деятельности. Об этом писал Камю в «Бунтующем человеке».

Третья причина востребованности террора — широкое использование особых методов внешнего управления, которые называют иногда управляемым хаосом. Похоже, что именно они составляют ныне основной арсенал передела мира в эпоху электронного общества, когда можно в принципе просчитать множество (иногда до двух—трёх тысяч) сценариев развития событий, которые возникают в точках бифуркации или будут искусственно вызваны в результате какого-либо социального потрясения или катастрофы. Но во всех этих случаях главное — точно знать, кто и когда бросит камень сверху горы, чтобы начались обвальные, лавинообразные разрушительные процессы. В качестве этого «камушка» почти всегда используется именно террор. Это не значит, разумеется, что те, кто просчитывает такие сценарии, обязательно сами являются инициаторами террора. Но именно они его допускают, они в нем нуждаются и при первой же возможности используют в своих интересах, потому что у них готовы сценарии на случай искусственно вызванной или уже «назревшей» и потому неизбежной катастрофы. События на Украине во многом объясняются тем, что ее превратили в зону управляемого хаоса, где основной механизм — террор.

Как к этому относятся те, кто использует террор? Ответ однозначен: сугубо положительно, хотя они, скорее всего никогда не признаются в этом и будут публично осуждать любой террор. Скажу даже больше, речь идёт здесь об особом типе проектного мышления, когда, собственно говоря, мы занимаемся не составлением проекта будущего и не прогнозированием, а выдвигаем некие прогноз-проекты, где сама цель, заключённая в проекте, не так уж и важна, а сам прогноз почти невозможен, поскольку хаос способен похоронить любые цели. Но в этот момент возникает возможность заменить одну цель на другую. Это возможно, ибо важна не конкретная цель, а сам удар по болевым точкам системы, спо-

собный вызвать её распад, поскольку этот удар даст хотя бы небольшое, но преимущество тем, кто знает время удара и способен рассчитать его силу, кто может спрогнозировать все возможные последствия. Здесь важно еще и то, что одно-временное погружение всех игроков в хаос наносит урон также всем, без исключения, но предоставляет шанс остаться на поверхности немногим — только тем, кто просчитал множество сценариев на данный момент. Именно они останутся *победителями на пепелище*. Поэтому чаще всего подлинными инициаторами террористических актов являются те, кто умеет считать деньги, но еще лучше — просчитывать сценарии. Так устроена современная политика. А жертвы? Ну что такое жертвы, когда на кону — приватизация будущего...

Как видим, все эти три фактора, делающие террор неизбежным, совмещены на Украине. Они, безусловно, открывают нам механизм того, что называется государственным террором. Все наши СМИ и не наши, зарубежные, дружно молчат последние 10 лет о государственном терроре. Помните, лет 15—20 назад это была едва ли не основная тема политического дискурса. Сегодня все закрыли рты, потому что трудно говорить о государственном терроре применительно к странам антитеррористической коалиции: хоть какая-то элементарная логика должна быть и в публичной политике, и в массмедиа.

Не надо забывать, что существуют очень глубокие межпоколенческие различия и коллективная память. Например, когда я учился в Тверском (в те времена Калининском) государственном университете, то его главное здание находилось на пяточке между четырьмя улицами: Каляева, Желябова, Урицкого и Володарского. Думаю, аналогичный опыт есть у всех представителей старших поколений, которые были воспитаны в духе уважения к героям-террористам или к организаторам массового террора: такова наша идентичность и такова наша трагичная история.

Более того, у меня у самого отношение к террору резко меняется и престаёт быть четким, когда речь заходит о партизанском терроре в годы Великой Отечественной войны. Большинство признанных классификаций, как известно, включают партизанские войны в типологию террора, хотя здесь срабатывает «семантический блокатор»: мы употребляем слово, имеющее ярко выраженную негативную окраску, только по отношению к врагу. Аналогия: традиционный обмен *своих* разведчиков на *вражеских* шпионов. Я останавливаюсь на этом аспекте просто по той причине, что он сильно влияет на мое личное отношение к феномену террора в этой его разновидности. Мой отец в годы войны был командиром партизанского отряда в Белорус-

сии. Да, его готовили перед заброской через линию фронта как организатора диверсий. Если честно признаться, я очень жалею, что в юности спорил с ним о том, есть ли различия между террором и партизанским движением. Жалею об этом, потому что он крайне болезненно относился к самой постановке этого вопроса, ему действительно было больно. И до конца дней он не любил рассказывать о том времени, поскольку, как он говорил, ничего хорошего, кроме памяти о друзьях, он из войны не вынес, но и тех война не пощадила. Погибли почти все, осталась горстка. А выжил он, как признавался, только молитвами матери, моей бабушки, которая проклинала войну...

Специального анализа требует вопрос о том, как и почему система террористических организаций приобрела самостоятельность, став актом мировой политики. Безусловно, если мы хотим понять суть украинской катастрофы, то её следует рассматривать в этом геополитическом контексте.

Чрезвычайно важный тезис относительно расклада вины за террор, связанный с событиями на Украине. Действительно, не следует возлагать вину только на поджигателей. Поджечь можно только то, что хорошо горит. При этом значительная часть вины, конечно, лежит и на самой России. У нас до сих пор отсутствует прописанная реинтеграционная стратегия. Её нет и сегодня, даже после воссоединения с Крымом. Но после этого воссоединения нам не остается ничего другого, кроме одного: необходимо её признать, реконструировать, поскольку она уже есть, ибо действует, но её как бы и нет, поскольку не прописана. Мешает этому многое, и не только чудовищное внешнее давление, ибо все понимают, какой вой поднимется, если Россия открыто заявит, что не считает вопрос насильственного (против воли самого народа) разделения великой страны в Беловежской пуще окончательно решенным. Мешает, в частности, и тот факт, что у нас почти отсутствует внятная национальная политика, которая частично демонтирована как институт после ликвидации Совета Национальностей в составе Верховного Совета. С этого момента, после принятия новой Конституции, у нас нет столь представительной площадки, где бы народы и народности Российской Федерации могли открыто решать свои вопросы, в том числе и украинцы, проживающие в Российской Федерации. А это исключительно важная тема, поскольку речь идет о миллионах людей. Они должны иметь голос, право быть услышанными, право принимать стратегические решения, которое и давала профильная палата в парламенте.

Кроме того, говоря о нашей вине за произошедшее, следовало бы вспомнить о посыле, который шел от Москвы после

катастрофического распада СССР: «Берите столько суверенитета, сколько сможете унести». Так и произошло: взять-то они взяли, но не донесли. Суверенитет у незалежных товарищей сквозь пальцы просыпался, даже до НАТО не дотащили, в отличие от товарищей прибалтийских. Неужели и здесь нет нашей вины, вины России? Сами призывали, сами подталкивали. И еще раз напомним: реинтеграционной стратегии как не было, так и нет, но антиинтеграционная была и есть, к сожалению. Она и подпитывает дальнейший распад, а следовательно, и террор, которым распад осуществляется.

Еще одна тема, раскрывающая природу террора, заключается в том, что механизмы этнической и гражданской идентичности и консолидации очень тесно связаны с образом врага, связаны по определению. Во всяком случае, так считает большинство из тех специалистов, кто занимается этой тематикой. На Украине ныне это действительно проявляется в лозунге «убей в себе кацапа», поскольку другого мотива для консолидации нации, возникающей на новом месте, не нашлось, да и придумать его было невозможно, тем более с лёту. Впрочем, такой подход характерен не только для Украины. Это же касается, к примеру, и Европейского союза. Напомню, что его «генеральный конструктор», автор проекта по строительству Панъевропейского союза граф Рихард Куденхове-Калерги, который был противником войны с Россией, еще в 1923 году дал точный прогноз того, что произойдет, если начнется новая мировая война. Она, по его мнению, несомненно, завершится победой Красной Армии и созданием двух блоков в Европе. Он сделал и массу других точных предсказаний. А предлагал он в качестве единственной альтернативы этому катастрофическому сценарию создание Европейского союза до начала войны. Но... для этого европейцам, по его мнению, и нужен, как воздух, образ общего врага, на роль которого лучше всего подходит Россия. Её нужно бояться, что не должно мешать с нею сотрудничать, торговать, но ни при каких условиях не воевать с нею, потому что в любом случае победит Россия.

Напомню и о том, что Юрген Хабермас, побывав после 11 сентября в США, говорил, что на самом деле трагедия заключается не в том, что взорвали башни, а в том, что взорвали мировое мироустройство. А взорвали его по той причине, что ослаб и исчез образ главного врага Соединённых Штатов Америки и всего свободного мира (не свободного, впрочем, от финансовой диктатуры США). Роль такого врага исправно выполняла Советская Россия. Именно для того, чтобы восполнить пустоту — нишу врага — и был, как точно подметил Хабермас, востребован мировой терроризм. Но образ России как

главного врага сегодня возвращается по мере её возвращения в геополитическое пространство. Именно по этому нас и ставят постоянно на одну доску с «мировым терроризмом».

Нельзя не сказать о двух типах террора — о так называемом маниакальном или, точнее, иррациональном терроре и о рациональном терроре, а точнее, об их взаимообусловленности. Должен сказать, что иррациональный террор, который мы наблюдаем на Украине, носит действительно маниакальный характер: бессмысленные, казалось бы, убийства, карательные операции, огромное количество гробов, жертв, в том числе и жертв среди тех, кто осуществляет геноцид. Как объяснить, к примеру, тот факт, что профессиональные военные загоняли необученных солдат в котлы, прекрасно понимая, что обрекают их на смерть? Разве это не иррационализм в чистом виде? Конечно, со стороны это выглядит как полный абсурд и иррациональность, но в действительности ничего иррационального здесь нет для тех, кто организует этот террор и его использует.

Дело в том, что искусственные границы между государствами можно возвести и даже стены поставить, отгородив братские народы друг от друга колючей проволокой. Можно отгородиться не только от России, но и от Новороссии, не пожалев занятых денег, которые загоняют народ в кабалу на десятилетия вперед. Но никакая стена не поможет решить задачу окончательного внутреннего разделения единого русского народа — любые границы люди обойдут, если и великороссы, и малороссы будут помнить о своих общих корнях и общесемейных связях, если не отрекутся от своих предков. У каждого из великороссов родня украинская, у каждого украинца есть родня из великороссов. Но даже близких родственников можно сделать врагами в случае, если будут гробы, много гробов... Гробы — это и есть подлинная цель конфликта. Когда изо дня в день методично и предельно жестоко убивают огромное количество людей, то мы перестаём прощать, у нас уже нет сил прощать. Именно это «непрощение» и остаётся, когда убивают детей, женщин... Эта память переживет нас на 50 и 100 лет. Именно это и есть сверхзадача: «культ непрощения» и внутренние границы, которые уже нельзя обойти. Тема эта неисчерпаема, но главное, что важно выделить, — тот факт, что двойные стандарты, которые демонстрируются по отношению террору, не только стирают различия между террором и антитеррором, правом и неправом, но и выносят приговор самому международному праву.

МНЕНИЕ ПРОФЕССОРА ЛАРИНА

ПОВЕСТЬ

Часть первая

Прохладное ноябрьское утро уже пробивалось сквозь крупный оконный ансамбль в апартаменты профессора Ларина. Сонный профессор, разминая ногами тапочки, отрешенно глядел в окно. В киевском пассаже, где и жил Михаил Викторович, невзирая на ранний час, наблюдалось активное движение. Ставни отворялись, начинали шуметь печи. С неохотой к своим рекламным тележкам подходили брошюрочки. С высоты каменного балкона Киев казался старым, добрым и привычным.

В квартире более не было ни души. Лишь старый шкаф время от времени поскрипывал из гостиной. Или профессору только так казалось...

— Свежая пресса... Ну-с, поглядим...

На подоконнике лежала нетронутая, еще пахнувшая краской газета. Потягиваясь в овальном кресле, Михаил Викторович начал листать новостную «выпечку».

— «Преддефолтное состояние»... «Дефолт с косой»... М-да... Чертовщина какая-то...

ПРОЗА

Михаил Викторович Ларин, в недавнем прошлом — известный историк, философ и публицист, славился в научном обществе широтой взглядов. Время от времени, профессор читал лекции, выступая в передовых учебных заведениях столицы, где воспитывалась будущая государственная элита.

Но внимание студенчества и научной общественности Михаил Викторович привлекал даже не столько живостью мышления (профессор по-прежнему умел вдохнуть новую жизнь в идеи, которые многим казались «изъезженными вдоль и поперек»), сколько своими независимыми взглядами. И независимость эта стала проследиваться отчетливее после так называемой «революции достоинства», имевшей место быть в феврале 2014 года. Взгляды Ларина сразу стали объектом атаки поклонников «евроидеи», которые чуть было не обвиняли его в измене родине. Пренебрегая одним из основных принципов европейской демократии, а именно — правом на личное мнение, оппоненты писали на него доносы и жалобы, всячески призывали «поумерить пыл». Недоброжелатели стремились оградить студенчество от «пагубного» и «непатриотичного» влияния профессора Ларина. Но, к счастью, авторитет Михаила Викторовича, его многолетние дружеские отношения с «верхами» ученого братства пересиливали попытки клеветников, а потому Ларин продолжал преподавать с успехом.

— Только полюбуйтеесь... И как вам это нравится... «СБУ прогнозирует новые очаги возгорания сепаратизма в Харькове и Мариуполе»... «Националисты призывают ввести военное положение»... Феерическая чепуха. Ширпотреб...

С последним словом на «ш», адресованным самому себе, Ларин приподнялся с топчана и безмятежно опустил свежую прессу в урну.

— Жаль, Евгении нет рядом... — Михаил Викторович продолжал переговариваться с зеркалом в ванной комнате. — Это бы посмеялись... от души.

В последние годы седовласый профессор сбавил утренние обороты до минимума. Он уже не ощущал былой лекторной тяги. А ведь когда-то Ларин воспламенялся от одной мысли, идеи о том, что встреча со студентами — это очередной шанс привить молодым людям любовь к истории.

Михаил Викторович без иллюзий глядел на современное студенчество, понимая и принимая его со всеми известными недостатками. Ребят, действительно желающих вникать в тонкости исторической науки, из года в год становилось все меньше. Профессор не хотел себе признаваться в том, что единственной его творческой отрадой, мотивацией оставал-

ся кружок «роялистов», созданный им и еще несколькими студентами-энтузиастами двумя годами ранее на базе одного из столичных вузов. О существовании этого таинственного клуба не было известно никому, кроме его участников. Встречи Ларина с ребятами из кружка участились после февральского переворота в Киеве. Между профессором и «роялистами» существовала договоренность о неразглашении всего того, что они обсуждали при встречах. Ведь последствия могли быть самыми непредсказуемыми. Новых участников они не принимали. Утвержденный состав был проверенным и нерушимым.

Прохаживаясь щеткой по серому костюму перед зеркалом в прихожей, Михаил Викторович невольно потускнел.

— На этом фоне и странница осень... совсем даже не седая...

Профессор шел по Крещатику, стараясь не замечать надоедливые символы. После февраля 2014-го он не без презрения глядел на центральную улицу Киева. Ларин как будто все еще улавливал запахи последней недогоревшей шины, по-прежнему ощущал тот смрад, который совсем недавно кочевал по районам столицы. Вероятно, Киев, как и Помпеи после извержения Везувия, никогда от него не избавится. Он десятою дорогой обходил Октябрьский дворец, у подножия которого новые власти распорядились обустроить могилу «небесной сотни». Он больше не бывал в старом кафе на Прорезной, где все было осквернено призраками кровавого путча. Профессор помнил свой город разным. Но только нынешнему режиму удалось превратить его за столь короткий период в безобразного инвалида. Нездоровый дух скитался по бульварам. Количество нищих, бездомных увеличилось в разы. О психологическом состоянии горожан и говорить не приходилось.

Ларин пытался гнать от себя депрессивные мысли, утешаясь своей неизменной способностью принимать действительность такой, какой она есть. Он старался смотреть на происходящее глазами исследователя и делать соответствующие выводы.

Приобретенная с годами толстокожесть делала Ларина малоуязвимым для критиков. За последние полтора года их число увеличилось. Не трогала его и масштабная пропаганда, которой новый режим вязал жителей государства. Если у профессора и отзывалось что-то внутри, то лишь — в контексте сочувствия, сострадания к тем взбудораженным, одурманенным людям, которые были неспособны фильтровать информацию и поддавались первому импульсу. На его глазах способные студенты добровольно бросали учебу и запи-

сывались в армию, шли «разбивать наголову» ополчение Новороссии. На его глазах рвались семейные узы и дружеские отношения. Профессор сам потерял за последние полтора года немалое количество знакомых. Во многих домах он слыл нежеланным гостем. И если бы не его ценная способность смотреть на происходящее с научной точки зрения, Ларин, вероятно, уже бы давно запил или слег в больницу.

Но, к счастью, с уходом старых знакомых появились и новые. Михаил Викторович сильно привязался к одной из своих бывших студенток Евгении Правинской. Этот союз был выше союза экс-преподавателя и его способной ученицы. Мост между ними формировали идея и вера. А «единение» в современной украинской ситуации — мотив даже более крепкий, чем родственные узы.

Во время передвижения в метро Ларин наблюдал боевиков из радикальной группировки, участников так называемой антитеррористической операции и просто левых зевак, облачившихся в милитарную одежду. Он в который раз убедился в стремлении этих людей придать значимости собственному виду. Нужно было видеть, с какой важностью на лицах они передвигались в коллективном пассажирском потоке...

«Вот он... предлог для самоутверждения, — думал Ларин, стоя в переполненном вагоне среди патриотичных плакатов и ленточек... — Единственный шанс реализоваться, быть замеченными. Ведь в условиях адекватной жизни их ждет неприятие. К чему мы идем?»

Вагон дернулся, и мысли профессора возвратились к насущной преподавательской реальности.

В парковой зоне, близ университетского корпуса, стояла привычная хлопотливая шумиха. Молодые люди, словно пчелы, перемещались от многоходового учебного корпуса к травянистым ковровым участкам и обратно. Юношеское многоголосие было единственным, что еще пробуждало в Ларине тягу к творчеству. Придавало ему лекционной энергии, столь необходимой для продуктивного общения с аудиторией.

— Доброе утро, Михаил Викторович!

— Доброе утро, ребята.

Отношение учащихся к взглядам Ларина было разным. Но все же большинство находило его «преподом не скучным», способным организовать интересную дискуссию. Можно сказать, ребята его уважали. И ощущение этого также придавало Ларину дополнительных сил для деятельности.

Поход на кафедру Михаил Викторович воспринимал как ритуальную необходимость. Здесь с ним здоровались сухо.

С присутствующими коллегами, большинство из которых не разделяли его взглядов и считали их чуть ли не преступными, он обменивался общепринятыми фразами, не придавая ответам особого значения. «Что-то Клобко сегодня особенно мрачна... Неестественно мрачна», — про себя подметил Ларин, разбирая утренний облик педагога по истории Украины, своего главного идеологического противника — Антонину Клобко. Эта дама придерживалась националистических взглядов и являлась основной зачинщицей антилариновской кампании в вузе. Впрочем, ее «черная магия» на Ларина не производила никакого впечатления. Он попросту игнорировал все нападки. И это вызывало в ней еще большее раздражение.

Как только Михаил Викторович поднялся на второй этаж, где располагался его рабочий кабинет, им внезапно овладело странное чувство. Профессор медленно повернул ключ и вошел внутрь. Первым тревожным сигналом было полураспахнутое окно. Ларин никогда не оставлял окна открытыми, с суровой педантичностью исследуя обстановку помещения перед уходом. Интуитивно он перевел свой взор от окна к книжному шкафу-купе, который находилась у стенки, позади письменного стола. Даже издали было видно, что по книгам прошла чья-то рука. Некоторые учебники были сброшены на пол. Ларин старался обуздать тревожные чувства. С невозмутимым видом профессор подошел к библиотеке, после чего перевел взор на рабочий стол. На письменном столе он увидел изодранную книгу, а возле нее — послание на листе бумаги формата А4. В записке, если ее можно было таковой назвать, черным маркером было выведено следующее: «ГНИДА. СЕПАР. ВЫРЕЖУ ПЕЧЕНЬ».

В голове у Ларина на мгновение помутилось. Профессор закрыл глаза, желая видеть произошедшее сном, но не явью.

«Ну и мерзость...»

Уж чего только не повидал Ларин на своем преподавательском веку, а такое происходило с ним впервые. Ни с чем не сравнимое зрелище. Беспокойство им овладевало постепенно. Словно яд, оно расплзлось по венам и артериям. Профессор по-прежнему отказывался верить в реальность происходящего.

— Да как же это... — невольно произнес Михаил Викторович и развел руки в стороны. В новых обстоятельствах его защита дала трещину. В какой-то момент Ларин даже почувствовал, как что-то внутри больно сжимает ему грудь, и наклонился вперед. Но вовремя встряхнув головой и, отняв руку от стола, профессор все же сумел вернуться в состояние логи-

ка, принимавшего конъюнктуру. Теперь в глазах его был заметен гневный туман — явление столь нетипичное в смиренном и терпеливом образе. Прикрыв окно, Ларин взял бумажку и спокойным шагом направился к ключнице. Теперь он думал о несчастье. Но не как о постигшем его лично в этот день, а как о глобальной величине размером в целое государство.

Ключница Марина была единственной, кто имел запасной ключ от кабинета профессора. Дубликат на случай «ЧП» хранился бережно, и эксцессов никогда не возникало. Свой же ключ Ларин никогда не упускал из виду..

— Здравствуй, Марина! Как поживаешь?

— Ой... Здравствуйте, Михаил Викторович! Чудно-чудно. А... вы сегодня в первую смену? — Ключница заметила необычное состояние Ларина.

Профессор внимательно глядел на стенд, где висели ключи от университетских кабинетов.

— Мариночка, скажите-ка... Ключ от моего кабинета вы, случайно, никому не давали?

Ключница побледнела от испуга.

— Да что вы, Михаил Викторович. Бог с вами! Да разве возможно такое... Он все время здесь висел. У меня в журнале на каждый день все отмечено. Если хотите, сами посмотрите...

— Нет-нет... Я вам верю. А скажите еще такое... Вы никуда вчера надолго не отлучались?

— Михаил Викторович... Что вы... Мне уж выговор раз был по «беготне в столовую»... После — так глаз да глаз! Господь с вами... А что стряслось-то?!

— Ничего. Пустяки... Благодарю вас, Марина. Хорошего дня.

Взбудораженная внезапным допросом, ключница испуганно глядела вслед исчезающему профессору.

Полный решимости, Ларин тотчас направился к ректору — своему старому знакомому Алексею Петровичу Малащенко. Ему практически удалось усыпить разыгравшийся внутри тайфун. Одна только рука отказывалась подчиняться доводам разума и нервно сжимала листок.

— О, Михаил Викторович! Какой внезапный визит... Давно вы не заходили. Чрезвычайно рад вас видеть...

В отличие от Ларина, даже в столь почтенном возрасте сохранившего в облике своем все тонкости природного интеллигента, Малащенко выглядел весьма провинциально. Крепкий мужчина сорока пяти лет с несколько квадратным лицом и ярко выраженными скулами, он обладал насмешливым анфасом с примесью хитринки.

— Доброе утро, Алексей Петрович. Взаимно. Как вы поживаете?

— С трудом дышится, Михаил Викторович. С трудом дышится... Что ни день, то съезд. Вроде как забросать решили... М-да... Ну а ваши как дела? У вас, насколько я помню, сегодня первая смена...

— Да-да. Всемирная история... — Ларин сделал паузу. — Алексей Петрович... очень неприятно об этом говорить...

— А что... что-тостряслось?

Малашенко внезапно переменился в лице. Улетучилась былая легкость. Он подключил ректорское зрение. В последние полтора года такие речи не сулили ничего хорошего. Должностные лица сидели как на углях, в любой момент ожидая худшего. Тем более, Малашенко был хорошо осведомлен о взглядах Ларина.

— Сегодня утром я обнаружил свой кабинет разгромленным... И среди общего бедлама на рабочем столе... я нашел вот эту мерзость.

Сидя в кресле напротив ректора, Ларин протянул ему листок с угрозами. Малашенко тревожно глядел на профессора. Плотнее надвинув очки, он стал жадно вчитываться в хамские угрозы.

— Вы обнаружили это сегодня?

Ректор вновь перевел взор на Ларина.

— Да. Она лежала возле изувеченного учебника.

— У меня... У меня нет слов. Но кто мог? КАК проникли?

— Ну... это сделать не так уж и сложно, согласитесь... Если задаться целью... И если тобой движет ненависть.

Малашенко медленно снял очки и приложил пальцы к вискам. Он не ошибся в своих предположениях, и теперь, прежде всего, опасался за репутацию учебного заведения.

— Михаил Викторович... — Зная натуру Ларина, Малашенко решил обойтись без обиняков: — Давайте будем откровенны. Мы живем в очень непростое время. Опасное время. И на педагогов ложится великая ответственность... Ведь, так или иначе, мы являемся наставниками... Проводниками мысли в головы молодежи. А уж какими должны быть... эти мысли... решает... министерство образования.

— К чему вы клоните, Алексей Петрович?

— К тому, Михаил Викторович, что ваши позиции противоречат утвержденному курсу. Вы плывете против течения. Сегодня власти делают серьезную ставку на молодежь... и первоочередной задачей для нас, для педагогов, является воспитание молодежи в духе патриотизма.

Профессор счел схематичные «проповеди» ректора продолжением так называемого ученого съезда, где главам киевс-

ких вузов капали на мозги требованиями «обеспечить необходимую правительству систему воспитания».

— Уж не считаете ли вы меня бунтовщиком, право, Алексей Петрович? Я лишь хочу, чтобы ребята учились мыслить разносторонне. Умели анализировать. И не принимали за чистую монету ложь и популизм... Я никогда не лгал студенту, Алексей Петрович. Ни при Союзе, ни теперь. И если заданный правительством курс... на самом деле пагубный и ложный, я почитаю своей обязанностью, педагогическим долгом, если хотите... сообщить об этом ученикам.

«Чего доброго... он на дно пойдет... и меня за собой потянет...» — промелькнуло в голове у Малащенко в момент, когда откровенничал Ларин.

— Михаил Викторович... Я чрезвычайно высоко оценивал и оцениваю вашу педагогическую деятельность. В конце концов, я и сам прошел через вашу школу, а потому прекрасно осведомлен в ее сильных сторонах. Но все же... Скажите, стоит ли оно того? Ведь это же натурально опасно в нынешней ситуации...

— Большое общество, Алексей Петрович. Большое общество... И свершившийся акт — наглядное тому подтверждение. За тридцать с лишним лет преподавательской деятельности с подобным я сталкиваюсь впервые. Если это не является предвестником вырождения нации, тогда что же это такое? И вы предлагаете мне как педагогу оставаться в стороне... когда на моих глазах происходит... Вот вы говорите «правительственный курс»... А я вам отвечу, любезный Алексей Петрович, что никакого п-р-а-в-и-т-е-л-ь-с-т-в-а у нас нет. И те преступники, которые пришли к власти с помощью насилия... теперь намереваются превратить и нашу молодежь в таких же преступников, как они сами! И что, я должен заметить... им это с успехом удастся.

В чувственном волнении Ларин схватил записку с угрозами.

— Но позвольте, Михаил Викторович... Вы... уж слишком резки в своих суждениях. Мнение мнением, профессор... Но ваши слова...

Малащенко вынул платок из грудного кармана и провел им по лбу.

— Что ж необычного вы услышали, Алексей Петрович? Или такого, чего бы мы не обговаривали с вами ранее, наедине. И ведь прошло с тех пор не так много времени.

— Ну знаете, Михаил Викторович. Уж вы... похоже на то, что вы... — Малащенко загадочно поиграл рукой.

— Ну что же?

— Гоните контру.

— Что вы такое говорите, ректор...

Ларин невольно обратился к позиции «кэпа» из известного интернет-мема, обхватив голову рукой.

— Да-да, профессор Ларин. Вы откровенно игнорируете... некоторые приличия. Демонстративно даже... Ну вот... вот вы скажите, какая книга была изорвана?

— Что, это так важно?

— Да, профессор. Это очень важно.

— Соловьев. «Чтения по истории России».

— Ага! Вот... вот видите! Это же ответ... Реакция на ваши... оппозиционные суждения.

— Позвольте... Соловьев — это классика. Вершина педагогического искусства. На чем же их тогда растить? Уж не на отходах ли, простите, Юрка Заднепровського? «О неизвестных и непризнанных героях движения УПА»...

— Кстати, вы зря смеетесь, профессор. Очень недурно он пишет. Нестандартно подает!

— Безусловно. Особенно подходит для тех, кто стремится взрастить поколение с перевернутыми мозгами. Студенты у нас и так уже «затроленные до смерти» благодаря социальным сетям... так давайте окончательно их добьем!

— Михаил Викторович... вы неумолимы. Поймите... ведь не мы определяем правила игры. Вам ведь известно, что я... отчасти с вами даже солидарен. Но, профессор... Я человек подневольный. И лишь исполняю поручения министерства образования. Могу я не подчиняться их наставлениям и проводить собственную политику? Я высоко ценю вас как педагога... и уж тем более как человека. Но, Михаил Викторович... если б вы действовали... помягче... Это было бы нам всем только на пользу...

В глазах Малащенко Ларин наблюдал безнадежное следование постылому курсу.

— Близится лекционное время. Нужно еще сделать приготовления... Благодарю вас за аудиенцию, Алексей Петрович...

Ректор произвел нетерпеливое движение.

— Мы обязательно проведем расследование. И будьте покойны, Михаил Викторович... уж если виновник или виновники найдутся... Конечно... не хотелось бы... привлекать много внимания... Шумиха здесь, полагаю, ни к чему... Но, разумеется, если вы пожелаете обратиться в соответствующие структуры, мы вас поддержим...

— Нет-нет, что вы... Это ни к чему.

Теперь Ларин глядел на проплывающих мимо студентов, как на вражеское племя. Впервые он столкнулся с такой претупной дерзостью. «Говорите, миновали времена гитлерюгенда... Говорите, умершие не возвращаются... Ну-ну...»

Рассматривая ухоженные лица современных молодых людей, их гардеробы по последней моде, Ларин все отчетливее сознавал, сколь вопиющей является разница между внутренним и внешним. И какая громадная духовная пропасть образовалась за последние десятилетия...

«Честь, совесть... Господи, они хоть понятие имеют, что это такое...»

Печальное бессилие внезапно овладело Лариным. Его собственная деятельность вдруг показалась ему такой несущественной и бесцельной. «Кого мы учим... Для кого мы пишем...» — думал профессор, покидая пределы своего кабинета, кое-как «отреставрированного» после набега вандалов. Теперь Ларина ждало новое испытание — лекционная аудитория. Интуитивное чутье подсказывало профессору, что виновники могут находиться в зале. И глядя на него, как на обезьянку, они будут лопаться от внутреннего смеха. Повод у них теперь имеется.

— Михаил Викторович... Здравствуйте. Кажется... у нас возникла ситуация...

На пороге аудитории профессора встретил его ученик Антон Тихонов.

Третьекурсник Тихонов был одним из инициаторов создания подпольного кружка «роялистов». Именно он и еще двое его товарищей по группе являлись преданными поклонниками научного творчества Ларина. Благодаря грамотной методике преподавания Михаил Викторович сумел пробудить в ребятах тягу к поискам все новых источников мысли. Что способствовало развитию их скрытных талантов и потенциалов...

С учетом обстановки, которая сложилась в государстве, их закрытые встречи были не безопасны. Ведь на них обсуждались запрещенные книги, подрывающие авторитет действующей «революционной» власти. Именно поэтому профессор долго сопротивлялся идее создания кружка. Лишь после долгих переговоров, множественных доводов со стороны Антона и его товарищей, Ларин «дал слабину». Разумеется, выступая «отцом-основателем», профессор не имел каких-либо контрреволюционных помыслов. Единственно, как и прежде, Ларин призывал ребят думать самостоятельно, сопоставляя различные мнения.

— Здравствуй, Антон... — отрешенно молвил Ларин. Он все еще был погружен в утренние происшествия. — После лекции мы непременно все обсудим... У меня тоже есть новости...

Перемена в настроении Ларина не ускользнула от наблюдательного студента. Обладая достаточно развитым интуи-

тивным чутьем Тихонов понял, что худшие его опасения начинают сбываться...

Антон представлял собою то киевское меньшинство, которое задаватели нового еврокурса стремились побыстрее заткнуть и вычеркнуть. Явление Тихонова вообще было довольно странным. Количество думающих, алчущих знаний молодых людей, имеющих свою аргументированную позицию, в том числе и в вопросах политики, сокращалось из года в год. Тем более они не вписывались в рамки курса, предначертанного новым порядком.

Рос Антон в семье киевских интеллигентов, среди деревянных полочек, заставленных отечественной и зарубежной литературой. Молодой человек, в отличие от многих сверстников, систематически потребляющих голливудское кино и игровые журналы, время от времени посещал музеи, театры и оперу. Помимо истории, в которой Тихонов видел призвание, его привлекали журналистика и психология. Большое воздействие на формирование его личности оказывали русские писатели, а потому неудивительно, что молодой киевлянин ощущал себя частью русского мира и был одним из тех, кто считал невозможным рассматривать украинскую историю отдельно от российской. В Ларине Антон видел прежде всего единомышленника и талантливого оратора, способного оживить всякую идею. С помощью нестандартной презентации материала, суждений, не расчерченных по схемам, профессор сумел заручиться доверием и поддержкой своих «роялистов», что было очень немаловажно в современном положении. Ведь в «новой» Украине любое инакомыслие подвергалось жестоким нападкам.

— Добридень, шановне панство!

Взойдя на сцену, где за лекторской трибуной, Ларин, — благодаря многолетнему стажу и добротной подготовке обычно чувствовал себя как рыба в воде, — теперь не ощущал былого спокойствия. Нависающие над ним полукругом молодые головы не пробуждали в нем жизнерадостных чувств. Он испытывал дискомфорт, пребывая в поле зрения своих учеников. Ему была ненавистна мысль о том, что виновники могут находиться в зале. Лишь последний извращенный разум был способен на такое преступление. Разве можно говорить с ними после этого об истории, о каких-либо высоких категориях? А быть может, это и вовсе была провокация... Цинично спланированная. Вокруг него много недоброжелателей.

Несмотря на давление, Ларин сохранял визуальное спокойствие. Его речь была столь же отчетлива, сколь и многогранна. В конце концов, он обратил волнение себе на пользу.

Им овладел спортивный азарт. Теперь профессор жаждал перейти в «контрнаступление», не уделяя особого внимания политической цензуре...

— В 1265 году брат короля Франции Людовика Святого Карл Анжуйский получил от вступившего с ним в сговор папы Климента Четвертого согласие на потомственное владение Сицилийским королевством... Карл Анжуйский на радостях тотчас поднял армию и 26 февраля 1266 года разбил оппозиционные войска действующего короля Манфреда. Кстати говоря, эта битва для Манфреда оказалась последней... Затем, практически не встречая сопротивления, войска Анжуйского заняли всю территорию острова Сицилия....

Ларин перемещался по сцене, удерживая одновременно в голове и схему лекции, и вероятную схему действий ненавистников, проникающих в его кабинет. С какою ненавистью, неудержимостью орудовали преступники. Их даже не пугало разоблачение...

— Но недолго музыка играла. Правление Карла Анжуйского было деспотическим. Все обременительные подати Гогенштауфенов, бывших правителей из династии германских королей, при новой власти были только преумножены... Тысячи приверженцев Штауфенов... были казнены или брошены за решетку. Земли, жалованные Фридрихом Вторым и его сыном Манфредом, павшим на поле брани, были конфискованы Карлом и отданы французским рыцарям... Французы вели себя на Сицилии как последние негодяи!

Профессор ощутил прилив энергии. Он получал удовольствие от гибкости нынешнего материала, что позволяло перенаправить основную мысль в желаемое русло. В тот момент, когда другие студенты пребывали в нейтральном настроении, Тихонов и его товарищи по кружку находились в преддверии интереснейшего диспута.

— Недовольство новой властью достигло апогея в 1282 году... В Палермо вспыхнуло антифранцузское восстание, известное в истории, как «Сицилийская вечерня»... В течении одной недели на Сицилии практически все французы были перебиты. Попытка Анжуйского подавить восстание провалилась... В августе 1282 года... на остров прибыл зять убитого Манфреда — арагонский король Педро, которого сицилийцы встретили с вострогом, доверив ему бразды правления... Разумеется, французский монарх не мог смириться с таким положением дел и еще предпринимал попытки вернуть Сицилию под свой контроль. Но все они были тщетны. Сицилийское королевство отныне стало жить под покровительством нового монарха...

Во время выступления Ларина глаза Тихонова были обращены к верхнему ряду, где чей-то злобный взгляд уже пронзал профессора из малоосвещенных глубин аудитории.

— То же самое будет и с русскими в Крыму! — слышался хриплый голос на галерке. По аудитории прокатилась волна смеха.

— Только полюбуйся на них... — шепнул Тихонов своему товарищу по парте, единомышленнику Егору.

— Безусловно! — профессор подхватил речевой продукт с целью его дальнейшей переработки, — Всякого может ждать подобная участь, если он станет унижать, грабить и насилловать... Но на данном этапе... мне ситуация видится иначе.

— И как же иначе, интересно знать? — не без возмущения произнесла симпатичная девушка в темно-синем жилете. — Разве Крым не подвергся насильственной оккупации?!

Основная масса присутствующих и на этот раз также предалась стадному одобрению.

— Насильственной... она являлась бы, уважаемая Анастасия, только в том случае, если бы Крымский полуостров был подчинен с помощью военной силы, направленной на подавление восставших крымчан... Но, как мы могли увидеть... жители Крыма не подвергались пыткам и истреблению. Напротив. В новопришедшей власти, как и сицилийцы, они видели избавление, защиту от тех сил... облик которых внушал им страх.

Молчание нарушил все тот же неопознанный субъект с галерки:

— Так разве это не сепаратизм?! Если по-нормальному, то крымчане обязаны понести наказание, равно как и донецкие сепары! Где это такое было, чтоб часть одной страны могла так просто перейти к другой?! Где?!

Голос студента, его однобокие, эмоциональные замечания, — всё это раздражало Ларина. По причине утренней ситуации с кабинетом, он был особенно восприимчив.

— Прошу прощения... Могу я узнать ваше имя? По-видимому, вы нечастый гость на моих лекциях... К сожалению, не удалось его запомнить.

— Порохнюк! — слышалось из глубин студенческой «норки». Коротко стриженный молодой человек в темно-зеленом свитере вызывающе глядел на профессора.

Ларин почувствовал неприязнь к этому студенту. Весь его облик свидетельствовал о неуважении. Профессор никогда не применял «пресса» в отношении прогульщиков, аргументируя их нежелание посещать лекции своими личными проблемами. Обычно, под конец семестра, он удовлетворял их

отметкой «удовлетворительно» и за этим следовало расставание. Но сегодня, вероятно, по причине утреннего расстройства, Ларин имел желание ответить на вызов вызовом...

— Вот скажите, любезный Порохнюк... К примеру, если бы ваша девушка, не приведи господь, более не захотела с вами сожительствовать... вы бы стали удерживать ее силой?

По залу прокатился шумок. Наиболее куражились барышни. «Неосторожно, Михаил Викторович...» — думал Тихонов, не сводя глаз с Порохнюка. У того глаза налились кровью. Лицо внезапно искривилось от злобы.

— Ну так что же?! — продолжил Ларин.

— Все от ситуации зависело бы! — отрывисто бросил Порохнюк, вне себя от негодования. Молодой человек уж более не присутствовал на лекции. Он удалился в свои зловещие, нетерпеливые помыслы.

— Так вот. Насилием верности не добьешься. Оно побуждает к движению... только в противоположную от насильника сторону. Жители Сицилии избавились от террора Анжуйского и присягнули на верность тому правителю, который им был больше по душе. В Педро они видели прежде всего защитника и потенциального реформатора. Могли французы избежать этого? Полагаю, да. Каким образом, как вы думаете?

Слово взял Тихонов.

— Вероятно, если бы они создали благоприятные условия жизни, более подходящие для жителей острова... предоставили им те или иные свободы и при этом не обременяли их налогами... бунта удалось бы избежать. Одним словом, французам необходимо было учитывать интересы сицилийцев, а заодно и специфику их образа жизни...

— Пожалуй, соглашусь с вами, Антон... Если бы жители Сицилии увидели, что вместе с Анжуйским действительно пришел прогресс и жить стало лучше, чем при былом правителе Манфреде, никакой «Сицилийской вечерни», вероятнее всего, не произошло. Да и Педро вряд ли бы понадобился... Но сицилийцы получили от французов только худшее обращение и непомерные налоги...

— Но ведь крымчан никто не спрашивал. Их референдум — это фикция! Ведь он проводился, когда в Крыму было полно русских солдат... В таких условиях разве может голосование быть справедливым?! — возмутилась передовая активистка, участница студсовета Ирина.

Ларина начала одолевать скуку. В какой-то момент она даже затмила утренние переживания. Вопросы и реакции большинства его учеников, в недалеком будущем — коллег, были предсказуемы и банальны до ужаса. В них ощущалось

дыхание бытовухи. Она теперь кругом. Проникает во все возможные сферы, в том числе и в науку. «А ведь это будущие историки и философы... Неужели их предел — это строчки на форуме да красная новостная телелента... Что дадут, то и слопают... В такие моменты Ларин начинал гордиться своими «роялистами» больше обычного.

— Ну это довольно легко проверить, Ирочка... Уверен, многие из вас «проживают» в социальных сетях... Находятся там и крымчане. Изучите их странички. По записям на «стенах», фотографиям и сообществам, в которых они состоят, вы с легкостью сможете определить, какую позицию они занимают. И вот вам тот самый независимый экзит-полл! Конечно, «фейки» следует игнорировать. Но отличить подменную страницу от «фейка» не так и сложно... Не мне вам об этом говорить... Так вот, я уверяю вас, коллеги, вы получите подтверждение результатов референдума, проведенного 16 марта 2014 года.

— Ну так они «зомбаки»! На них повлияла пропаганда! — разнеслись по аудитории недовольные замечания.

— Можете поверить, киевляне в их представлении точно такие же «зомбаки», которые находятся под воздействием другой пропаганды... И чья правда? А договариваться-то рано или поздно все равно придется...

— За нами будет правда! — заключительный «аккорд» остался за Порохнюком. Молодой человек демонстративно покинул пределы аудитории. Ларин, глядя ему вослед, вернулся к мысли о коллективном бессознательном падении. «Да... а ведь это лишь отголоски...» — подумал профессор и снова обратился к аудитории.

— Правда правдой... а об этике забывать все же не стоит. Подводя итоги сегодняшней лекции, уважаемые коллеги, я хотел бы сказать следующее... Насилие контрпродуктивно. Взаимопонимания в семье, государственной целостности можно добиться лишь действуя в рамках правового поля, учитывая интересы всех сторон в конфликте. Тот, кто продвигает исключительно свои интересы, не задумываясь о положении других — обречен на поражение...

В былые годы, когда Ларин находился на пике продуктивности, он видел заполненные аудитории. Собирались бакалавры и аспиранты, представители ученой касты всех мастей. Они наблюдали самое настоящее историческое представление. Слушатели покидали зал в удивлении и задумчивости. Некоторые были сердиты или растроганы. Но равнодушных практически не оставалось. Во всех его чтениях присутствовал элемент спектакля. Словесное искусство, подкрепленное деятельностью ярчайшего, неутомимого интеллекта...

Со временем профессор значительно понизил градус. На смену одной эпохе пришла другая. Большое пламя стало потихоньку угасать. Ларин засомневался в целесообразности своего подхода. Да и интеллектуальный уровень студенчества, как и общества в целом, резко пошел на спад. Нынешние его выступления были бледной тенью той минувшей феерии. Впрочем, Михаил Викторович адекватно принимал действительность (редкое явление среди мужчин его возраста, в том числе и ученых) и рассматривал творческий спад как явление естественное, отвечающее возрасту, иным временам и условиям.

Задумчивыми выглядели только его «роялисты» и еще некоторые студенты. Остальные как с беспечной болтовней на устах вошли в аудиторию накануне лекции, так с той же болтовней и покинули ее после. Профессор был рад даже нескольшим вдумчивым слушателям...

После окончания лекции Ларин имел привычку сразу же открывать входную дверь, чтобы аудитория быстрее проветривалась. Тут он вновь стал свидетелем интересного явления. Профессор был обескуражен видом испуганной, неловко отбегающей фигуры преподавателя «истории Украины» Антонины Андреевны Клобко.

Он подозревал, что Клобко систематически писала на него доносы, плела заговоры, настраивала против него педагогический коллектив и даже студенчество. В разгар майдана Антонина Андреевна таскала «мирным» демонстрантам еду и теплые вещи. А в самые первые дни — водила туда кучками патриотически настроенных молодых людей, учащихся вуза.

Перебравшись в столицу на волне первой так называемой «оранжевой революции», Клобко принялась распространять антироссийскую риторику среди студенчества. Ее «гуцульские» повадки, прямые и грубые, оказывали сильное влияние на впечатлительную молодежь. Лекции ее пестрели лозунгами и призывами. Такая расстановка полностью отвечала интересам людей, пришедших к власти в Киеве на волне переворота. Ларин хорошо понимал, с кем имеет дело, а потому на все провокации Антонины Андреевны глядел с иронией, не придавая им особого значения. Хотя ему и не нравилось, что таким педагогам позволяют воспитывать молодежь.

«Невероятно. До какого маразма могут доходить люди...» — думал профессор, глядя вослед исчезающей за спинами проходящих студентов «разведчице» Клобко.

Ларин вновь обратился к утреннему погрому. Его вновь охватила печаль. Печаль за молодых людей, которым еще

усерднее будут внушать мысли, ведущие к падению личности и ее деградации. За своих мальчишек и за Женю, которые, в отличие от него, еще так юны и которым, вероятно всего, придется жить в «перевернутом», болезненном государстве долгие годы. Им будет очень нелегко. Быть может, он напрасно подпитывает их оппозиционные суждения? Вероятно, куда безопаснее для них было бы принять те же революционные «привидения», в которые по-прежнему верует большинство жителей Украины. Но разве может он лгать своим ученикам и черное называть белым? Тогда чем он будет отличаться от Клобка и прочих фальсификаторов?

— Михаил Викторович! — Размышления Ларина прервал Тихонов. — Хотел поговорить с вами по поводу... нашей ситуации.

Глядя на своего ученика, принявшего образ мыслей, прямо противоположный властвующему сегодня, профессор встревожился еще больше. Даже внешний облик: и волевые карие глаза, выражающие готовность защищать свои убеждения, а вместе с тем и души людей от влияния лживой пропаганды, и строгие черты лица — все в нем свидетельствовало о желании гордо нести знамя своей идеи.

— Да-да, Антон... Давайте спустимся в столовую. Под кофе веселей беседовать.

Ларин не ведал, о какой именно ситуации хочет говорить Тихонов. Возможно, кому-то стало известно об их собраниях. Кругом сплошные уши... Или же ему могли быть известны некие подробности утреннего погрома... В любом случае Ларин не собирался скрывать от Тихонова факта вандализма.

В недавно отремонтированной студенческой столовой было довольно уютно. Полированные деревянные столики, новая обивка, комфортабельные стулья с заботой о спине сидящего — весь этот ремонт, почти что превративший студенческую закусочную в кафе, был произведен во времена прежней опальной власти. Революция же подарила городу только непомерные тарифы и памятники погибшим «героям», в известное время с жестокостью насилующим столицу.

— Сегодня утром я слышал разговор двух подозрительных ребят... — начал Тихонов. — Я их не раз видел в нашем корпусе. Крепкие, с неприятными лицами, коротко подстриженные... Очень похожи на представителей радикальной клики. Так вот... в разговоре они упоминали ваше имя, Михаил Викторович...

«Ти-ти-ти... Значит, решили взять в оборот. Перейти к активным действиям», — думал Ларин, внимательно слушая своего подопечного.

— Ну что ж... Этого следовало ожидать, Антон. Так или иначе... ведь я и раньше получал угрозы. Правда, на этот раз кто-то решил, что настало время перейти... от угроз к действиям...

— Что-то произошло? — Тихонов с тревогой взглянул на профессора. Сердце его забилось сильнее. Жить в постреволюционном бардаке людям с оппозиционными взглядами было очень непросто, а потому они крепко держались друг за друга. Наступление на одного означало наступление и на остальных.

— Сегодня я обнаружил свой кабинет разгромленным... — Ларин говорил вполголоса. Ближайшие столики были заняты учащимися. — И я нашел нечто похожее на записку... Ее вполне можно расценивать как угрозу...

— Немыслимо. Есть ли у вас предположения, Михаил Викторович? Что вы предприняли? Ведь нельзя спускать подобное...

— Перед лекцией я был у Малащенко. Ректор обещал провести расследование... Негласное, разумеется. Но это лишь формальность... Ты ведь понимаешь... — Холодный взгляд Ларина лишь усугубил переживания студента. — Существует угроза для всех, Антон... — продолжил профессор. — Я пожилой, одинокий человек... Меня можно раздосадовать, да... но запугать — непросто. Однако я думаю о вас, Антон. Ведь... если условия еще более ожесточатся... А вам нужно думать о будущем. Разумно ли бравировать такими взглядами?

Ларин высоко ценил в своем юном протезе аналитические способности. Тихонов ни на мгновение не прекращал заниматься саморазвитием. Но невзирая на все достоинства, профессор видел в своем одаренном ученике человека страстного, готового с жаром следовать за идеей, которая отвечала бы его критериям и представлениям. Как и многие другие творческие, обладающие широким кругозором молодые люди, Тихонов был склонен увлекаться. Потому-то Ларин глядел на их внеурочные чтения, откровенно не отвечающие стандартам «новой» украинской реальности, с некоторым беспокойством. Ведь излишняя пламенизация юношеской души часто приводит к самым негативным последствиям.

— Странно слышать это от вас, Михаил Викторович... Каким же образом вы предлагаете мне перестроиться? Ведь позиции мои сформировались не за один день... — Ларин приветствовал партнерские беседы между преподавателями и их подопечными. Иерархические условности, следуя его мнению, годны были только для лекций и семинаров. — Как вы знаете, я вырос в русскоязычной семье... Моя мать — укра-

инка. Отец — русский. Притом у меня проживают родственники, как в Запорожье, так и в Калуге... Я могу рассматривать Украину лишь в контексте общеславянского, русского пространства. Да я никогда и подумать не мог... — Тихонов тоже говорил вполголоса, искренне и эмоционально.

— И я не мог подумать, Антон. — подхватил речь профессор. — Но мнение наше мало кого интересует. В такой обстановке мы с тобой являемся... носителями «неправильной» схемы. И последние события тому подтверждением. Даже на сегодняшней лекции ты мог наблюдать эту «химическую реакцию». Когда в разум, пребывающий под воздействием длительной обработки, подливают инородные суждения... Как и в случае с этим парнем Порохнюком... Что происходит? Происходит взрыв. Учтите, с таким вам придется сталкиваться п-о-в-с-е-м-е-с-т-н-о. Да вы и сегодня уже это ощущаете...

— Известно, он не ходит не только на ваши лекции... — Антон попытался перевести тему.

— Да я и сам был излишне резок с ним. Как бы там ни было... а он получит свои шестьдесят баллов. Как и прочие прогульщики. Мне приятнее обеспечить им какой-никакой зачет заочно, чем наблюдать их в послеурочное время, проедающими меня вблизи ненавистными глазами...

Ларин понимал, что не сумеет повлиять на выбор Тихонова. Да, в сущности, профессор и не особо того желал. Единственное, чего он опасался, — излишней радикализации во взглядах и поступках. Молодые люди склонны к абсолютизму, а это всегда опасность.

Заседание кружка «роялистов» пришлось перенести из-за изменений в расписании. У профессора намечалась еще одна лекционная пара, а потому, распрощавшись с Антоном, он вновь отправился на кафедру. Ларин поймал себя на мысли, что нынешняя осень сказывается не лучшим образом на его самочувствии. Профессора одолевали какие-то мутные, почти что меланхолические чувства. «Чёрт-те что... — думал Ларин, глядя в окно в холле третьего этажа. — Все одно на другое накладывается. И с таким трудом переносится. Вероятно, возраст...»

Очутившись на кафедре, Ларин принялся перебирать на полке журналы. Помимо него в кабинете находились трое: молодой мыслитель, еще не испорченный преподаватель «этики» Власин, с которым профессор находился в приятельских отношениях, юная методист Симоненко — подопечная Клобко, обладающая не по годам развитой мегерской сущностью (хотя и скрытной), и непосредственно сама Антонина Андреевна, «предводительница» всех историков.

— Уж сократили до минимума количество часов, Михаил Викторович... «Культурология» и «Этика» нынче не в почете... — с досадой произнес Власин, нажимая пальцами на кнопки ноутбука. — Каким образом уложиться в эти рамки — не представляю. Тогда лучше вычеркните предмет из программы! Зачем издеваться над наукой?

— Культура и этика сегодня не в почете, голубчик, — ответил Ларин, листая журнал будущей лекционной группы. — Сейчас все силы брошены на воспитание образцового исполнителя — с-л-у-ж-а-к-и, беспрекословно исполняющего волю хозяина... Чем меньше в нем морали и этики, тем лучше. Чтоб только подчинялся и ни о чем большем не задумывался... А в послерабочее время всячески разлагался в индустрии развлечений... Ну или читал бы интернет и смотрел новости по ящику... Там заодно научат, как надо правильно смотреть на вещи...

— По крайней мере, Михаил Викторович... — Клобко вымолвила имя профессора с некоторой брезгливостью, — там их научат не быть предателями и любить свою родину.

— Любить родину можно по-разному, Антонина Андреевна... — парировал Ларин. — Слепая любовь губительна... Ведь при такой любви вы не сможете адекватно оценивать реальное положение дел... В 36-м году немцы тоже... очень любили свою родину... Не задумываясь о том, в каком состоянии она находится. И к чему это привело, нам всем хорошо известно...

— Так, Михаил Викторович... Давайте не будем, — прохрипела Клобко, словно получив по больному. Методистка Симоненко, бросив на профессора презрительный взгляд, лишь горделиво повела головой.

Через мгновение, когда Клобко решила покинуть помещение, Ларин ее задержал.

— Антонина Андреевна, погодите минуточку...

— Я вас слушаю... — С видом вселенской гордости и не глядя Ларину в глаза, Клобко с трудом терпела его присутствие.

— Вы в следующий раз заходите, не стесняйтесь... В аудитории места полным-полно. За дверью, чай, и слышно-то неважно... Мне от вас скрывать нечего. И тему раскроем, и нюансами поделимся...

— Ну знаете... — уязвленная Клобко спешно зашагала по коридору. К Ларину вновь вернулись постлекционные раздумья о людском маразме.

В кабинет свой профессор зашел, как ниндзя, — резко, оглядываясь по сторонам, словно пытаясь уловить чье-то

присутствие. «Нервы...» Он пришел к тому же выводу. За рабочим столом Ларин уже не чувствовал себя комфортно. После разрушительного акта всё как будто бы переменялось: и цвета, и атмосфера. Воздух пропитался нехорошей энергетикой. «Что ли придется запросить другую комнату... Бред какой-то».

Последующие пары Ларин проводил в ритме «будничного препода». Материал он подавал не отрывая глаз от шпаргалки. Его начала одолевать усталость. Группу Ларин решил отпустить пораньше. Мотивация окончательно иссякла с приходом сумерек. Наблюдая из окна своего кабинета игру октябрьской листвы, профессор затосковал еще больше. «Зачем преподавать... — размышлял он в тишине. — С голоду не подохну... Просто сойду с этой тропы, ведущей в никуда... Работы и мысли мои теперь ничего не стоят. В эфире я последний раз выступал полгода назад. На радио «изгой»... Разумеется, можно было бы мигрировать...»

Ларин не раз получал приглашения от российских вузов, но всякий раз отвечал: «Спасибо, я подумую...» Его пугала мысль о том, что в стране останется властвовать упадочническая философия национализма, а шайка дорвавшихся до власти «оборотней» будет продолжать беспрепятственно терроризировать головы людей, прежде всего — молодых, лживой пропагандой.

«Какие глупости... Выдумал себе праведную миссию, пенсионер...»

Тогда Ларин вновь возвращался мыслями к Евгении, потечески им любимой молодой девушке, чья судьба с недавних пор была сопряжена с идеей противостояния новому режиму. Ларин снова и снова думал о Тихонове и других ребятах. Как может он бежать, оставляя их один на один с этой мерзкой реальностью... Профессор тотчас отбрасывал мысли о переезде. И к нему вновь возвращалась стержневая идея борьбы за будущее. Борьбы на интеллектуальном фронте.

По окончании рабочего дня, в холле, Ларин повстречал ректора Малащенко. Тот как-то нервически поглаживал свои виски. Увидев профессора, Малащенко одарил его многообещающим кивком головы. Сделал он это через силу, явно не желая видеть сейчас Ларина с его утренней проблемой, и уж тем более ею заниматься.

Профессор ощущал себя человеком без союзников. В реальности возможности людей, сопротивляющихся революционной идеологии, на Украине были незначительны. В сравнении с той многотонной волной, состоявшей из помеси всего самого грязного и подлого, — всего того, что было брошено на добычу власти и ее удержание, — контрдействия почти

не имеющих поддержки, разрозненных граждан можно было бы назвать самодеятельностью. Лишь одна мысль согревала профессора. Сегодня в половину восьмого к нему обещала зайти Евгения...

Центральное расположение главного корпуса позволяло Ларину добираться до дома пешком, минуя столичные улицы с именами известных деятелей науки и искусства. «Вероятно, в скором времени и этих переименуют», — подумал Михаил Викторович, рассматривая фасады зданий. Сегодня он бы не отважился на пешую прогулку, если б не вечерний визит его бывшей ученицы. А как известно, человек, ожидающий встречи, способен преодолевать любые дистанции...

Обычно Ларин, как и утром, — добирался домой на метро. Эти считанные остановки было куда легче проехать, чем пройти. И дело здесь отнюдь не в почтенном возрасте профессора. С психологической точки зрения, Ларину было трудно свыкнуться с атмосферой так называемой перестройки. В кратчайшие сроки ею пропитались все объекты и площади. Легендарный оперный театр представлял собою жалкое зрелище. Там прямо под куполом был развернут громадный плакат, приветствующий бойцов одного из батальонов — убийц гражданского населения Донбасса. Театр русской драмы сегодня... был практически лишен той самой русской драмы и придан тотальной украинизации. Киевский музей до сих пор призывал глядеть на фотографии все тех же участников февральском путча — «избавителей», которые несли на «крыльях свободы» долгожданные «покращения». Кругом нависали рекламные плакаты, предлагающие посетить лекции каких-то заезжих проходимцев. О мистике и маркетинге в одном флаконе, как и в девяностые... Нет, даже лица горожан представлялись Ларину теперь совсем иными. В них не было присутствия будущего. Да и каким оно могло быть в свете неотвратимой социально-экономической разрухи? Голодным и жестоким.

Ларин пытался гнать от себя все эти болезненные мысли, желая вернуться к позитивному мышлению. По дороге он завернул в пекарню. Необходимо было «подсластить» существование, да и Евгению встретить достойно. Вечерние шумы Крещатика его мало трогали. Развеять грустные мысли, скрасить его душевное одиночество было под силу только одному существу — двадцатитрехлетней подпольной журналистке, блогерше Евгении Правинской. Подпольной потому, что ее деятельность никоим образом не вписывалась в систему деятельности «купленных оптом» столичных медиа. Ларин хотел скорее поделиться с нею дневными происшествиями...

Поднимаясь по лестнице в подъезде своего дома, профессор еще внизу заметил, что на его родном четвертом этаже был погашен свет. Лампы в коридоре включались автоматически, ежедневно в один и тот же час. Выключить свет можно было, опустив рубильник в коридоре. Но никто из соседей, чьи квартиры располагались параллельно, делать этого не стал бы. «Лампочка погасла, — озабоченно констатировал про себя профессор, преодолевая ступени. — Кажется, дома оставалась еще одна... Надо бы вкрутить до прихода Жени. Не хватало, чтоб девушка в темноте находилась...»

Выше Ларин ощутил запах сигареты. Он хорошо знал, что среди соседей — пенсионерки, редко бывающей дома, по большей части проживающей на левом берегу с семьей сына и четы молодых иностранцев, недавно вселившихся в квартиру напротив, — курящих нет. Это насторожило профессора еще более. С позиции третьего этажа он тревожно глядел вверх, всматриваясь в сумрак, выступавший из глубин знакомого коридора. «Вздор! Все это нервы...» — Встряхнув головой, словно желая избавиться от навязчивой мысли, Ларин продолжил восхождение. В тот момент, когда Михаил Викторович преодолел последнюю ступень и взошел на мягкую ковровую дорожку, ведущую к его обители, в сумраке послышались чьи-то шаги. Из темноты выплыл рослый субъект в темной куртке. В руке у него блестел нож. Ларин рефлекторно шагнул назад и выставил ладонь, как-будто предупреждая смертельный выпад.

— Сейчас я тебя буду резать, вата...

В непрошеном госте Ларин распознал мальчишку-студента, который днем демонстративно покинул его лекцию. Первый порыв — спастись бегством, профессор счел нецелесообразным. Преступник по-видимому находился в хорошей физической форме. Учитывая его нервическое состояние, можно было предположить, что за любым рывком последует незамедлительный удар ножом в спину. Звать на помощь было также бессмысленно. Ведь сюда преступник пришел с единой установкой — исполнить долг. Убить его — Ларина. Эти действия могут только дополнительно воспламенить инстинкты убийцы. Оставался единственный шанс на спасение — педагогическая риторика...

— Вы... хотите моей крови... Порохнюк? — Фраза эта вырвалась механически. В волнении профессор не сводил глаз агрессивного молодого мужчины.

— Закрой пасть, сволочь! — Студент резко пошел на сближение. Ларин прислонился к противоположному краю стены, упершись в нее спиной.

— Не нужно этого, молодой человек... Вы совершаете ошибку...

Порохнюк резко подлетел к нему, удерживая нож снизу. Ларин закрыл глаза уже предчувствуя смертельный удар в живот. Но преступник, крепко схватив его за ворот, сильнее придавил к стенке.

— Ты шо сегодня говорил, тварь?! Ты шо говорил?! Тебя предупреждали? Предупреждали?.. — Однако его возгласы контрастировали с выражением растерянности в глазах.

— Сюда сейчас придут. Вас распознают. Опомнитесь... Все еще можно изменить. Я обещаю, что помогу вам...

Глаза студента нервически забегали. На мгновение он даже ослабил хватку. Но после... накатилась новая волна.

— Т-ты сейчас умрешь! — Порохнюк бросил на Ларина безумный взгляд. — Я убью тебя... ты!

— Вы не хотите этого, Порохнюк. — Голос Ларина звучал все более уверенно. — Вы молоды. У вас впереди вся жизнь... Если вы станете убийцей — для вас все будет кончено. Позвольте мне помочь вам... Я обещаю вам... мы найдем выход...

— Закрой свою пасть... я сказал! — В безумной тряске Порохнюк немного отступил назад, явно намереваясь получить пространство для удара и исполнить приговор. — С-слава Украине! — отрывисто бросил студент, вероятно, для повышения храбрости. Профессор понял, что ситуация достигла предельной точки. Либо ему удастся сломить настрой агрессора, либо он лишится жизни.

— Стойте! — Ларин двинулся навстречу конвульсирующему «герою», видимо, переживающему наиболее судьбоносный момент в его жизни. — Вас обманули, Порохнюк! Вы думаете... что проходите крещение? Совершаете поступок во благо родины? Они сдадут вас, Порохнюк! Или убьют... завтра же! А тело ваше сбросят в первую сточную яму. Вы губите себя.

От этих слов студент вздрогнул.

— Замолчи... Ах ты... — Нож в его руке задрожал. Речи профессора достигли цели. Взгляд Порохнюка заметался по сторонам.

— Убить... — Страх выступил на его лице. Парень вошел в некий ступор. Теперь он страшно боялся быть разоблаченным, чувствуя, что все пошло не так, как планировалось изначально.

— Вы ничего им не должны! — Ларин понял, что ему удалось перехватить инициативу. Теперь необходимо было разблокировать вложенную в голову парня преступную программу.

— Замолчи... — Порохнюк произнес голосом разоблаченного безумца, потерявшегося в пространстве. В этот момент он даже не глядел на Ларина.

— Что они говорили вам? Что вы... должны доказать им свою верность? Это обман, Порохнюк! Они хотят использовать вас в своих грязных целях! Что вы этим докажете, ну? Свою верность преступникам? Или любовь... к своей родине?

Блуждающей взгляд Порохнюка вновь обратился в сторону Ларина. Словно после тяжелого гипноза, на нем одновременно проступили все черты человека, возвращающегося к реальности после кошмарного и длительного сна.

— Докажете любовь к родине, когда возьмете на себя... кровь невинного человека?! — С последними словами Ларин произвел психологический рывок в сторону парня. Более не в силах совладать с собой, молодой человек опустился на корточки и обхватил голову руками...

— Не могу! Я не могу...

Его отчаяние пронзало окружающую тишину. Сцена произвела на Ларина сильнейшее впечатление...

— Юноша... ну что вы... Что вы, юноша... — Профессор наклонился к парню и медленно провел рукой по его голове.

— Кончено... Все кончено... — твердил молодой человек.

— Нет... Я обещаю вам, все будет хорошо... Вы слышите? Даю вам слово, мы справимся с этим... — Ларин чувствовал, что если сейчас он позволит этому парню удалиться в таком состоянии, его неминуемо ждет гибель.

— Послушайте... Как ваше имя? Фамилию-то я знаю... — профессор избрал убаюкивающий, вкрадчивый тембр, способный заглушить боль и вызвать доверие у отчаявшегося подростка. Парень, сидя на коленях, прислонился головой к стене. Лицо его было бледным, бескровным, словно у покойника.

— Богдан... — тихо молвил студент.

— Вот славно... Послушайте, Богдан... Я предлагаю вам зайти ко мне. Вот я... совсем забыл, что в руке... держу кулек... — Ларин нервно улыбнулся. Этот момент показался ему чудовищно нелепым. — ... А в нем... просто... черничный пирог. Предлагаю вам, Богдан... его. И чай, горячий сладкий чай.

Парень с трудом различал слова. Он все еще находился в шоковом состоянии. Впрочем, как и сам Ларин.

— Мне... нужно идти...

— О, вы непременно уйдете... потом... Потом, голубчик... На голодный желудок идти не стоит. Тем более... на улице почти мороз. Позвольте... — Профессор аккуратно взял парня под руку и помог ему подняться. Запустив в квартиру студента, Ларин подобрал нож и запер входную дверь. После того, как Михаил

Викторович дал молодому человеку немного выпить, ему стало легче. Градус напряжения понизился и вместо первоначальных фраз — «вы — мой враг» и «я должен выполнить свой долг», слова Богдана постепенно обрели человеческое подобие. Ларин видел, что парень обладает сознанием. Но гипноз был настолько сильным, что блокировал в нем почти все трезвые проявления. «Его очень качественно обработали...» — думал Ларин, наблюдая из кухни за сидящим в прихожей студентом. Обхватив голову руками, парень смотрел в пустоту.

— Я теперь не могу к ним идти... Теперь я уже никуда не могу идти... Не жилец я больше, — обреченно констатировал юноша.

— Кто они, Богдан? Они вам угрожали? Мы найдем на них управу, я обещаю вам...

— Вы не понимаете... — едва слышно молвил парень, посмотрев на профессора глазами человека, проживающего последнюю ночь перед казнью. В тот самый момент раздался звонок в дверь. Студент испуганно подскочил.

— Ах, не волнуйтесь, Богдан... Это девушка... Женя. Моя ученица... Она прекрасный человек, вот увидите... Поверьте мне, мой друг... — ласково молвил профессор, положив руку юноше на плечо. — Никто вас здесь не обидит...

В дверях появилась среднего роста коротко стриженная молодая девушка.

— Здравствуйте, Михаил Викторович. Простите, меня задержали... У вас в коридоре такая темень. Ой...

— Женечка, здравствуй... А у нас сегодня гости. Познакомься, это Богдан... Он тоже мой ученик.

— Очень приятно. — Девушка учтиво улыбнулась и протянула студенту руку.

Внезапно на лице у парня проступило отчаяние.

— Оставьте меня! — Порохнюк бросился прочь из квартиры.

— Богдан, постойте! — воскликнул Ларин, пытаясь призвать его к благоразумию, но было слишком поздно.

— Что происходит, Михаил Викторович? — В испуге девушка отскочила к зеркалу, стоявшему у входной двери. Ларин молча глядел вслед исчезающему беглецу. Профессор обернулся к взволнованной Евгении и вполголоса обреченно произнес: «Не уберег...»

Часть вторая

— Не уберег... — снова повторил он, после чего, медленно опустился на стул в прихожей, где еще несколько минут тому назад сидел подосланный убийца. Внезапно Женя заметила

на тумбочке, которая стояла напротив входа в кухню, нож с крупной черной рукояткой. Девушку тотчас охватил невыразимый ужас.

— М-Михаил Викторович... господи... Что это?

— Это? Это нож, Женечка. И, по-видимому, охотничий... — смиренно молвил Ларин. Слово этот чудовищный предмет был чем-то абсолютно естественным.

— Но... зачем он? Чей он? Скажите мне... — Девушка упорно отбрасывала страшные подозрения.

С самого начала оппозиционного шествия Евгению преследовали тревожные мысли. Ей виделись жуткие сценарии, предвещающие мучительный итог. Преследование, заключение и даже физическое уничтожение. Но всякий раз, когда ею овладевало беспокойство, она вспоминала о других людях, проживающих в этой стране, которые находили в себе силы противостоять режиму, жертвуя собственным покоем.

Правинская во времена киевского переворота работала обозревателем в одной из столичных газет. Внезапное «помешательство» в журналистском корпусе, который, до прихода к власти националистов, в поте лица трудился над формированием моста единства между странами СНГ, отозвалось в ней жестким протестом. Молодая журналистка не стала изменять своим взглядам и убеждениям, а потому в скором времени превратилась в белую ворону. Наблюдая эти странные перемены, трансформации в сердцах и головах коллег, ее оппозиционные настроения только усиливались. В скором времени она покинула издательство и основала свое оппозиционное интернет-сообщество. Количество подписчиков удивительно быстро перевалило за сто тысяч. С помощью поддержки единоверцев из соседних стран, грамотному подбору материалов, сообщество перешагнуло из категории «регионального» в категорию «международного». В нем публиковались материалы, изобличающие всю преступную подноготную в государстве. Невзирая на анонимность (Евгения печаталась под псевдонимом), ощущалось сильнейшее давление. Журналистка предполагала, что точку вещания неугодного антиправительственного ресурса попытаются вычислить. И если неким лицам или же организациям удастся это сделать... последствия будут жесткими. И разумеется, учитывая местонахождение, в первую очередь суду предадут ее и еще нескольких засекреченных единомышленников, проживающих в регионах страны. Но чем более успешным становился проект, тем с большим азартом и рвением Правинская бралась за дело. Изо дня в день она совершенствовала свое детище, подымала его престиж всевозможными новинками...

И только в последние месяцы, когда распространились слухи о создании на Украине «виртуальной полиции» (своего рода сетевого гестапо), журналистка начала все чаще задумываться о собственной безопасности. Дополнительным поводом для беспокойства являлись письма с угрозами, которые постоянно приходили на ее анонимный профиль. Правинской также было известно о череде смертей инакомыслящих в стране... Потому все происходящее сегодня в квартире Ларина чрезвычайно пугало ее. Впервые она соприкоснулась с реальностью — с ужаснейшими отголосками украинской смуты, с проявлениями, о которых тепличные люди обычно узнают только из газет.

— Но зачем он здесь? Почему вы молчите? — На глазах у девушки выступили слезы. Теперь она почти не сомневалась. Судьба ее близкого друга была на волоске от гибели.

— Это ответ, Женечка... — Ларин не собирался смягчать признание. — Ответ тех людей, которым мы ненавистны. И которые желали бы от нас избавиться...

Обычно Евгения демонстрировала стойкость. Когда же теперь, после услышанного, ее начало трясти от страха, от воображения, что ее друга могли хладнокровно убить на пороге его собственного дома, Ларин не на шутку испугался. Девушка побледнела. В волнении профессор схватил ее за руки.

— Женя! Женечка, все уже позади! Все обошлось, родная... ты слышишь меня?! — Пребывая в шоковом состоянии, девушка только покорно кивала головой. — Ну же, милая... Дыши глубже... успокаивайся... Ах, что за день такой сегодня!

Вскоре девушка пришла в себя. В продолжение следующего часа Ларин поведал ей о всех происшествиях уходящего дня. Теперь Евгения с видом проникательной покорности слушала тяжелую исповедь близкого друга, пережившего встречу со смертельной опасностью. Время от времени она все еще поглядывала на острый черный нож. Ее восприимчивый разум рисовал жуткие картины.

— А что, если бы он... не остановился? Если бы я пришла... и увидела вас... Господи! — Женя закрыла глаза.

Сидя напротив и глядя на нее, Ларин мысленно задавал себе вопрос — можно ли увести ее с этой опасной дороги? Вместе с тем, он также был обеспокоен судьбою Богдана Порохнюка. Что теперь ожидает этого мальчика? «Обратиться в полицию — значит сдать его... — рассуждал Ларин, — Ведь на нем висит тяжелейшее преступление — покушение на убийство. Правда... если только выдать его за своего заблуд-

шего ученика, потерявшего ориентир, попавшего в плохую компанию... К примеру, из каких-то источников ему, Ларину, стало известно, что студента Порохнюка втянули в запрещенную организацию. И теперь он прогуливает, не ходит на пары. Но ведь он уже взрослый... Совершеннолетний человек. Будут ли слова какого-то «левого» и абсолютно нейтрального этому студенту... пенсионера... иметь вес? Да и наша «бравая» полиция не почешется. Они не станут вникать в суть дела. Для них нынче «охота на ведьм» куда актуальнее. В конце концов, именно для этого и была сформирована так называемая полиция «нового образца». И потом... любое соприкосновение с «органами» только навредит Богдану... Да и разве же ключевая революционная сила — партия националистов — сегодня под запретом? Они ведь «герои» новой Украины! Скорее даже он, Ларин, будет воспринят в штыки... Господи, в какое же время мы живем...» — Профессор перебирал варианты, но ничего толкового подобрать не удавалось.

— Женя, ты наверняка уже слышала о «киберполиции»? — При упоминании об этой новости большие эмоциональные глаза Евгении обратились к профессору. — На примере сегодняшнего инцидента ты сама видишь, как это все серьезно.

— Но... моих данных им не найти... — неуверенно произнесла девушка. — Мою причастность к проекту сложно установить. Никаких сведений я нигде не оставляла. Разве что... кто-то взламывает страничку. Но разве сделать это так просто? Да и как это делается вообще?! — Невзирая на попытки казаться убедительной, в ее голосе слышалось волнение.

— Жить в эпицентре всего этого безумия и при этом писать запрещенные вещи... — Ларин стремился пробудить в ней чувство самосохранения, он хотел заставить ее думать об альтернативных вариантах деятельности. — Сотрудничать с российскими ньюсмейкерами, находясь здесь, на Украине, — это очень опасно, Женя. За это могут посадить. — Ларин не желал пугать ее, но максимальная натуралистичность в данный момент была важнее любых приукрашенных перспектив. Важнее для благополучия близкого человека. Евгения с тревогой слушала профессора.

— Нельзя ли перепоручить руководство сообществом кому-нибудь из твоих российских или белорусских единомышленников? Ты думала об этом?

— Отдать? Так просто? — Девушку сильно задело его предложение. — Так просто отдать... проект, который я делала два года? Но даже если отбросить это... если я потеряю контроль над ним... мне и жить будет не на что. Михаил Викторович,

вы ведь знаете. Работать здесь, писать... поливать грязью своих же! Нет, этого я не смогу. Ни за что.

Ларину было хорошо известно, что репутация Правинской сильно пострадала в столетнем обществе журналистов. В интернете было полным-полно ее ранних, еще предреволюционных публикаций. Ни одна украинская газета, просматривая эти хоть и талантливые, но совершенно не отвечающие духу времени материалы, не захочет иметь в своем корпусе неблагонадежного человека.

— Порой необходимо пожертвовать многим, Женечка. Чтобы впоследствии не потерять всего.

— Этот проект сегодня — моя жизнь, Михаил Викторович. И я буду держаться за него до последнего, — волевым голосом произнесла Евгения. Она выглядела более чем решительно. — Это единственный мой шанс быть услышанной. Мнение таких, как я... как мы с вами, здесь вообще ничего не стоит. А этот проект наша защита.

В ее словах звучала правда. Ларин и сам не единожды публиковал свои работы и размышления в сообществе Правинской. Утратив прежние каналы вещания, профессор вынужден был обратиться к новым, альтернативным источникам. Евгения открыла свой канал для него. Проект бывшей ученицы благоприветствовал их сближению. Так или иначе, Ларин понимал, что его вычеркнули из медийной жизни искусственным образом. Теперь он и сам давал советы Жене относительно развития проекта. Там были опубликованы его лекции и некоторые статьи по реализации губительного западного сценария на Украине, размышления по поводу заправляющей в Киеве клики (в том числе и психологические портреты власти имущих). Фурор произвела его недавняя статья под названием «Четвертый рейх», в которой Ларин сопоставлял происходящее в Германии 30-х годов двадцатого века с сегодняшними реалиями на Украине.

Профессор понимал всю ценность этого проекта для нее — несправедливо отвергнутой молодой журналистки. Это был единственный шанс для Евгении оставаться при деле. То был оплот, не позволяющий конъюнктуре влиять на личную позицию. Он предохранял от насильственной переориентации во взглядах.

— Что ж... — молвил Ларин, признавая невозможность повлиять на ее опасный выбор. — В таком случае, мне остается только верить и надеяться, что твой ангел-хранитель, Женечка, будет все время с тобой. Ты знаешь... — профессор понизил голос, — ...в тот момент, когда этот безумный маль-

чишка готов был... реализовать свой замысел... единственной фразой, которая пронеслась у меня в голове было: «Спаси, Господи»...

— Михаил Викторович, прошу вас... — В ее глазах вновь заблестели слезы. Сколько бы ни пытались Ларин и Женя уйти от этой неприятной темы, демонстрируя друг другу мнимую сдержанность, им это не удавалось. Еще слишком живыми казались недавние события.

— Что же, вы ничего не сделаете? Я считаю, вы должны обратиться в полицию! Ваш кабинет — это одно... Но покушение на жизнь! Господи, вы ведь не можете знать... а если будут другие попытки?! Михаил Викторович... я умоляю вас... — Евгения старалась быть максимально убедительной. — Пожалуйста, попросите защиты... Вы не понимаете. Если с вами что-нибудь случится... — Речь ее оборвалась. Перед глазами у девушки разворачивались страшные сценарии. Женя боялась даже подумать о том, что может его потерять. Он был ее духовным наставником, близким другом... в конце концов — отцом, которого у нее никогда не было. С малых лет ее воспитывала одна мама.

— Милая, поверь... — заботливо произнес Ларин. Он видел, что девушка сильно взволнована. — Сегодняшний случай не повторится. Я знаю это. Чувствую. Поверь, никто не будет устраивать большую охоту на старика... пенсионера, который, по большому счету, и повлиять-то ни на что не может... Я более чем уверен, Женя... что это был сговор неуравновешенных подростков... Ведь ты сама видишь, в каком психологическом состоянии сейчас находится наше общество. Сейчас им внушают идеи о пользе и легальности всего, что ранее было недопустимо. И у ребят в этом возрасте... еще нет необходимых рычагов регулирования... — Глядя Евгении в глаза, Ларин видел, что его речи не оказывают на нее воздействия. Девушка по-прежнему беспокойно и умоляюще глядела на профессора.

— Нет, Михаил Викторович... Я знаю, что вы снова не думаете о себе. Вы просто... вы хотите выгородить этого сумасшедшего! Вы верите в преобразование... в чудеса! Но я... я видела его безумные глаза. И в них были только злоба и жестокость! И дай ему второй шанс... — На мгновение она опустила взгляд и покачала головой, словно предчувствуя результаты этого «второго шанса». — Эти люди... они — нелюди. Однажды мне довелось находиться в обществе этих животных. Поверьте, я слышала, о чем они говорили. И как они говорили! В них присутствует только одно начало — звериное.

Во времена первичного майдана Евгении Правинской, тогда еще исполняющей обязанности журналистки в национальной газете, довелось брать интервью у представителей радикальной партии. Преодолевая отвращение и страх, она наблюдала все реакции этих будущих «героев» — основной ударной силы февральского переворота.

— Но пойми, Женя... — Ларин вновь обратился к спокойному, внушительному тону. — Среди этих нелюдей... могли затесаться случайные, оболваненные подростки. И их внутренних сил еще не хватает для того, чтобы в одиночку противостоять этой безумной пропаганде.

— Зато физических хватает, Михаил Викторович. И вы сами сегодня в этом убедились, — горько констатировала Евгения. Ларин отметил про себя справедливость ее замечания. Но все же он был более озабочен судьбой студента Порохнюка, чем своей собственной. Так или иначе, а Михаил Ларин прежде всего смотрел на происходящее с точки зрения педагога-воспитателя. И даже в таких откровенно «сложных случаях» он подсознательно корил себя за личные педагогические просчеты.

Расставаться было нелегко. И Ларин, и Женя, глубоко обеспокоенные происходящим, чувствовали необходимость взаимной поддержки. В сущности, и профессор, и его бывшая ученица вели уединенный образ жизни. А в теперешних обстоятельствах оставаться наедине со своими мыслями было тягостно. Но Михаил Викторович не мог предложить Евгении остаться. Данное предложение, невзирая на исключительно дружеский и даже родственный подтекст, казалось ему крайне неудобным. Вероятно, по тем же причинам молчала и Правинская. Ее безгранично грустные голубые глаза выражали нежелание оставлять профессора одного. Но она не осмелилась предложить остаться.

— Михаил Викторович, пообещайте мне, что не будете молчать о том, что произошло, — с тревогой в голосе произнесла Евгения. — Пообещайте мне, что завтра же обратитесь в полицию.

И вновь последовал все тот же утешительный, уклончивый ответ. Ларин провел Женю до ближайшей станции метро, откуда ей предстояло добираться на «Левобережную». Привычно обняв ее напоследок, он снова повторил, что «все будет хорошо». Хотя в глубине души Ларин уже предчувствовал бесконечно тяжелые размышления, ожидающие его в пустой комнате. Девушка сумела уловить его настроение, а потому прижалась к нему крепче. Как будто что-то предвещало иные — пугающие и неизвестные — условия их следующей встречи.

Огни беспокойного Крещатика распространялись в привычно неугомонном темпе. Всей этой столичной кутерьме было невдомек, что сегодня, несколькими часами ранее, судьба киевского профессора могла трагически оборваться. «Полагаю, довольных было бы много», — пронеслось в голове у Ларина, когда он, преодолевая сто первую сверкающую витрину, подходил к дому. Теперь уж ни подъезд, ни коридор, ни подозрительные шорохи не возбуждали в нем тревоги. Вокруг словно образовался густой туман отторгающего равнодушия, постстрессовый синдром, не позволявший без отчаяния и одновременно напускного безразличия смотреть на протекающие внутренние и внешние процессы.

Переступив порог своей квартиры, Ларин ощутил дикую усталость. Ему необходимо было еще подготовиться к завтрашней лекции. Но сил для работы не было. Сбросив пальто, он тяжело опустился на диван в гостиной и закрыл глаза. Ларин почувствовал, как масса ревущего отчаяния подбирается к горлу. Он сидел в темноте. В голове царил хаос. Усталость не позволяла сосредоточиться на чем-либо. Вскоре профессора одолел внезапный и глубокий сон, как избавление от перегрузки истощенной нервной системы. Во сне перед ним проносились какие-то резкие, быстро сменяющиеся одно за другим видения. Видения, лишённые отчетливой формы. Скорее, они больше походили на отдельные части неких геометрических элементов, совершенно бессвязных. Словно космическая пыль, они то отдалялись, то проносились неожиданно близко. И в момент очередного увеличения, когда некий неопознанный крюк приблизился к нему на максимально близкое расстояние, Ларин внезапно проснулся. Пробуждение сопровождалось протяженным стоном. Первое время он сидел неподвижно, в холодном поту, словно пытаясь сродниться с окружающим пространством, которое казалось ему неизвестным. Придя в себя, он первым делом посмотрел на настенные часы. Голубой свет уличных фонарей падал на циферблат. Было 4:40 утра. День едва зарождался во мраке отступавшей осенней ночи. Ларин понимал, что заснуть снова ему не удастся. В сущности, он того и не желал. Шоковое пробуждение, напротив, подталкивало его искать избавления в активности.

Сегодня Ларину предстояло выступать перед студентами четвертого курса, во втором учебном корпусе, который находился в районе площади Победы. Будучи совершенно разбитым, он подумывал взять отгул. Но, не чувствуя в себе сил справиться с мыслями дня вчерашнего и впоследствии с меланхолией, которая только и ждала шанса для захвата, он пришел к выводу, что идти нужно.

Сколь бы ни был велик его жизненный опыт, какими бы самоубеждениями он ни руководствовался, профессор не мог в одиночку противостоять этому внезапному шторму. Ему необходимо было переключиться. На время сбежать в иную действительность. «А ведь этот парень не киевский. Должно быть, живет в общезитии... Проучился два года, и тут... такое болезненное падение. Что для них эти ребята из глубинки? Тела для выполнения черной работы. Проводники преступных помыслов...» Ларин прокручивал в голове фрагменты вчерашней драмы.

Он передвигался по городу, почти не обращая внимания на шагающих мимо людей. Ему были безразличны окружающие объекты. Ларин чувствовал себя опустошенным. Одновременно он и хотел идти, и не хотел. Внутренне он понимал, что лекционное чтение может стать целебным бальзамом, но, в то же время, все его естество словно протвилось и ныло, не желая покидать пределы одинокой квартиры. Примерно в девять утра позвонила Женя. Она, вероятно, тоже после бессонной ночи, решила справиться о самочувствии профессора. Сегодня вечером она пообещала зайти к нему. Немногим позже — словно по заказу — вновь позвонили из Москвы. В одном из вузов российской столицы появилась вакансия, и теперь профессору Ларину здесь были бы очень рады. Профессор снова углубился в мысли об отъезде. Конечно, в глубине души он безумно хотел очутиться в России. Где одна лишь атмосфера общественного единства была бы для него утешением. Не говоря уж о прочем — о новом дыхании, о выходе к широким научным горизонтам... В конце концов, там бы он наверняка чувствовал полезность своей деятельности. Но как же его ребята? Ведь они в него верят. А как же страна, которой он отдал столько педагогических лет? А ведь здесь прошла его молодость... Здесь остались все сладкие и горькие воспоминания минувших дней. Нет. Так поступить он не сможет.

С этими и прочими мыслями, внешне абсолютно изолированный от окружающей действительности, Ларин подходил к зданию университета. Здесь по соседству не было такого парка, как в главном корпусе, а параллельно с высоким забором, сигнализирующим о территориальных владениях учебного заведения, проходила длинная трасса. За воротами, неподалеку от парадного входа, Ларин заметил молодого человека, одетого в камуфляжную форму. Он предлагал студентам некие листовки. Профессора сразу заинтересовала эта подозрительная фигура.

— Добрый день. Молодой человек, позвольте поинтересоваться, что это вы раздаете учащимся? — Ларин начал самым серьезным тоном. В связи с последними событиями в его жизни, хватило бы и малой капли, чтобы чаша терпения переполнилась.

— Я здесь работаю. Меня сюда направили. А что такое? — ответил хриплым голосом коротко стриженный юноша с бледным, вытянутым лицом.

— Могу я взглянуть на содержание того, что вы предлагаете?

— Ну вот — смотрите... — равнодушно произнес парень.

В брошюре была изложена программа действующей на территории Украины радикальной организации. Там же были указаны контакты для связи с представителями группировки. Можно было легко связаться с ними по вопросам разного рода сотрудничества. И там же, что первым делом бросилось Ларину в глаза, по отдельной горячей линии можно было «сливать» им данные «врагов» народа. Профессор сурово посмотрел на раздающего.

— Молодой человек, я попрошу вас покинуть территорию вуза. Ваша деятельность незаконна. Ступайте на нейтральные участки и там, пожалуйста, проводите агитацию. Но не здесь. — На последнем слове Ларин сделал особый акцент. Студенты, до того прогуливающиеся по дворику, теперь тоже заинтересовались этой ситуацией.

— Мужчина, че вам надо? Не видите, я работаю. Вы куда-то шли? Вот и идите.

Такая неприкрытая дерзость окончательно вывела Ларина из равновесия. В какой-то момент, против собственной педагогической сдержанности, он силой захотел отнять у парня эти листовки.

— Так, вы не хамите, молодой человек. Я преподаю в этом заведении. И отвечаю за ребят, которые здесь учатся. И я повторяю, что вы находитесь на территории учебного корпуса. — Профессор чувствовал, что с каждой минутой теряет самообладание.

— Послушай, дядя... Да мне все равно, где и что ты преподаешь. Я здесь работаю, и не надо меня трогать, ок? — бледный юноша с синими кругами под глазами смотрел на Ларина хамски и, в свою очередь, тоже начинал кипятиться.

— Ну это мы сейчас посмотрим, работник... — бросил Ларин, вынимая из портфеля телефон.

— Посмотрим... — вызывающе парировал юноша. — Мне тоже есть кому позвонить. Пацаны приедут сразу.

Но профессор, ловко перебирая пальцами по сенсорному экрану, уже не реагировал на его выпады. Среди наблюдавших это зрелище студентов завязался диспут.

— Алло, Алексей Петрович?! Да, Ларин. Я нахожусь возле второго корпуса. У меня сейчас пары. Так вот... тут у нас снова странное положение.

Принимая в кабинете утренний кофе, Малащенко только и «ждал» звонка проблемного профессора. На звонки Ларина у него уже выработалась определенная нервическая реакция, ведь они в последнее время сулили одни лишь неприятности. Впрочем, сегодня у ректора был особый повод для встречи с профессором, о чем Ларин пока еще не знал. Он смиренно выслушал все, что сказал ему профессор по поводу хама-промоутера, после чего попытался что-то ответить. Голос его показался растерянным. В нем проскальзывали упадочнические нотки. Ларин сразу же почувствовал неладное.

— Да, прямо у центрального входа. Раздает нашим студентам брошюры сомнительного содержания. И всем на это наплевать.

— Ну, придумывать не надо. Тут все по закону! — уязвленно отреагировал молодой человек, демонстрируя Ларину пачку красных глянцевого бумаги с координатами представителей националистов. Профессор только отмахнулся.

— Да-да... вот я и не могу понять, почему не предпринимаются меры... — продолжал Ларин, глядя в лицо проводнику радикальной идеи. Про себя он отметил, что в нем было что-то наркотическое. — Эти бумажки... эту дрянь они уже по карманам с самого утра распахивают.

Тут Малащенко заговорил о том, что сперва стоило бы провести «детальную экспертизу»...

— Помилуйте, Алексей Петрович. Пока вы будете проводить «более качественную экспертизу», у нас студенты пойдут добывать «знания» в другие места. Тут вербовка полным ходом идет.

Радикальный юноша злобно фыркнул, делая вид, что слова Ларина его ничуть не трогают. Профессор говорил отчетливо и внушительно, стараясь достучаться до ректора. Голос последнего казался ему уж совершенно безвольным.

— Значит, руководству не интересно, что происходит со студентами, надо так понимать?

Малащенко старался отвлечь Ларина. Пытался тем или иным способом сменить тему, абстрагироваться еще и от этого неудобного вопроса. Ни в коем случае он не желал связываться с представителями радикальной организации. Тем

более не в связи с новыми, очень неприятными обстоятельствами, о которых Ларину еще пока не было известно...

— Что ж... В таком случае, Алексей Петрович, я вынужден отменить сегодняшние занятия. Если руководство вуза не берет на себя ответственности за организацию учебного процесса, я тоже снимаю с себя всякую ответственность.

Окончив разговор, Ларин направился к группе студентов четвертого курса, мирно покуривающим под стенами здания (несмотря на запрет курения на территории корпуса).

— Арина! — он обратился к высокой темноволосой девушке, старосте группы «историков-42».

— Здравствуйте, Михаил Викторович.

— Да, здравствуй. Сегодня лекций не будет. Отпускай ребят.

Не предоставляя объяснений, Ларин развернулся и направился к выходу, попутно бросив раздающему листовки: «Ну а вами скоро займутся».

— Ага, посмотрим! — огрызнулся напоследок мелкий представитель радикализма.

Ларин пребывал в огненном настроении. Опостылые символы, разрушенные основы общества. Теперь оно и не славянское, и никак не русское. Оно гордится своей мнимой свободой. Свободой... в разрухе и нищете. Свободой в интеллектуальном бесплодии.

«Господи, что мои проповеди?! Грош им цена... Грош! Ведь мы давно достигли точки невозврата. А я... а я, пенсионер... просто боюсь себе признаться в этом! И ищу повод... предлог для того, чтобы остаться здесь»

Погода испортилась. Столицу затянуло тяжелыми тучами. Моросил мелкий дождь. Но профессор почти не ощущал воздействия непогоды. Основная стихия разыгралась у него внутри.

Через некоторое время ему позвонил Малащенко. Ларин извинился перед ректором за ранее проявленную несдержанность. Однако сам Алексей Петрович был обеспокоен чем-то более существенным. Он попросил Ларина зайти к нему, как только появится возможность. У Михаила Викторовича тотчас возникло предчувствие надвигающейся беды. Отбросив мысли о личном, не теряя больше ни минуты, профессор поспешил в главный корпус.

Необычайно серым и трагичным показался Ларину в этот пасмурный день еще вчера налитый красками золотой осени студенческий парк. Сегодня у цветных ступеней главного входа собрались немногочисленные зонтики. Мокрый профессор, позабывший утром захватить защиту от дождя, влетел в вестибюль. Приведя себя в порядок, Ларин сразу же поспешил в кабинет ректора.

— Здравствуй, Маша. У себя Алексей Петрович? — спросил Ларин, импульсивно приглаживая волосы. Пока он подымался наверх, его все время атаковало какое-то странное, неприятное чувство. Интуиция подсказывала профессору, что череда пасмурных осенних происшествий еще не окончена.

— Да, Михаил Викторович. Он у себя... — взволнованно ответила кудрявая девушка-секретарь. Ларин ухватился за ручку ректорской двери и неспешно заглянул внутрь.

— Здравствуй, Алексей Петрович, — произнес Ларин с нервной улыбкой на устах. Он пристально всматривался в глаза Малащенко, намереваясь прочесть в них главный ответ.

— Ну, здравствуй... Михаил Викторович... Присаживайся, пожалуйста. — Ректор выглядел глубоко обеспокоенным. — Сегодня с утра... до нас дошли трагические новости... Погиб третьекурсник, студент нашего вуза... Порохню Богдан Константинович...

На лице у Ларина изобразилось невыразимое страдание. Профессор закрыл глаза. Он был не в состоянии справиться с первичными проявлениями. Его пронзило что-то острое, ледяное и обжигающее одновременно. Он даже не успел определить собственные ощущения. Эта внезапная гримаса боли не на шутку испугала ректора.

— Михаил Викторович... Вам нехорошо? Бог мой... сейчас... сейчас... я налью вам воды! — Он подумал позвать Марию, но посчитал, что она будет нести воду слишком долго. Малащенко принялся импульсивно рыться в бардачке. Обнаружив, что воды там нет, он взялся за портфель, где еще со вчерашнего хранилась бутылка газировки. Он никак не мог предполагать, что эту новость Ларин примет настолько близко к сердцу.

— Все нормально... Все нормально, Алексей Петрович... Не стоит беспокоиться. Это просто... возраст. Мой возраст. — Перетерпев стартовый натиск, Ларин сразу же ухватился за мысль, что ни при каких обстоятельствах нельзя упоминать о вчерашнем происшествии. Ни при каких! Этот несчастный юноша... возможно... был бы жив, если бы ему удалось уговорить его остаться...

— Этот мальчик... еще вчера сидел у меня на лекции, — произнес Ларин с неотвратимой обреченностью в голосе.

— Ах, простите, голубчик... — Взволнованный Малащенко наполнил водой пластиковый стакан. — Это моя вина. Я не должен был так сразу... в лоб...

— Как это произошло? — Ларин решил, что он должен знать все подробности. В наказание себе. Все подробности

смерти этого несчастного юноши, которого еще вчера... он мог спасти от гибели.

— Вот... прошу вас, — Малащенко придвинул стакан поближе. Теперь он пристально глядел на профессора, пытаясь оценить его состояние. Стоит ли в данную минуту посвящать его в подробности. — По словам милиции... — осторожно начал ректор, — парень выбросился с балкона квартиры, которую он снимал на Троещине. Говорят также... он был не в себе... Сильное алкогольное опьянение. Так говорят. Тело было обнаружено рано утром.

«Мальчик выбросился. Или... его выбросили. Господи...» — внезапно пронеслось у Ларина в голове. Он был не в состоянии что-либо ответить.

— При обыске квартиры...— продолжал Малащенко, — Были обнаружены знаки его причастности... связи... с какой-то сектой. Радикальной группировкой. Следователи не исключают, что это тоже может быть как-то связано с его смертью. — Ректор понизил голос. — И не исключено, что нити также потянутся и к нашему вузу... Они, насколько я понял... хотят провести широкое расследование... На этом настаивают и родные мальчика.

— И это не будет лишним, — наконец ответил профессор. — Сегодня я собственными глазами видел, как увлекают наших студентов. И никто на это не обращает внимания.

— Михаил Викторович... — Малащенко отвел взор, обреченно констатируя неспособность взять ситуацию под контроль. — Я не имею полномочий... Вы же догадываетесь, профессор... Современная полиция — это...

— Часть этой секты, — Ларин продолжил мысль ректора.

Не ожидая услышать ничего нового, Ларин не захотел развивать эту тему. Да и сил у него практически не оставалось. Профессор был сражен глубокой печалью, которую пробудила эта внезапная трагическая весть. Теперь, когда его страшнейшие опасения материализовались, он и вовсе не знал, что делать дальше.

— Михаил Викторович... — Малащенко окликнул Ларина, когда тот уже собирался уйти. В связи с последними событиями... я хотел предложить вам взять отпуск. Я вижу ваши переживания... Буду говорить откровенно. Меня беспокоит ваше самочувствие. Я бы очень вам рекомендовал, Михаил Викторович. Отдохните, наберетесь сил... А мы пока попытаемся управиться со всем этим, а?

На самом деле, предлагая этот вариант, Малащенко надеялся, что Ларин, немного поразмыслив наедине, придет к выводу о том, что возвращаться уже не стоит. Профессор это

понимал. Его нынешнее состояние наводило на мысль о целесообразности предложения ректора.

— Вероятно, я так и сделаю, Алексей Петрович. Вероятно... это действительно необходимо... — чувствуя, что после случившегося работать он не сможет, Ларин готов был последовать совету Малащенко.

Профессор покинул стены университета в жутком расстройстве. После аспирина, вопреки всем рекомендациям, Ларин направился в тихий, полуосвещенный кафе-бар «Затерянный остров». Здесь, у деревянной барной стойки, он скоротал еще несколько часов жизни, после чего, направился в свою пустую квартиру. Откуда первым делом он позвонил Евгении.

— Здравствуйте, Михаил Викторович! Я собиралась вам позвонить... Вы опередили меня... Ну скажите, как вы? Я все время думала о вас...

— У меня все хорошо, Женечка. Держусь... Держусь молодцом! Ты-то как? Зайдешь сегодня?..

— Ой, Михаил Викторович... Я только собиралась сказать вам... А меня пригласили на деловой вечер! Там будут журналисты и редакторы из разных издательств... Возможно, мне улыбнется судьба, и я найду подходящее предложение. Возможно, там будут представители оппозиционных изданий! Хотя у нас таких почти и нет... Скажите, Михаил Викторович, это ничего... если я забегу к вам завтра? Просто... этот вечер...

— Ах, конечно, Женя! Ты обязательно должна там быть! Это новая возможность. Я очень надеюсь, что там будут подходящие предложения, такие, как нам... тебе и нужны! А завтра, если будет время, расскажешь, как все прошло...

— Спасибо, Михаил Викторович... но вы точно не обижаетесь, что я зайду завтра? У вас какой-то... грустный голос... Скажите, с вами все хорошо? Иначе я не пойду...

— Милая, даже не думай... Я отлично себя чувствую. Просто... устал немного... Тем более... на завтра еще нужно подготовить материалы... Придется еще посидеть за книгами... Я действительно очень хочу, чтобы ты присутствовала на этом вечере.

— Ну, если все хорошо... в таком случае... я непременно зайду к вам завтра! И все расскажу вам, Михаил Викторович... Тем более... мне сегодня заказали новую рубрику в обществе. Я хотела посоветоваться с вами.

— Женя, я желаю тебе удачи сегодня... И буду ждать нашей завтрашней встречи. Держись молодцом, милая...

— Спасибо, Михаил Викторович. Вы самый лучший! Я буду стараться... Тогда до завтра?

— Да. До завтра, Женечка...

После завершения разговора Ларин тихо произнес: «Да храни тебя Господь, милая...» Остаток вечера он провел в тяжелых раздумьях, после чего вновь погрузился в какой-то странный, нервический сон, балансирующий на грани с реальностью. Ларин просыпался несколько раз за ночь, и сердце его билось в ускоренном ритме. Наконец, почти лишенный сил, он крепко уснул до позднего утра.

Проснувшись, он еще долго лежал на кровати и слушал звуки падающих на оконное стекло капель дождя. Шторы в его спальне были плотно задернуты, а потому трудно было определить — настал ли новый день, или это все еще тянется беспокойная ночь. В какой-то момент профессор ощутил острую необходимость действовать. Сперва он схватил мобильный телефон, лежавший на подоконнике, и захотел набрать номер российского коллеги, который совсем недавно предложил ему вакансию. Но потом, силою воли, он укротил первичный порыв.

Ларин старался гнать от себя напоминания о вчерашней трагедии. Болезненные впечатления от услышанного в кабинете ректора не давали ему покоя. Он корил себя в смерти этого парня. Неужели ничего нельзя было предпринять? Ведь он мог как-то задержать его, уберечь от необдуманных действий. Нельзя было оставлять парня одного в этой тяжелой ситуации... Но что если... его убили? Если ему «помогли» выбраться? Если кто-нибудь еще находился вместе с ним в квартире в этот момент? Мысли не отпускали Ларина. Он даже порывался поехать на место происшествия. Или обратиться в полицию, как советовала Женя. Ведь ему всё же известны некоторые подробности. Некоторые. Но в таком случае... придется рассказать и о нападении. Зачем же пятнать память погибшего юноши? Вдобавок — подыметесь серьезная шумиха. Нет, это глупость. К тому же им и так известно о его причастности к радикальной организации. Зачем тогда все это? Ларин вновь ощутил прежнюю тяжесть.

«Необходимо отвлечься. На время отойти от всего этого», — думал профессор, чувствуя, что, если все будет продолжаться в том же духе, его настигнет роковая депрессия. Последние события полностью перечеркнули схему его внутренней защиты. Ларин решил, что нужно начать работать. Однако сегодня у него был выходной и к тому же вчера он дал согласие на отпуск. Впрочем, работать можно и по-другому. Он внезапно загорелся желанием видеть своих «роялистов». Сегодня подходящий день для встречи с ребятами! Будучи вовлеченным в трагическую череду событий, он беспокоился за

судьбы своих учеников. Во что бы то ни стало нужно оградить их от внешнего губительного влияния, от необдуманных эмоциональных решений. Тут он вспомнил о неудержимости Антона Тихонова, о его стремлении в открытую защищать свои взгляды. Ларин тотчас позвонил ему и назначил «роялистам» встречу сегодня в половине четвертого у него в кабинете. Подальше от больших ушей. Антон, не ведая о последних происшествиях, был безумно рад грядущей встрече с профессором. Он сразу же позвонил своим товарищам по клубу — Егору Ананьеву, Владимиру Вахтерову и Сергею Томчуку. Встреча обещала быть интересной. Она посвящалась императрице Екатерине Великой и одному из ее фаворитов — Григорию Александровичу Потемкину. Источником для дискуссии послужила работа одного ленинградского автора, книги которого с недавних пор находились на территории Украины под запретом.

Ларин пытался отвлечься, хоть минуту не думать о вчерашнем трагическом известии. Впервые за многие годы он чувствовал, что не в состоянии справиться в одиночку с испытаниями, которые накатывались одно за другим грозными, разрушительными волнами. Профессор явился на полчаса раньше своих учеников. Он кое-как пробежался глазами по материалу. Разум упорно не желал воспринимать прочитанное. В ожидании встречи время от времени он поглядывал на часы, висевшие у него в кабинете. Наконец раздался стук в дверь. Ларину действительно полегчало, когда он увидел знакомые, любознательные и живые лица своих ребят. Своей жизнеутверждающей энергией они придавали ему сил для борьбы с трудностями.

— Михаил Викторович, как вы? — Антон, несмотря на старания учителя придать своему виду безмятежности, тотчас заметил неладное. — На вас сегодня какой-то... трагический костюм...

— Это молодежь любит осень, Антон... На стариков же она оказывает не самое благоприятное воздействие...

Руководство вуза предпринимало все возможные попытки для того, чтобы информация о смерти студента не распространилась слишком быстро. Тихонов и двое других ребят еще не знали о трагедии, произошедшей накануне. Но подсознательно Антон уже ощущал неладное. Он подозревал, что разгромом кабинета дело не кончится. Что-то жуткое происходило в жизни Михаила Викторовича. Тихонов достаточно хорошо чувствовал Ларина, а потому очередная перемена в настроении профессора не ускользнула от его проницательного взгляда. Теперь ему предстояло выяснить причину.

Ученики полумесяцем окружили профессора.

— Фактически... — начал Тихонов, — благодаря Екатерине Великой, памятники которой сегодня намереваются сносить, Украина имеет в своем составе такие города, как Одесса, Николаев, Херсон и Днепропетровск... Но современная так называемая политэлита вспоминает имя императрицы исключительно в контексте разрушения Запорожской Сечи. О том же поют наши исторические учебники... И никто не вспоминает о положительных сторонах ее правления, о большом вкладе в развитие Малороссии. Именно во времена Екатерины строили больницы и школы, выдавали военные пенсии... В городах Малороссии была создана система народного образования.

«Разве же это имеет какое-либо значение? Все давно позабыто... А то, что забыто еще не было, непременно будет забыто в недалеком будущем. Обругают, оплюют, перепишут. История — самое беззащитное из всех творений науки», — думал Ларин, слушая своего ученика.

— Хорошо... ну а как вы полагаете относительно уничтожения Запорожской Сечи? — задал вопрос профессор. Вот вас на протяжении всех лет независимости стараются убедить в героизме запорожских казаков... — Ларину сперва показалось, что не стоит развивать эту тему. Ведь сегодня власть намеренно создает ореол вокруг казачества, желая еще больше укрепить украинцев в мысли о собственной, отдельной и героической истории. Они и так уже отошли в глубокую оппозицию. Так стоит ли забираться еще глубже? Но профессор по-прежнему придерживался принципа искренности в разговоре со своими студентами. А потому не имел права сойти с дороги.

— Так как вы думаете?.. Екатерина действительно такая коварная преступница, какой нам ее рисуют сегодня? Или это очередной... «укромиф»? — Ларин фокусировался сугубо на обсуждении материала. Он стремился на время загнать в темный угол все свои горестные чувства. Посвятить это время всецело ученикам и науке. Лишь истинно увлеченный человек способен даже в самые отчаянные минуты жизни быть преданным своему ремеслу, своему искусству.

К обсуждению подключился Егор Ананьев — светло-русый парень, обладавший небольшой, аккуратной бородкой и вдумчивыми серо-зелеными глазами. Внешне — абсолютная противоположность, он был самым близким другом Антона Тихонова.

— Я полагаю, что императрица поступила стратегически грамотно, когда ликвидировала Сечь. Ведь, по большому сче-

ту, запорожцы промышляли разгулом и грабежом. Это была беспокойная точка на теле империи, которая со временем могла бы перерасти в большую проблему, угрожающую здоровью всего организма. Запорожская Сечь являлась очагом экстремизма, о чем сейчас тактично пытаются умалчивать... Казаки часто вели себя неадекватно. И это факт. Они конфликтовали с новороссийскими и малороссийскими властями, били сербских поселенцев, грабили селян... Пиком же их негативной деятельности стала поддержка разбойника Пугачева в его восстании. Ну вот Потемкин и взял на себя инициативу... по расформированию... так сказать.

— Спасибо, Егор... Вы очень даже верно рассуждаете, — Ларин постепенно проникся активностью ребят. С ними он чувствовал, что возвращается к своей природе — природе человека науки, всегда пребывающего в ожидании новых открытий. Но, вместе с тем, он также корил себя за резкие перепады в настроении.

— Важно заметить, что при этом казаки не были уничтожены, — подхватил мысль профессор. — Большинству из них дали вольную... Более того, в скором времени, власти снова вспомнили о них... Было создано Черноморское казачье войско, как вам известно... Ну а в 1792-м, если память мне не изменяет, Екатерина и вовсе подарила им Кубань... Там же казаки впоследствии основали Екатеринодар. И жили очень даже прилично...

— Вот именно, — воодушевленно подхватил Антон. А сейчас у нас и на Потемкина «набеги» планируются! Человека, посвятившего свою жизнь развитию Малороссии. Развитию всевозможных ремесел, разведению лесов, учреждению многочисленных фабрик и типографий... школ и корабельных верфей... — с жаром говорил увлеченный студент. — Только вдуматься. Он одновременно строил и Одессу, и Севастополь, и Николаев... и за то, какими эти города есть сегодня, мы обязаны благодарить именно Григория Потемкина!

Другие ребята одобрительно принимали суждения товарища. А профессор вновь впал в раздумья. Взгляды его учеников, настолько противоречащие реалиям нового времени, в будущем могли обернуться против них. Он уже столкнулся с последствиями движения против курса. И они были чудовищными.

Но Антон Тихонов по молодости лет игнорировал возможные опасности. Он был всецело предан своим идеям и все угрозы видел лишь в теории. А потому, когда в коллективе «роялистов» объявился ровенчанин Сергей Томчук, Тихонов не понял, что пригрел возле себя натуральную змею. Этот

молчаливый созерцатель, со времен зарождения майдана, уже работал на два фронта. Он, как и покойный Богдан Порохнюк, состоял в преступной националистической организации. Только выполнял там несколько иные функции. Он отслеживал и «сливал» верхам группировки «врагов народа». Именно он ранее дал наводку на Ларина. И теперь его новой целью был предводитель «партизанского» кружка «роялистов» Антон Тихонов.

К слову, существовало еще одно обстоятельство, о котором профессору не было известно. Начиная с сентября месяца по вузу распространились брошюры, в которых затрагивались темы крайне неудобные, с учетом сложившейся в стране обстановки. Инициатором запуска этой антиправительственной серии выступал Антон Тихонов. «Роялисты» разработали, как им казалось, безопасную схему доставки запретных листовок до учащихся вуза. Но они не ведали, что в то же самое время, наступая на горло собственной радикальной песне, за ними неотступно следовала фигура ровенчанина. И теперь Томчук сочно преподносил Тихонова радикалам как «пропагандистскую сволочь», человека, завлекающего умы молодых украинцев преступными идеями.

Разумеется, зная о брошюрах, Ларин бы немедленно потребовал от Тихонова прекратить всякую незаконную деятельность. Но, к сожалению, профессору об этом не было ничего известно.

— Михаил Викторович. — Перед тем, как попрощаться с профессором, Тихонов, воодушевленный плодотворной дискуссией, загорелся новым проектом. — Мне кажется... было бы интересно подготовить презентацию по русско-турецким войнам и их значению в истории Украины. Вот... мы с Сергеем готовы взяться за это дело.

Томчук с улыбкой всепонимающего положительного юноши стоял несколько позади Тихонова.

— Конечно, ребята. Я считаю, это было бы очень здорово... А если вам удастся найти какие-то необычные материалы по этому вопросу — тем более будем слушать с удовольствием. Кстати, Антон... Если нужно... могу сбросить вам занятные статьи, — Ларин несколько понизил голос. Он привык соблюдать осторожность. Тем более, светиться сегодня в стенах университета ему не хотелось. — Это статьи моего коллеги, русского историка и публициста... Он также поднимает эту тему в своих работах. Очень много интересных фактов. Так что со своей стороны очень вам рекомендую...

К сожалению, Ларин не обратил внимания, как при этих словах переменялось лицо Томчука.

— Конечно! Мы с удовольствием прочтем их, правда? — обратился Тихонов к своему предполагаемому товарищу.

— Да, само собой... — буркнул Томчук. Он вновь возвратился к облику природного союзника, разделяющего взгляды членов коллектива.

— Ну вот и чудно, — профессор необъяснимо перевел свой взгляд на ровенчанина. В последнее время он казался ему замкнутым и отреченным на их собраниях. «С чего бы это?» — вдруг подумал Ларин. Но не придав этим явлениям особого значения, обремененный прочими переживаниями, он распрощался с ребятами и спешно покинул корпус.

Как только Ларин вышел на улицу, он погрузился в прежнее гнетущее состояние. Он снова почувствовал, как сумрачное осеннее небо медленно и неумолимо опускается на него сверху. Мгновением ранее, пожимая руку Антону, он не предполагал, что сегодняшняя их встреча, вполне вероятно, может оказаться последней. Ларин не мог знать, что из мрачных участков околоподъездной засады чьи-то злобные глаза уже высчитывают прохожих, высматривают свою жертву. Как не мог знать и Антон Тихонов, киевский студент, что сегодня поздним вечером после прогулки с любимой девушкой у родного и привычного подъезда его будут поджидать бритоголовые налетчики, вооруженные железными прутьями и кастетами.

Нет, в теперешних обстоятельствах Ларин не мог даже представить, что эти жуткие картины, все же существующие где-то в глубинах его подсознания, могут воплотиться в реальность. И не существовало силы, способной уберечь этого юношу, только начинающего познавать жизнь и любящего эту жизнь с пылкостью молодого, неискушенного сердца, от надвигающейся угрозы. Ларин был уже слишком далеко. Далеко в спасительных мыслях о грядущей встрече с Евгенией — девушкой, способной развеять его душевные переживания...

А в это самое время Евгения Правинская после снятия с карточки очередного гонорара (за активную работу популярного сообщества) тоже находилась в раздумьях. Она анализировала перипетии вчерашней деловой вечеринки. Журналистка пришла к выводу, что, в целом, мероприятие прошло в интересной и приятной атмосфере. Но никаких конструктивных предложений заполучить ей не удалось. Женя раздобыла несколько контактов. Но вряд ли эти варианты могли бы оказаться перспективными для нее. Поэтому сегодня она окончательно решила в дальнейшем посвятить себя создан-

ному ею сообществу. Тем более именно этот проект вызывал недожиданный интерес у спонсоров.

Не дожидаясь вечерней встречи, она сейчас же позвонила профессору и сказала ему о своем намерении «посвятить всю себя развитию сообщества». Именно этого и опасался Ларин. Но ощутив в ее голосе нотки грусти, причины которой, по-видимому, таились во вчерашнем неудачном вечере, он не стал выказывать неодобрения.

— Мы непременно поразмыслим над всем этим, Женя. В конечном итоге решение придется принимать только тебе... Но, каким бы оно ни было... я в любом случае поддержу тебя. Значит, ты зайдешь сегодня в восемь, как условились? Чудно. Очень буду ждать.

На время профессор отпустил свои волнения, преследующие его всякий раз, когда он оставался в одиночестве. «Главное — делать дело. Мыслить, работать, двигаться! В конце концов я ведь ученый-историк. И смыслом жизни моей была и будет наука. Сколь горькими и трудными бы ни были обстоятельства... у меня есть защита! У меня есть Женя, ребята... и есть мое искусство», — внутренне убеждал себя Михаил Викторович, стоя у кассы в продуктовом маркете. Он ни в коем случае не собирался рассказывать Жене о смерти студента. Он хотел хотя бы временно забыться, провести этот вечер в радостной атмосфере, вопреки всем навалившимся несчастьям. Ему была необходима разрядка.

Но ни Ларин, ни Евгения не подозревали, что в этот вечер судьбою было начертано противоположное. И встреча их обещала состояться при совсем иных обстоятельствах.

В доме Правинской часто мелькала фигура Виктории Афанасьевны Бурчук. Эта пожилая женщина, примерно возраста профессора, одно время работала сиделкой у соседки Евгении — Юлии Крыловой. Покинула же дом Крыловых «старая ведьма», как впоследствии о ней отзывалась хозяйка, со скандалом. А дело было вот в чем. С помощью скрытой видеокамеры (с недавних пор к этому средству начали прибегать молодые родители) Юрию и Юлии Крыловым удалось сбросить с няни маску добродетели, разоблачить жестокость и варварство этой, с первого взгляда, милейшей Фрекен Бок. На видео она посылала в адрес малыша Крыловых бранные слова, в открытую выражала эмоции, недостойные человека ее возраста и положения. Разгорелся нешуточный скандал, вследствие которого Бурчук имела все шансы стать подсудимой. И наверняка бы стала, если бы не последовавшая поблажка со стороны милосердных родителей ребенка. Невиданное милосердие было проявлено из-за почтенного возраста сиделки.

«Старый человек, она, кажется, имеет проблемы с психикой. Выжила из ума...» — вероятно, так рассуждали Крыловы, когда принимали решение не обращаться в органы. Выговор родители вынесли сами: чтоб фигура ее никогда больше не появлялась вблизи их дома. Но «старая ведьма», спустя некоторое время, снова начала там появляться. Этажом выше Крыловых проживала ее подруга — пенсионерка. А потому Бурчук, каждый раз тайком, тревожно оглядываясь по сторонам, продолжала посещать этот дом, вход в который ей был формально воспрещен. Сама она жила в старой четырехэтажной «хрущевке» напротив. Жилые постройки разделяла заброшенная детская площадка, уже давным-давно требующая ремонта. Однако ни после «оранжевой», ни после «европейской» революций ремонт не приходил, как не приходили и люди «нового образца», обладающие более высоким уровнем самосознания...

На подступах к родному подъезду Евгению настиг порывистый холодный ветер. Погода снова менялась. В столицу со дня на день обещали прийти заморозки. Девочка плотнее затянула свой шарф. Невзирая на низкую челку, она в темное время суток зорко всматривалась во все участки улицы. Угрозы, систематически поступающие на ее онлайн-профиль, развили в ней болезненную осторожность. А потому еще издали Женя сумела разглядеть очертания Виктории Бурчук. Пухлая женщина со своей привычно выпяченной нижней губой кого-то активно высматривала. Стоя на крыльце подъезда, она в тот момент была похожа на наемного детектива, косо бросающего взгляды по сторонам.

«Что она здесь делает? — пронеслось в голове у Правинской. — Кого высматривает?» — Женя еще раз осмотрела площадку, тротуар у подъезда. «Может, она к своей знакомой в гости пришла... Тогда что делает на входе?» — Девушка сама не знала, почему у нее возникали эти мысли. Ну Бурчук. Ну мало ли. Вполне возможно, подруги ее сейчас нет дома и она решила подождать ее возле парадного. Обычно Евгения, когда ей доводилось пересекаться с Бурчук, никогда не здоровалась. Слушая жуткие рассказы соседки Крыловой, она для себя сделала вывод, что эта пожилая женщина — существо злобное и ненормальное. Потому любые контакты с ней были ей неприятны.

Поднимаясь по лестнице, Правинская уже готова была тихо проскользнуть внутрь.

— Туда не иди, детка. Туда теперь нельзя. Они тебя поджидают, — внезапно обратилась к ней женщина.

В ту же минуту Женю охватил невыразимый, леденящий душу ужас. Что она говорит? О ком это она говорит? Девушка замерла на месте.

— Простите... что? Что вы имеет в виду? — Она повернулась к Бурчук. Глаза журналистки выражали полнейший ужас. До этого женщина смотрела взглядом как бы намекающим на что-то очевидное.

— Я случайно проходила мимо твоей квартиры... — продолжила она почти что шепотом. — Там какие-то вооруженные мужики. Есть в масках. Есть и без. Похожи на милицию, но я не уверена... — Женя слушала ее и не могла пошевелиться от страха. — Они, кажется, пытались вскрыть твою квартиру. Меня остановили, поспрашивали, знаю ли тебя? Сказала, что не знаю. Короче, домой тебе идти нельзя. Хочешь спастись — со мной иди.

У девочки от услышанного на глазах выступили слезы. Она онемела и не могла произнести ни звука. Но какое-то инстинктивное, внутреннее безудержное чувство подсказывало ей, что нужно срочно бежать отсюда. Не теряя ни минуты.

— Ну, со мной пошли, детка. Я живу рядом. Пересидишь у меня пока. Ну же, пошли! — Она взяла Женю за руку. Почти не чувствуя ног, словно на автомате, Женя неловко сбежала с лестницы.

— Ну, быстрее! — скомандовала Бурчук и они, словно преследуемые беглецы, начали петлять обходными маршрутами, ведущими к дому напротив. Женя следовала за ней рефлексивно, плохо понимая, что происходит. Господи, ее нашли! Ее нашли... и пришли арестовывать! А быть может, даже убивать!

Наконец, добравшись до двери квартиры Бурчук, которая находилась на первом этаже, они на мгновение остановились. Когда пенсионерка начала орудовать в замке своим ключом, Женя громко всхлипнула.

— Не надо плакать, детка. Еще ничего не ясно. Может, это ошибка какая-то, — уверенным тоном произнесла Виктория Афанасьевна.

— Я... я не знаю... — Жене все еще было трудно говорить. Она не могла поверить, что та страшная действительность, о которой недавно говорил профессор, теперь пришла к ней в дом и уже, вероятно, орудует в ее квартире. — Что же мне делать... — отчаянно произнесла девушка, обращаясь как бы к себе.

— Ну, успокойся, — утешительно произнесла Бурчук. Ее двухкомнатная квартира при тусклом освещении показалась Жене какой-то зловещей. Как будто переходным пунктом

между ее свободным существованием и заключением. Она медленно сняла свою верхнюю одежду, и теперь, всматриваясь большими, мокрыми от слез глазами в экран мобильного телефона, думала — кому первому нужно позвонить, у кого просить помощи.

— У них на шивороте я прочла «СБУ», — сурово молвила Бурчук. Теперь они сидели рядом на диване в маленькой гостиной. Сверху над ними нависала какая-то депрессивная старая лампа, рассеивающая камерный свет обреченности.

— Нет! — внезапно воскликнула Евгения, обхватив лицо руками. Девушка вздрогнула от испуга. — Значит, маме звонить нельзя... — Она вновь едва не заплакала. Мать Евгении проживала в другом конце города.

— Ну, не плачь. Что же им может быть от тебя нужно? — Про себя убедившись, что органы интересуются этой девушкой неспроста, Бурчук несколько переменилась в голосе.

— Я не знаю. Господи... что же теперь делать... Что-то надо делать... — Даже пребывая в состоянии на грани срыва, какой-то внутренний рычаг не позволил Евгении откровенно высказать этой женщине, внезапной спасительнице, свои предположения.

— Тебе есть к кому обратиться за помощью? — пристально глядя на нее, молвила Бурчук.

Внезапно Женя схватила свой телефон и судорожно стала набирать номер Ларина. «Только возьми трубку. Только возьми трубку!» — думала она в этот момент. Женя позабыла, что так или иначе, она собиралась выезжать к Ларину в скором времени. Но в растерянности, овладевшей ею в этой пугающей ситуации, девушка не могла контролировать свои действия. Глубоко чувствительные под маской решимости, тонкие и ранимые по натуре своей люди вроде Правинской не в состоянии совладать с собою в критическом положении.

— Да, Женя? Я слушаю. — Сперва Ларин подумал, что возникли некие новые обстоятельства и потому Евгения опоздает.

— Михаил Викторович! — Ничего больше она произнести не успела. Ларин слышал в трубке только ее рыдания.

— Женя! Женечка, что случилось?! — Профессора будто пронзило током. — Где ты, Женя?! — Ларин почувствовал сердечную боль. Он не успел ни о чем подумать. Единственное, что он понял, — она нуждается в его защите. И если он сейчас же ничего не предпримет, то потеряет ее навсегда.

— Они пришли ко мне! Они знают, где я живу, как меня зовут! И там статьи... — Голос Жени вновь оборвался плачем.

— Женя, милая... скажи мне, где ты сейчас находишься?! — Закрыв глаза, Ларин попытался думать конструктивно. Он понимал, что разговор на эмоциях обернется лишь потерей времени, которая в нынешних обстоятельствах может быть губительной для нее. — Женя, алло! Алло! Я сейчас к тебе приеду, только скажи где... алло! — В тот самый момент в его телефоне начала садиться батарея. Распознав звуки разряжающегося аккумулятора, к Жене пришла единственная, но в данном положении — самая верная мысль...

— Я убежала! Не звоните мне домой! Ни в коем... — это было последнее, что удалось расслышать Ларину. Телефон предательски погас.

— Ах ты черт! — Профессор едва удержался, чтобы не швырнуть мобильник на пол. Он схватил пальто и думал уже бежать к ней. Но в следующую минуту его осенила мысль: бежать куда? Ведь он даже не знает, где она находится.

— Бежала! — внезапно воскликнул Ларин. Она сказала, что смогла убежать! — Он старался ухватиться хоть за что-нибудь существенное. Вскоре, озаренный новой идеей, он бросился к стационарному телефону и принялся импульсивно нажимать кнопки. Но в следующую минуту он пришел в ужас от мысли, что не помнит ее мобильного номера.

— Господи! Старый идиот! — закричал Ларин. После он все же сумел овладеть собой. «Необходимо взять себя в руки» — твердо решил профессор, призывая на помощь весь свой жизненный опыт. Он тотчас подключил мобильник к розетке и попытался проанализировать ситуацию, абстрагируясь от эмоций. «Она сумела бежать — и это главное! Было сказано... не звонить на домашний. Значит, из этого следует... они пришли к ней! Уже у нее дома! У моей Жени! Господи...» — Ларин отвергал такую реальность всеми силами души. «Она не может идти к матери, — внезапно к нему пришла мысль. — Там ее тотчас обнаружат! Если на нее вышли спецслужбы, первым делом они заявятся туда!»

— Необходимо срочно предупредить! Женя, нельзя домой! Она ведь в таком расстройстве... не поймет... Женя, нельзя домой! — громко повторял он в тишине, пытаясь пробудить свой проклятый телефон. К счастью, теперь батарея позволяла сделать звонок. Но теперь уже был отключен телефон Правинской.

— Ну что же ты, Женя... Что же не отвечаешь?! — нервно твердил Ларин, всё дублируя вызовы.

Теперь Правинская смотрела на происходящее более трезво. Женя поняла, что матери звонить нельзя. Нельзя звонить никому. Ее пугала мысль о том, что абонента мобильной свя-

зи точно так же можно вычислить. Быть может, они уже получили какие-то данные. Но разве это существенно теперь, когда... у них на руках полное досье. Ведь даже ее включенный ноутбук остался в квартире.

— Это конец, — обреченно молвила девушка. Только сейчас она оценила масштабы надвигающейся катастрофы.

— Ну, ты не делай поспешных выводов, — холодно сказала Бурчук, все еще удерживая девочку под пристальным взглядом. Пока ведь здесь тебе ничего не грозит. Можешь не спешить.

Женя видела единственный вариант спасения. Единственную возможность хоть ненадолго отсрочить свою поимку. Нужно было немедленно ехать к Ларину.

— Гляди... Всё высматривают, соколики... — Бурчук подошла к окну и ткнула пальцем в сторону дома Евгении. Девушка в испуге подошла к ней. Окно пенсионерки выходило прямо во двор дома опальной журналистки. Из подъезда вышел высокий, рослый мужчина в темном камуфляже. В руке у него находилась рация. Оглядываясь по сторонам, он подходил к большому черному фургону, что припарковался у бровки прямо возле ступеней, ведущих на площадку. Женя едва не потеряла сознание, глядя на эту картину. Она не обратила внимания на фургон, когда шла домой. Появись он немногим ранее... сейчас ее бы уже допрашивали. Вскоре на крыльце ее дома появился второй громадный мужчина в маске, с автоматом на шее. Женя смотрела на все происходящее, как на страшный, непрерывный сон. Неужели эти двухметровые, вооруженные до зубов вышибалы... пришли сюда за ней? Девушка с трудом держалась на ногах. Совершенно испуганная и растерянная, она умоляюще посмотрела на свою спасительницу.

— Нет! — Женя словно пробудилась ото сна. Она тотчас спохватилась и пошла в коридор брать пальто. Необходимо было срочно ехать к Ларину. В сущности, только теперь она осознала, что этот звонок был импульсивным, необдуманым решением. Вероятно, сейчас он не находит себе места.

— Что, уже? — бросила из гостиной пожилая женщина.

— Простите меня, пожалуйста. Вы очень... очень помогли мне. — Наконец она вспомнила о явлении своей спасительницы. Как нелепо! Именно ей она обязана тем, что сейчас еще может плакать и мыслить на свободе. Именно ей, этой возникшей из ниоткуда «старой ведьме», теперь она обязана своей жизнью. Именно благодаря ей... она еще сможет увидеть Ларина... а, быть может, и маму!

— Я не знаю, как благодарить вас... — продолжала Евгения, застегивая пуговицы пальто.

— А, все хорошо! — небрежно ответила Бурчук, стоя посреди комнаты. — Только сейчас... погоди, не уходи... Я кое-что дам тебе на дорогу. — Правинская подумала о том, чего ей может стоить задержка. Она посмотрела в дверной глазок. В коридоре было вроде бы чисто. Но что же эта женщина? Что собирается она ей преподнести на дорогу? Как все это нелепо. В расстроенных чувствах она не вникала в суть происходящего.

— Алло, милиция? — внезапно послышался голос из спальни. Женя вздрогнула. Женщина как будто произнесла это не своим голосом. — Это Бурчук. Б у р ч у к. Да, я. У меня ваша Правинская. Бурчук поймала, так и запишите! Живу тут, за площадкой. Мой адрес...

Женя схватила свою сумку, которая оставалась лежать на краю дивана, и рывком лани, загнанной в ловушку, бросилась к дверям. В виду упадка сил, теперь она не могла справиться с подмерзшим замком.

— Куда?! Куда собралась?! — азартным, пугающим своей неестественностью голосом закричала старуха. Она ловко вынырнула из соседней спальни и уже приближалась к девушке.

— Выпусти меня! Не трогай меня!! — в ужасе кричала Женя, со всей силой налегая на защелку.

— Статейки пишешь?! — С глазами дикой ведьмы Бурчук подлетела к девушке и крепко схватила за руку. — Против нас пишешь?! Сейчас придут... сгниешь в тюрьме!

Правинская жила в то пугающее время, когда «охота на ведьм» на Украине набирала обороты. И долгом, обязанностью каждого порядочного украинца было оповестить спецслужбы о местонахождении «сепаратиста» или же... любого другого «врага», угрожающего интересам нации. За это полагались отдельные похвалы, а в особых случаях даже материальные поощрения.

В момент величайшего ужаса девушка с необычайной силой выдернула руку. На запястье у нее были видны следы когтей обезумевшей старухи. В следующее мгновение Женя ударила «ведьму» ногой, да так, что та всей своей массой рухнула на паркет. Наконец и ее усилия с замком увенчались успехом, и буквально вытолкнув проклятую дверь, девушка выбежала на лестничную клетку. Сбегая вниз по лестнице, не помня себя от ужаса, Женя едва расслышала отчаянный крик злобной старухи. Очутившись на улице, она не побежала по привычной дороге, что вела к перекрестку. Девушка

резко завернула за угол и принялась бежать в противоположную от своего дома сторону. Словно преследуемое охотниками животное, она неслась через дворы и сумрачные арки к отдаленной станции метро, откуда собиралась ехать к Ларину. В какой-то момент ей даже показалось, что неподалеку промелькнула тень эсбэушника. И он даже закричал ей вслед: «Стой!» Но шок был настолько велик, что она почти ничего не замечала вокруг, все зримое и слышимое появлялось и тотчас растворялось в пространстве.

В то же время профессор «погибал» от недостатка информации. Что с нею? Где Женя? Он уже перестал терроризировать свой телефон. Связь с Женей отсутствовала. Ларин ходил из угла в угол. То хватался за голову, то проговаривал вслух молитвы, которых отроду не произносил. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным. Не думал, что судьба пошлет ему вслед за одними испытаниями новые — еще более жестокие и суровые, направленные против самых близких ему людей. Профессор несколько раз выходил на улицу, после чего, возвращался обратно в квартиру. «Она придет. Придет!» — Он выходил на балкон, всякий раз ожидая увидеть внизу бегущую Евгению. В этом патовом положении он, вероятно, впервые за многие годы чувствовал себя абсолютно неспособным что-либо изменить. В этот момент Ларин был настолько обеспокоен судьбою Жени, что до конца не понимал всей глубины их обоюдной трагедии. «Ведь если с нею что-нибудь случится...» О том, что будет после, Ларин не имел права думать. «Только бы она пришла». Он не находил себе места. Только бы она пришла. Потом, вместе, они найдут способ, как выпутаться из этой ситуации. Вместе им это будет под силу. Только бы сейчас... она пришла!

В критический момент, когда Ларин готов уже был отчаяться, раздался звонок в дверь. Женя — запыхавшаяся, расхристанная и изодранная, со слезами бросилась к нему в объятия. Ларин и сам был не в силах более удерживать слезы.

— Милая моя! Милая моя! — отчаянно повторял Ларин, еще крепче прижимая ее к себе. — Не бойся ничего, слышишь?! Я никому не дам тебя в обиду! Ты слышишь меня, маленькая?!

Девушка только плакала и кивала головой, отныне доверяя собственную судьбу единственному верному, любящему другу, который, она знала, ни при каких обстоятельствах не оставит ее и не предаст.

После оглушительного эмоционального шторма Ларин и Правинская начали думать, как им выйти из сложившейся ситуации. Они перебирали все возможные варианты. Ларин

понимал, что нынешняя власть и украинские спецслужбы сейчас, как никогда, нуждаются в показательных процессах. А потому Евгению, как автора скандального антиправительственного проекта, попади она в лапы эсбэушникам, — будет ждать самый суровый приговор.

— Тебе нужно уехать отсюда, Женя. Другого выхода я не вижу, — Ларин стоял напротив нее. Евгения все еще вздрагивала от малейшего шороха. Девушка глядела на свою перебинтованную руку. — Здесь... они могут тебя найти.

— Нет, Михаил Викторович. С вами мне не страшно, — прерывистым голосом молвила она. — Ну а если ехать... я поеду только с вами.

Рассматривая вариант миграции в Россию, где их ожидала свободная от преследования жизнь, где перед ними открывались новые возможности, Ларин понимал, что имя Евгении в кратчайшие сроки может быть внесено в базу пограничной службы. Если ее деятельностью заинтересовалось СБУ и она уже находится в розыске, вероятнее всего, выбраться из страны будет очень не просто.

— Я готова рискнуть, — произнесла девушка, словно читая его мысли. — Если меня схватят... значит так и будет. Но я буду знать, что по крайней мере... попыталась вырваться из этого ада.

Ларин молча глядел на нее, понимая, что попытку выбраться необходимо предпринять в самые кратчайшие сроки. В голове он прорабатывал будущие маршруты и вероятные опасности, с которыми им предстояло столкнуться. Вопрос заключался только в одном — как сократить риски до минимума? И возможно ли это сделать...

— Я сегодня же позвоню в Москву. Нас там непременно встретят. Билеты нужно заказывать немедленно. Остается надеяться... что ни в какие списки ты еще не попала. — В этот момент Ларин искренне пожалел о том, что не отважился на совместную поездку ранее. Ему не позволили совершить этот шаг... вредоносные убеждения. И теперь за его просчеты им обоим придется горько расплачиваться.

Девушка закрыла глаза руками. Ей стало страшно. Картины возможного ареста приводили ее в ужас. Ведь еще вчера... она могла вести полноценный, а главное — свободный образ жизни.

Внезапно в гостиной раздался телефонный звонок. Женя вскрикнула. Страшная мысль пронеслась у нее в голове — их обнаружили. Ларин тревожно посмотрел на нее.

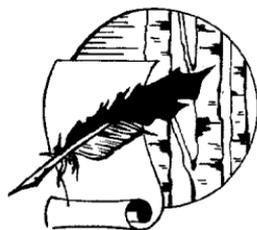
— Это стационарный, — тихо молвил профессор.

— Не берите! Не берите, я умоляю! Это они... Им все известно! Они узнают, где мы, они и на вас выйдут! Господи... что же нам делать?! Им все известно! — Она вновь зарыдала. Ларин отскочил от трубки и сел на диван возле Жени. Крепко обняв ее, он тихо прошептал: «Ничего не бойся, милая. Я обещаю тебе... мы всё преодолеем. Мы всё сумеем пережить».

Слушая долгие, истошные гудки телефона, они жались друг к другу крепче. К этому моменту Ларин уже успел отключить свой мобильный телефон. Они стремились отгородиться от опасностей внешнего мира всеми возможными способами. И конечно, профессор не мог представить, что ему в такой час может звонить... бывший коллега по работе, которому просто захотелось поболтать, захотелось кому-то выговориться... Так надоедливо и так долго!

— Они нас найдут... — вдруг прошептала Евгения.

В тот же миг дверь балкона закрипела, и в квартиру ворвался холодный декабрьский ветер. Свет в гостиной погас, и в глубине комнаты, во мраке ночи, окутанные безжизненным дыханием надвигающейся зимы, застыли две молчаливые фигуры.

Николай МАЛАШИЧ

(1940 — 2014)

Николай Ильич Малашич родился 14 декабря 1940 года в многолетней крестьянской семье в селе Перелюб Холмынского (ныне Корюковского) района Черниговской области. Стихи начал писать с 12 лет. После окончания военного училища прошёл долгий путь в частях Советской армии. Служил в Заполярье, Забайкалье, Германии. В 1977 году заочно окончил Литературный институт им. М. Горького (творческий семинар Дмитрия Ковалёва). Автор книг «Обнова», «Благоговею!», «Рубеж», «Дороги Родины», «Совесть», «Бесстрашие любви». Печатался в журналах «Север», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Советский воин», «Байкал», «Подъём», в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Красная звезда», в газетах Мурманска, Архангельска, Североморска, Ленинграда, Оренбурга, Читы, Воронежа и других городов необъятной России. Стихи переводились на немецкий и чешский языки, публиковались в журналах Берлина и Праги. Член Союза писателей СССР с 1979 года.

ЕДИНУЮ БОЛЮ

* * *

На горизонте — подводная лодка.
В сером зените — птица кружит.
Домик — не домик, из досок коробка.
Все-таки можно тут зиму прожить.

Как хорошо, что на этой окраине,
Если под вечер приёмник включить,
Можно услышать песни Украины:
Эти — припомнить, те — заучить.

Ну а потом на ветру и на вольности,
Где-то у скал напевать их, любя.
Юность свою до мельчайшей подробности
Вновь пережить, и грустя и скорбя.

* * *

В глухом районе Украины,
Где у дорог стоят плетни,
Где радуга, как хвост павлиний,
Чуть воду на реке плесни,
Я жил, не разлучаясь с книгой.
Лес обступал со всех сторон.
За двести верст лежал Чернигов,
За тридцать верст был наш район.
А в доме — свежий запах вяза,
А в доме — по ночам темно.
И керосинка одноглазо
Глядела пристально в окно.
Качался маятник. Шло время...
И громко во дворе петух
Кричал, горя от нетерпенья,
Чтобы в окне мой свет потух.
И только-только рассветало —
Замками лязгало село,
Все в этом мире щебетало,
Звенело, пело, лепетало,
Искрилось, нежилось, цвело!
Телята у ворот резвились,
Носились пчелы и шмели.
К воде, где вербы отразились,
Покачиваясь, утки шли.
Вот первый луч касался сосен,
Входил в туманы над рекой,
Потом уже играло солнце,
Светясь в травиночке любой.
Веселый дух. Избыток силы.
Коров на выгоне стада.
И только на холме могилы
Печалью душу холодили,
Напоминая — есть беда.
Пахучие кусты крушины
В прохладную манили тень.
Но потные крестьянок спины
Обозначали — труден день.
Не поспешил он на краски,
Трезвонил васильком во ржи.
Но выгоревшие рубашки
Давали знать — не праздна жизнь.
И, видимо, по той причине,
Что мир прекрасен и жесток,

Я рано понял труд мужчины
И то, что отдых — под крестом...
Не тем смущался, что не гений
Водил рукой, звенел струной,
А что Некрасов и Тургенев
Стояли молча за спиной...

* * *

Ночная мгла. Холодный дождь.
Аэродрома гарь и гул.
Прощальная по нервам дрожь
Прошлась. Я на тебя взглянул.

И прочитал в глазах ответ
На тот вопрос треклятый, жгучий,
Который мучил столько лет
И, наконец, совсем измучил!

Я прочитал ответ навек!
О, что мне гарь, и гул, и холод!
Я улетал, как человек!
Как никогда — красив и молод...

* * *

Без золотых колец и жемчуга
И в платье ситцевом простом,
Рубли пересчитала женщина,
Те, что я выложил на стол.

На обувь да на пропитание,
На книжки детям и себе.
А ветры — будто прописали их —
В трубе, за окнами, в судьбе.

Но, слава Богу, освещение
Дают в квартиры дизеля.
И, слава Богу, ощущение,
Что мы нужны тебе, земля...

* * *

Молодость. Полярный полуостров.
Небо — низко. Облакам — тесно.

Чувствую пронзительно и остро,
Как мое пространство стеснено.

Под рукою — боевые части.
Радиолокатор — на горе.
Сознаю — нешуточно причастен
К неразумной мировой игре.

«Боингов» «бронированный купол»,
Их запросы — нас атаковать?
Голос мой усиливает рупор,
Я кричу: «Ракеты снаряжать!!!»

Восемнадцать раз кричу за сутки...
Самолеты продолжают выть.
Ведь они меняются там, суки,
А меня здесь некем подменить!

Государства нищего огромность!
Мне ли из него доить рубли?
Должен я нести боеготовность,
Раз меня на свет произвели!

Самолеты явно что стращали,
Добивались, чтобы я не спал.
Если бы они атакovali,
Я бы их, ей-богу, посшибал!

* * *

Эти дуга, и поля, и леса
С небом единым!
Кажется, с ними я буду и сам
Неповторимым.

Вот надо мною старинно шумят
Многовековые чащи.
Шепчут мне, будто заверить хотят:
«Ищущий да обрящет!»

В речку войду — а она волшебством
Силы прибавит!
Над головой покачает крылом
Медленный аист...

Доля моя! Ты такая, как все.
Может, потише.

О, как хочу я быть насовсем
Выше и чище!

Женщина смотрит глубинно, как внутрь,
Молодо, честно.
Разве могу я ее обмануть
В жизни и в песне?

Разве могу я пройти по земле
Мерзко и слепо?
Люди, хочу я быть в вашем числе
Щедрым, как лето!

Эти леса, и поля, и луга,
Реки и чащи!
С ними и я знаменит и богат.
Стало быть, счастлив...

* * *

Подернуты дымкою сопки кругом.
Звучат провода вдоль дороги железной.
С размаху в них врезался сокол крылом.
Как грустно — ведь помощь уже бесполезна.

Над полем тактическим громко «ура!»
Несется, и слышится стук автоматный,
А птице больной суждено умирать.
Прощай и прости, мой товарищ крылатый.

Связало нас время, знать, мертвым узлом,
Единою нитью, единою болью.
И вот на земле ты с разбитым крылом,
А я над тобою с разбитой судьбою.

НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Холмик, травую заросший,
Птица в зените кружит.
День несказанно хороший,
Только душа вот болит.

Много изъездил по свету,
Много сапог истоптал,
Только от этого места
Дальше нисколько не стал.

Видимо, я очень мало русский.
Видимо, я очень малоросс.
Мне дворцов не надо.
Мне избушки
Предостаточно, в которой рос.

Мне чиновный люд неинтересен.
Где корысть свирепствует вовсю.
Не могу без малоросских песен,
Не могу воспринимать попу.

Ни к чему мне золотые слитки,
Скромно добывал свой хлеб трудом,
Охранял достойно, по-мужицки
Общий государственный наш дом.

Разность наций — вовсе не угроза,
И не тягость на людских плечах.
Мы, как лес. Где клён, а где берёза, —
От рожденья надо отличать.

Что с того, что я совсем не русский,
Не еврей, не цыган, не бурят, —
Вырос на опушке у избушки,
Где вовек плохого не творят.

Не завистлив, не кичлив, не жаден,
О кого там мучает вопрос:
Кто такой Малашич?
Со дня на день
Преданный России малоросс.

ТО ВРЕМЯ

Мы жили честно, хоть не сыто
Питались. На плечах — рваньё.
Но тем то время знаменито,
Что прямо, смело и открыто
Мы ненавидели жульё!

Лежит копейка на загнетке —
Кто положил, тот и возьмет.
На грядку ко вдове-соседке
Ни в жизнь никто не забредет.

Должно быть, после страшной бойни,
Что шла в Европе, как в котле,
Сгорели избы, церкви, боги —
Осталась совесть на земле!

Ходило нищих пол-России.
И я ходил. Мать умерла.
Не воровали мы — просили,
Не подавали нам — дарили.
Вот закавыка в чём была!

* * *

В местах вот этих, облюбованных
Издrevле предками осевшими,
Так много стало обездоленных,
Так мало стало преуспевших.

А если точно: преуспевшие
Давно свои края покинули.
Они давно уже — нездешние,
У них теперь другие стимулы.

И фуры понабив товарами,
Они в беззвёздье ли, в безлунье
Своё село пронзают фарами,
Где с каждым годом всё безлюдней.

Звенит отлитый новый колокол,
Оповещает богомольных
О том, что общество расколото:
Горсть — преуспевших,
Тьма — бездольных.

* * *

Полуостров Рыбачий.
Лето. Камни. Дожди.
Был я юный и зрячий
Видел всё впереди.

Видел светлые дали,
Видел ясные дни.
И таскал чемоданы,
Затянув их в ремни.

И таскал за собою
И жену и детей.
Был доволен судьбою
И другой не хотел.

Вот и выросли дети,
Постарела жена.
А во мне — вдруг заметил —
Не нуждалась страна.

То ли зренья лишился,
То ли дым — до небес —
Горизонт мой затмился.
После вовсе исчез.

Понял — если и выжгу
Сердце напрочь в груди,
Ничего не увижу,
Что там есть впереди.

Одиноко и бедно
Стало мне на роду.
И иду я бесследно,
И бесследно пройду...

* * *

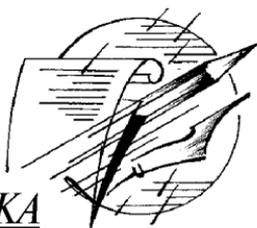
Усталый, после долгих дум,
В свое село, в свое спасение
Вернуться мне пришло на ум.
А так ли надо возвращение?
К кому приду? Зачем приду?
Там нет ни хаты, ни сарая.
Покой в любой земле найду.
Она везде, земля, сырая...

АЛЬФА И ОМЕГА ЗЕМНОЙ ИСТОРИИ

Сегодня все больше признаков того, что круг мировой истории человечества замкнется в том месте, которое принято называть «Ближним и Средним Востоком». Здесь земная история началась, здесь она и завершится. Прозорливым, духовно зрячим людям, впрочем, это было всегда ясно, поскольку об этом прямо сказано в Священном Писании. В первой его книге («Бытие») — о начале истории, а в последней («Откровение Святого Апостола Иоанна Богослова», или «Апокалипсис») — о ее финале. В первую очередь именно эти две книги Священного Писания (хотя не только они) описывают первую страницу (альфу) и последнюю страницу (омегу) жизни человечества на Земле.

Ближний и Средний Восток — колыбель человечества и христианства

Первая страница земной истории человечества — помещение созданного Богом человека в рай. Но рай был не где-то на небе (как многие ошибочно думают), а на планете Земля, которую Бог

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

создавал и благоустраивал в течение нескольких дней (творение мира в шесть дней). Бог выступал в качестве домостроителя, дом строился для человека, венцом этого проекта стал рай в Эдеме. А Эдем находился на востоке: «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на востоке, и поместил там человека, которого создал» (Быт. 2:8).

В последующих стихах Книги «Бытие» описывается рай в Эдеме, а также содержатся замысел Бога о жизни человека в раю и указания, которые Бог дает человеку. Важно, что в Книге «Бытие» дается конкретная географическая привязка рая. В Книге «Бытие» упоминаются четыре реки: Фисон, Гихон (Геон), Хиддекель (Тигр) и Евфрат. О первых двух реках нам ничего не известно, а вот третья и четвертая у всех на слуху. Тигр и Евфрат — две основные реки Месопотамии. Их русла сегодня проходят по территориям трех государств — Турции, Ирака и Сирии. Иногда еще добавляют Иран, поскольку на его территории находятся притоки указанных рек. Это, по мнению богословов, историков и археологов — колыбель человечества.

Кстати, после того, как произошла первая вселенская катастрофа — изгнание Богом первых людей из рая, они оказались на земле, которая находилась географически рядом с Эдемским садом, на восток от него: И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни (Быт. 3:24). Через некоторое время произошла вторая вселенская катастрофа — убийство Авеля Каином. После этого Каин и его потомство были изгнаны в страну Нод, которая также находилась на восток от Эдемского сада: И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема (Быт. 4:16). А где-то неподалеку проживало другое племя — Сиф (которого Ева родила, чтобы заместить утрату Авеля) и его потомки. Толкователи Книги «Бытие» говорят, что потомки Каина и Сифа до потопа проживали на той территории, которую занимают современные государства Сирия и Ирак (а, может быть, и пограничные с ними страны).

Ближний и Средний Восток — «колыбель» не только всего человечества, но также христианства. Об этом мы узнаём из всех книг Нового Завета. И особенно подробно — из «Деяний Апостолов» (там содержится большое количество конкретных географических названий). В этом регионе, по преданию, находится захоронение первого человека — Адама. Здесь же — Голгофа, другие места и святыни, связанные с земной жизнью Христа (Палестина), а также «Пуп Земли», почитаемый всеми христианами. Так стали называть Иеру-

салим уже первые христиане, основываясь на словах псалма: «Боже, Царь мой от века, устрояющий спасение посреди земли!» (Пс. 73:12). Об Иерусалиме как центре земли также говорит пророк Иезекииль: «Так говорит Господь Бог: это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него — земли» (Иез. 5:5). В самом же Иерусалиме со времен святой царицы Елены под Пупом Земли стали понимать место прямо напротив входа в пещеру Гроба Господня в Иерусалиме. Сейчас Пуп Земли находится внутри Храма Гроба Господня.

Апокалипсис: картины последней войны. Армагеддон

«Апокалипсис» — последняя книга Священного Писания, и повествует она о последних днях земной истории человечества. Именно здесь, у берегов «великой» реки Евфрат, будет эпицентр третьей и последней мировой войны. Святой апостол Иоанн Богослов в «Апокалипсисе» говорит о последней всемирной войне: «Шестой Ангел вострубил, и я услышал один голос от четырех рогов золотого жертвенника, стоящего пред Богом, говоривший шестому Ангелу, имевшему трубу: освободи четырех Ангелов, связанных при великой реке Евфрат. И освобождены были четыре Ангела, приготовленные на час и день, и месяц, и год, для того, чтобы умертвить третью часть людей» (Откр. 9: 13—15).

Современные толкователи и комментаторы «Апокалипсиса» полагают, что четыре ангела, освобожденные при реке Евфрат, суть четыре нынешних государства, на территории которых находится бассейн «великой реки». Это Турция, Сирия, Ирак и Иран. События последних лет показывают, что именно в этих странах зарождается очаг будущей (а по некоторым признакам уже начавшейся) третьей мировой войны.

Читаем далее: «Число конного войска было две тьмы тем; и я слышал число его. Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней — как головы у львов, изо рта их выходил огонь, дым и сера. От этих трех язв, от огня, дыма и серы, выходящих изо рта их, умерла третья часть людей; ибо сила коней заключалась во рту их и в хвостах их; а хвосты их были подобны змеям, и имели головы, и ими они вредили» (Откр. 9, 15—19).

Многие толкователи и комментаторы полагают, что здесь речь идет о современных видах оружия — артиллерийских орудиях, минометах, танках, реактивных самолетах, крыла-

тых ракетах. Использование этого оружия мы уже сегодня наблюдаем в Сирии, Ираке, Ливане и других странах Ближнего и Среднего Востока. В приведенном отрывке говорится о численности вооруженных сил, вовлеченных в войну: две тьмы тем. В церковно-славянском «тьма» означает 10 тысяч. «Тьма тем» — 10 тысяч в квадрате, т.е. 100 миллионов. «Две тьмы тем» — 200 миллионов. Что касается погибших в войне, то называется третья часть людей.

В христианской литературе третью (и последнюю) мировую войну человечества часто называют Армагеддоном. Это место финальной битвы добра со злом на излете человеческой истории. Об этом прямо сказано в «Апокалипсисе»: «...это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей Вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его. И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон» (Откр. 16, 14—16).

Армагеддон — словосочетание из иврита: «гора близ города Мегиддо», название холма в 10 км от города Афула на севере Израиля. Между прочим, именно здесь произошла первая документально зафиксированная битва, известная человечеству, — египетский фараон Тутмос III разбил ханаанских царей в XV веке до нашей эры. Когда круг мировой истории замкнется, то именно здесь должна произойти и последняя битва. Кстати, от Дамаска до горы Мегиддо всего несколько часов езды на автомобиле, рукой подать. Светские СМИ на этот факт не обращают внимание. А зря. Без этой духовной подоплеки понять до конца смысл нынешних событий в Сирии и вокруг нее невозможно.

Нынешняя война в Сирии в свете пророчеств старцев

Хотя сегодня Россия активно вмешалась в события в Сирии, нанося очень эффективные удары по позициям террористов, именующих себя «исламским государством», остановить эскалацию войны во всем регионе будет сложно, а скорее всего невозможно. Точка не будет поставлена, будет лишь запятая, временная передышка. За ней последуют другие, еще более драматические события. И той же России, как сказал президент В. Путин, ограничиться лишь воздушными операциями в Сирии вряд ли удастся. Агонизирующая Америка без боя Ближний и Средний Восток России не от-

даст. Многие предсказывают «неуправляемый хаос» на Ближнем и Среднем Востоке. С точки зрения Вашингтона, который, действительно, утрачивает контроль над событиями в данном регионе, — несомненно «неуправляемый хаос». Но управление событиями в свои руки берет Бог как Промыслитель, который отныне будет вести уставшее и окончательно заблудшее человечество к финалу мировой истории. Как Он будет вести, мы узнаем из Апокалипсиса и пророчеств святых отцов.

Нигде в Священном Писании об участии России в третьей мировой войне напрямую ничего не сказано. Но косвенные толкования «Апокалипсиса» и других книг Священного Писания, а также прозрения старцев и святых говорят, что Россия будет глубоко вовлечена в события на Ближнем и Среднем Востоке. Наш современник, преподобный старец Афонской горы Паисий (1924—1994) не сомневался, что третья мировая война начнется на Среднем Востоке. Он об этом говорил еще лет 30 лет назад, когда обстановка в этом регионе никоим образом не давала повода для подобных заключений. Важно, что в войну будет вовлечена Россия: «Средний Восток станет ареной войн, в которых примут участие русские».

В ходе войны на Ближнем и Среднем Востоке начнут сбываться многие пророчества, содержащиеся в «Апокалипсисе» и других книгах Священного Писания. В частности, согласно старцу Паисию, руками китайцев будет реализовано предсказание о восстановлении Иерусалимского храма, того самого храма, который был разрушен почти две тысячи лет назад римлянами: «Прольется много крови, и даже китайцы перейдут реку Евфрат, имея двухсотмиллионную армию, и дойдут до Иерусалима. Характерной приметой, что приближаются эти события, будет разрушение мечети Омара, так как разрушение ее будет означать начало работ по воссозданию храма Соломона, который был построен именно на том месте». Третья мировая война даст «зеленый свет» началу пришествия антихриста. Антихрист не может явиться ранее, чем будет восстановлен Иерусалимский храм.

Старец Паисий называет некоторые детали того, как будет происходить эскалация военного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке: «Когда услышите, что воды Евфрата турки перекрывают в верховьях плотиной и используют их для орошения, тогда знайте, что мы уже вошли в приготовление великой той войны и таким образом готовится путь для двухсотмиллионного войска от восходов солнца, как говорит Откровение».

В марте 2014 года СМИ сообщили, что турки перекрыли подачу воды Евфрата в Сирию. Это угрожает не только населению Сирии, но и Ирака. Уровень воды в озере Асад упал на шесть метров. Миллионы сирийцев остались без питьевой воды. С тех пор произошла гигантская эскалация военного конфликта в Сирии и сопредельных государствах.

Война в Сирии и судьбы Константинополя

Если Китай, по замыслу Бога, двинется к Иерусалиму, то Россия будет двигаться в сторону Турции, захватит ее, после чего Турция перестанет существовать: «Помысел мне говорит, что произойдут многие события: русские займут Турцию, Турция же исчезнет с карты, потому что 1/3 турок станут христианами, 1/3 погибнет и 1/3 направится в Месопотамию».

Будет решена судьба Константинополя, который со времен падения Византии в 1453 году, находился под турками и с тех пор назывался Стамбулом. Русские освободят Стамбул. Таким образом будет осуществлен так называемый «греческий проект», который был разработан в России еще во времена Екатерины II. «Греческий проект» — геополитический проект Екатерины II, предполагавший сокрушение Османской империи и раздел её территории между Россией, Священной Римской империей и Венецианской республикой. В Константинополе предполагалось возродить Византийскую державу во главе с внуком российской императрицы, которому было дано имя основателя города — Константин.

Вернемся к пророчествам преподобного Паисия. Стамбул будет переименован в Константинополь и передан Греции: «В Константинополе произойдет великая война между русскими и европейцами, и прольется много крови. Греция не будет играть первенствующую роль в этой войне, но ей отдадут Константинополь, не потому, что перед нами будут благоволить русские, но потому, что не найдется лучшего решения, и договорятся совместно с Грецией, причем на них будут давить трудные обстоятельства. Греческая армия не успеет подойти туда, как город будет ей отдан».

Третья мировая и Израиль. Антихрист

Третья мировая война завершится, на первый взгляд, к большой выгоде евреев и государства Израиль (здесь пророчество старца Паисия противоречит утверждению масона и

иллюмината XIX века Альберта Пайка, что Израиль и арабские государства во взаимной войне полностью друг друга уничтожат). Евреи, по мнению старца, получат, наконец, возможность возведения в Иерусалиме нового храма; предыдущий был разрушен римлянами почти две тысячи лет назад. Если сегодня Европой помыкает Вашингтон, то после войны, как отмечает Паисий Святогорец, ею будут беспардонно помыкать также евреи: «Евреи, поскольку будут иметь силу и помощь европейского руководства, обнаглеют, и поведут себя с бесстыдством и гордостью, и постараются управлять Европой...»

Период между окончанием мировой войны и перед пришествием антихриста будет очень недолгим. Некоторые пророчества говорят, что непосредственно после третьей мировой войны будет установлена власть мирового правительства. По мнению ряда святых отцов и старцев, после войны будет короткий «золотой век», не более трех-четырех десятков лет. Да и то, не для всего человечества, а лишь для христианской его части. А затем последуют три с половиной года правления антихриста и второе пришествие Христа. Читайте «Апокалипсис», там все подробно. Сопоставляйте с новостями. Впрочем, для опытных людей новости ничего не добавляют. Как говорил Паисий Святогорец: «Сегодня читать пророчества — как читать газету: так все ясно написано».

Примечательно, что высший, метафизический смысл событий на Ближнем и Среднем Востоке (выходящий за рамки привычного политического анализа) прозревают не только христиане. Те, кто во время битвы при Армагеддоне собираются стоять на стороне «зла», также мыслят «духовными категориями»: они считают себя предтечами Машиаха, прокладывают стези тому, кого христиане называют антихристом. Они готовят реванш за свое поражение на протяжении многих веков и полагают сегодня, что близки к триумфу.

Альберт Пайк: планы «под диктовку сатаны»

Не углубляясь в глубокую историю борьбы этих сил за реванш, обращу внимание лишь на одно событие, имевшее место около полутора веков назад. В августе 1871 года в г. Чарльстоне (США) собрался «Верховный совет мира», состоящий из одиннадцати главных масонов («верховного первосвященника» и десяти «старцев») — «величайших светильников мира» (как они сами себя называли). Эти десять

торжественно поклялись, что душой и телом они преданы самому главному «светильнику» — Люциферу (сатане). На этом собрании масонов-сатанистов была принята программа организации трех мировых войн, разработанная (надо полагать, не без подсказки адского куратора) «верховным патриархом всемирного масонства» (т.е. председателем «Верховного совета») Альбертом Пайком. Тогда же была учреждена «церковь сатаны».

Альберт Пайк (1809—1891), еврей, был «догматическим» главой всемирного масонства. И до сегодняшнего дня он по праву считается главным теоретиком современного масонства. Стараниями Альберта Пайка и Джузеппе Мадзини (тогдашний, так сказать, «исполнительный директор» мирового масонства) в 70-х годах XIX века всемирное масонство организационно объединилось. В 1871 году Пайк выпустил книгу «Мораль и Догма», которая среди вольных каменщиков получила название «масонской библии». Пайк признавался, что написал эту книгу «под диктовку сатаны».

Первая мировая война, согласно «озарениям» Пайка, должна быть спровоцирована для того, чтобы поставить царскую Россию под контроль масонов. Следовало ниспровергнуть в России царя и затем использовать ее в качестве «пугала» для того, чтобы решать задачи, стоящие перед масонами.

Вторая мировая война должна была через манипуляцию немецкими националистами и политическими сионистами создать всеобщий раскол во мнениях и привести к созданию в Палестине государства Израиль.

Третья мировая война должна, в соответствии с этим планом, начаться из-за расхождений во взглядах, вызванных масонами между сионистами и арабами. Планировалось распространение этого (ближневосточного) конфликта на весь мир. Как видно, в мире сатаны были в XIX веке свои «прозорливцы», «святые», «подвижники». Есть они и сегодня. И они с полной отдачей сил и предельно осознанно участвуют в реализации проекта под названием «третья мировая война». Точкой отсчета, началом первой фазы войны можно считать события в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, которые были спланированы и проведены продолжателями сатаниста А. Пайка. Война с такими противниками не может вестись только военными и политическими средствами. Нужно осознание, что эта война, в первую очередь, — духовная брань.

Можно сравнить тех десять главарей, которые собрались в Чарльстоне в 1871 году, с «десятью царями», о которых говорит Иоанн Богослов в 17-й главе «Апокалипсиса»: «И десять рогов (зверя о десяти рогах, т.е. царства ан-

тихриста. — В.К.)... суть десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем, как цари, на один час. Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю (антихристу. — В.К.). Они будут вести брань с Агнцем (Сыном Божиим, Христом. — В.К.), и Агнец победит их; ибо Он есть Господь господствующих и Царь царей, и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные» (Апок. 17: 12—14).

Война на Ближнем и Среднем Востоке — больше, чем война

Анонимный автор пишет по поводу этой «десятки царей»: «Несомненно, что эта коллегия из десяти “величайших светильников мира” существует и в настоящее время. Согласно «Апокалипсису», антихрист объявится именно среди десяти “царей”, обозначаемых рогами зверя». В «Апокалипсисе» зверь кроме десяти рогов имеет еще «семь голов». Но «головы», по мнению большинства толкователей — главы самых крупных современных государств Запада — «Большой семерки» (G7). С приходом антихриста эти публичные «цари» уступят место упомянутым «десяти царям», которые пока находятся за кулисами истории. Над ними будет одиннадцатый, «верховный» царь, антихрист, которому еще предстоит занять свой трон. Без понимания того, что эти «десять царей» стоят за кулисами нынешней войны на Ближнем и Среднем Востоке, трудно понять некоторые, на первый взгляд, бессмысленные действия террористов ИГИЛ. Я имею в виду разрушение христианских святынь, доходящее до демонстративного надругательства над ними. Это воинствующий сатанизм, исходящий от «величайших светильников мира». Это откровенное беснование.

Светские науки типа философии, социологии и истории совершенно не интересуются проблемой «конца истории». Для них такой проблемы не существует. Они исходят из постулата либо линейно-бесконечного, либо «циклического» или «спирального» (опять-таки бесконечного) развития человечества. Русский мыслитель Константин Леонтьев считал подобные научные «аксиомы» безумием. И показывал, что общественные науки, покоящиеся на подобных «аксиомах», не только малопродуктивны, но даже вредны, поскольку сеют среди неискушенных людей опасные иллюзии.

Впрочем, следует сказать, что у материалистов, атеистов и агностиков, относящих себя к разряду «ученых», есть свое понимание «конца истории». Так, адепты марксизма-ленинизма полагали, что с построением коммунизма удастся преодолеть все общественные противоречия и че-

ловечество остановится в своем развитии. Прекратится смена общественно-экономических формаций; коммунистическая формация станет последней и вечной. Но такую остановку сторонники марксизма-ленинизма рассматривали как «величайшее достижение» человечества. Это — коммунистическая версия известной ереси хилиазма. Наиболее ярким ее выражением стал «Манифест коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, увидевший свет в 1848 году.

Сама ересь хилиазма появилась еще на заре существования христианства и основывалась на вере в тысячелетнее существование Царства Божия на земле («золотой век» христианства). В нашей недавней русской истории было немало сторонников ереси хилиазма. Например, раннее творчество философа Владимира Соловьева было пронизано избыточным историческим оптимизмом, который некоторые его критики справедливо характеризовали как «хилиазм». Уже упомянутый нами Константин Леонтьев потратил немало сил на то, чтобы показать, что так называемая социологическая наука насквозь пропитана ересью хилиазма. Многие старцы и святые Православия очень лаконично выражали свое отношение к хилиазму, говоря: максимум, что может сделать павшее человечество, — не допустить ада на земле. А в последние времена, как предрекал наш святой Лаврентий Черниговский, демонов в аду не останется — все они переместятся в мир живущих людей, где будут чувствовать себя как дома. А что касается «золотого века» христианства, то многие, по мнению историков Церкви, его не заметили, а ведь он уже был в истории. И приходился он преимущественно на Средние века, когда христианство было доминирующей религией. Причем не формальной религией, а мировоззрением и образом жизни большей части людей.

Национал-социалисты в Германии в 30-х годах прошлого века родили еще одну версию «конца истории» в виде теории «тысячелетнего рейха». Не так давно на свет появилась капиталистическая версия ереси хилиазма. В виде книги американского социолога и политолога Фрэнсиса Фукуямы, которая так и называлась: «Конец истории» (1992). Он полагал, что после окончания «холодной войны» в мире будет установлена гегемония «Рах Americana», войны исчезнут, наступит «капиталистический рай». Справедливости ради, следует признать, что Фукуяма достаточно скоро отказался от своих иллюзий. Особенно после событий 11 сентября 2001 года.

Кстати, многие современные политологи полагают, что отсчет третьей мировой войны следует вести именно от террористического акта 11.09.2001 в Нью-Йорке. Тогдашняя трагедия — первый признак разрушения того нового Вавилона («великой блудницы»), о котором говорится в «Откровении от Иоанна» и под которым все толкователи «Апокалипсиса» единодушно понимают Нью-Йорк (а некоторые — не только Нью-Йорк, но все Соединенные Штаты).

Сейчас очень важно оценивать события на Ближнем и Среднем Востоке не только с точки зрения их последствий для мировой экономики, изменения геополитической картины мира и даже национальных интересов России. Важно понимать, что человечество входит в финальную фазу своей истории. Апостасийная природа войны на Ближнем и Среднем Востоке не видна только абсолютно духовно слепым людям. Наступает время предельного трезвения и сосредоточения. Преподобный Лаврентий Черниговский предрекал: «И война третья Всемирная уже будет не для покаяния, а для истребления». Время для покаяния еще есть, но его уже мало.

ЧЕГО ЖДАТЬ?

Власти Афганистана заявили о восстановлении Аль-Каиды и растущей концентрации боевиков в стране. Боевики прибывают из Пакистана, Сирии, Турции, Ирака, Средней Азии и даже Ирана. Кабул просит НАТО усилить интенсивность авиационных ударов по Аль-Каиде. Но думаю, что в Кабуле хорошо понимают невозможность такой интенсификации боевых действий НАТО.

Ведь и в Сирии группировка, имеющая в своей основе силы НАТО и прежде всего США, в течение трех лет практически лишь имитировала борьбу с террористами.

Не случайно кандидат в президенты США Д. Трамп обвинил Б. Обаму и Х. Клинтон в создании ИГИЛ на территориях Ирака и Сирии. Интенсивная и эффективная борьба с собственным детищем всегда затруднительна. Слишком много связей, воспоминаний, проектов и общих интересов остается между рассорившимися «родителями» и «детьми».

Тот же эффект присутствует и в Афганистане. Здесь борьба с Аль-Каидой для США будет лишь прикрытием кон-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

центрации этих, по своей коренной сути, антироссийских сил. Противостояние США с Аль-Каидой или ИГИЛ — чистая риторика, для убедительности усиленная на голливудском уровне поставленными в прямом эфире казнями нескольких несчастных американцев. Ни Аль-Каида, ни ИГИЛ никогда не откроют своих фронтов вблизи территории США. Но они находятся вблизи нашей территории, и у них одно реальное направление агрессии — Российская Федерация.

Когда проект хаотизации Сирии с Ираком стал тормозиться из-за решительного российского вмешательства, эти же проекты и их исполнители начали плавно перетекать в Афганистан, откуда, как со стартовой площадки, скорее всего начнется движение хаоса на север, к нашим границам.

США, даже при внешнем фиаско своего сирийского проекта, то есть даже при том, что Асад останется президентом САР, уже получили дивиденды от этой войны в виде интенсивного роста терроризма, налаживания систем его самообеспечения. В Афгане — это наркотрафик, а в Сирии с Ираком — торговля нефтью по демпинговым ценам. Есть и такой, пока не основной вид экономики терроризма как работоторговля. Но всплеск этого экономического мотива терроризма еще впереди.

То есть, создана машина агрессии, которая может существовать только в соответствующей религиозно-этнической среде и в силу географии этой среды естественно может двигаться только в направлении России. Этот механизм уже не нужно содержать через сложные схемы финансирования. Он сам себя окупает через криминальные экономические ниши. Это позволяет США, отрекшись от статуса родителя сего явления, действовать уже в качестве борца с ним. Что предоставляет рычаги реального контроля над качеством и интенсивностью такой борьбы.

Практически через механизмы международного контроля военных операций против ИГИЛ на фоне растущего натиска сирийских, иракских войск и курдов США могут перенаправить силы террористов в Афганистан и далее, в Среднюю Азию, на Кавказ, ближе к нашим рубежам, оттянув вынужденным для нас участием в Ближневосточной военной операции часть российских сил от защиты собственных границ.

Существенным препятствием сейчас для террористов являются территории Турции, Ирана и в какой-то мере Пакистана, которые закрывают театр проектных военных действий от прямого проникновения ИГИЛ.

В этом контексте перспективы выделения курдам мест их традиционного проживания на территориях ряда ближневосточных

государств (Сирии, Ирака, Турции, Ирана) в территориально самостоятельное государство могут изменить ситуацию.

Ставка в борьбе с ИГИЛ на курдов, которые сегодня являются самой боеспособной частью коалиции, весьма вероятно может привести к оформлению их государственности с непредсказуемой идеологией. Хотя нетрудно предположить, что кочевники будут исповедовать. Говоря проще, курды, приобретя государственность, которая наверняка будет далекой от светскости, могут открыть географически широкий и прямой путь сторонникам джихада в сторону России.

Важно учитывать, что Ближний Восток не наша территория и результаты, которые мы достигали в борьбе с террором в Чечне в двухтысячных или в Средней Азии в 30-х годах прошлого века, здесь невозможны. То есть ИГИЛ может быть кратковременно ослаблен, но не побежден в полной мере.

Введя войска в Афганистан в 1979 г., мы отсрочили проект США по превращению этой страны в криминальную наркобазу и соответственно вошли в рискованную для нашей страны полосу реформ, не имея под боком мощной системы наркотрафика. Скорее всего это нас спасло в девяностые, но не решило проблемы, так как наркобаза в виде целой страны возникла и эффективно действует.

Сейчас мы ввели войска в Сирию и общими усилиями с Асадом и другими союзниками упреждающим ударом ослабим волну террора, отсрочим ее приход. Но не навсегда. Пройдет время, и волна террора нас накроет, как сегодня накрыла волна наркотрафика. И кто может поручиться за то, что именно курды не будут определять силу этой волны?.. Мы нуждаемся не в разовых акциях, а в системе упреждающих ударов... Что же касается отношений с Украиной, то ситуация в чём-то похожа на отношения с Германией в 1941 году.

Уже все поняли, что Минск-2 не работает. Выход из этой ситуации только силовой. Алгоритмы включения в события армий также понятны. ВСУ наступает на Донецк. Российская армия вынуждена вмешаться в ситуацию. ВСУ будут разгромлены.

Сходство с 1941 годом в том, что каждый будущий участник войны хочет сделать явным виновником начала боевых действий своего противника. Мотив таких маневров понятен. Нарушение мирного договора — это несмыслимая вина и утвержденный международным правом статус агрессора. Для нас невероятно важно, как мы вступим в эту войну. Если защитниками от агрессора, то это хорошая позиция, которую можно успешно отстаивать в поле международного права.

Здесь важно учитывать принципиальную опасность иллюзий славянского братства, о чем нередко приходится говорить

и писать. Россия не раз страдала и страдает от этих иллюзий. «Незалежная» Украина ушла от нас навсегда. И слава богу! Конечно, во многом это те же русские! Но ополяченные и польскую любовь к беспорядку усвоившие генетически. Поэтому русскую общинную спайку и способность твердо стоять за общепризнанным лидером им ни принять, ни понять невозможно. Уж не говоря о многом другом. Украинцев порой коробит, когда говоришь, что русским татары ближе, чем украинцы. Но это так. Татары надежны и потому ближе.

Застолбленный З.Бжежинским постулат о том, что Россию можно победить, лишь оторвав от нее Украину, не что иное, как старинная провинциальная польская обида на уход Украины в Россию еще в XVII веке.

Будь Украина тем, чем она пришла к нам при царе Алексее Михайловиче, то вообще не было бы проблем. Но ведь не зря многие бояре отговаривали тогда царя от присоединения Украины. Теперь-то мы видим, что пришедшие уходят, обогатившись землями принявшей их под защиту державы. В том числе уникальными малороссийскими черноземами, на которых можно прокормить полпланеты. Им этот уход выгоден, так как удастся прикарманить изрядное имущество. Оставаясь же в СССР, украинцы всегда бы рисковали утратой необоснованно им советскими властями приписанных земель.

Русским, как правило, непонятна эта экономическая подоплека украинской ненависти. У нас принято говорить о зомбировании населения пропагандой киевского режима. Но думаю, что украинцы-то хорошо понимают, что для них значит дружба с Россией. А означает она всегдашнюю неопределенность статуса Малороссии и Крыма. Ненависть же к России проблему неопределенности снимает. Как говаривали в армии еще в годы моей срочной службы: «Когда имеешь дело со старшиной, знай, с кем имеешь дело». То, что старшина был украинцем, подразумевалось.

У нас и по сей день существенная часть истеблишмента украинцы. Даже, по словам президента, у него в друзьях хохол и два еврея. Есть ли у президента русские друзья, как-то не озвучивалось. Хочется надеяться, что есть.

Конечно, дело не в национальности. В каждом народе есть хорошие и плохие люди. Но каждый человек, независимо от того, плох он или хорош, понимает, что кровь, текущая в нем, приобщает его к той или иной нации. И что это не пустяки.

Военная точка в проблематике последствий Переяславской рады будет поставлена после разгрома ВСУ.

БЕРЕГ ЮНОСТИ

ПОВЕСТЬ

Памяти Николая Рубцова

1

Бело-серая чайка застыла в окне, будто пытаясь посоревноваться в скорости с поездом... И канула вниз, в колёсный грохот.

Состав проезжал по металлическому мосту, перекинутому с одного пологого каменистого берега широкой серой реки на другой.

— Онега, — сказал лениво усатый, пухлый, отёчный мужик с противоположной полки, глянув в окно, и отвернулся к стене, укрылся с головой потрёпанным пальтецом.

«Онежская губа рядом», — подумал Николай, вспомнив карту, которую рассматривал совсем недавно, получая расчёт в тресте «Севрыба». Карта висела на стене в коридоре треста: Архангельск, Белое море, Соловки, изрезанные заливчиками, устьями речушек скалистые берега, горловина выхода в океан, берега, будто изъеденные фьордами, Мурманск...

Всё это знакомо ему. Их траулер РТ-20 «Архангельск» таскал трал у Летнего берега, а потом был переход Баренцевым морем в незамерзающий Мурманский порт.

ПРОЗА

Снова чайка в окне, но её словно сносит ветром к оставшейся позади реке... «Летели большие, клювастые птицы за судном, пропахшим треской», — повторил строчку, застрявшую в голове, но к которой не находилось продолжение.

...Когда поднимался трал, вода из трала рушилась в воду, пенилась, и пенилась единой живой массой рыба, и чайки, пронзительно скрипуче орали и пенились над тралом...

Всё это было, всё это теперь уже навсегда с ним, что бы там ни было впереди. А что впереди? Учёба в техникуме, если поступит, и жизнь — интересная, большая, хорошая... И поезд несёт его к этой жизни. И хотя небо сейчас серое, а поезд грязно-зелёный, в ритм перестуку колёс складывается: «Прекрасно небо голубое, прекрасен поезд голубой...»

В приоткрытое окно залетает пахнувший паровозным дымком влажный ветер...

— Сынок, прикрой-ка фортку-то, — просит бабулька с нижнего сиденья.

Николай задвигает форточку. И сразу становится душно, все поездные запахи — еды, табака, одежды, людей — лезут в нос. И Коля даже дышит какое-то время через шарфик (белое кашне — предмет особой гордости), потом привыкает к запаху.

А бабульке, приятно-округлой, седовласой — хоть бы что. Как и сидящему напротив неё скуластому остроглазому мужичку в сером свитере и в штанах, заправленных в сапоги, голенища которых собраны в гармошку. На кисти левой руки его — заходящее в море солнце и надпись «Север».

Старушка сперва с опасением поглядывала на этого соседа, потом стала его расспрашивать о жизни и даже угостила лепёшкой, которую достала из плетёного пестеря с плёной же крышкой.

И Николаю предложила: «Паренёк, на-ко, угостись». «Нет, спасибо», — торопливо ответил он и отвернулся.

«Парнишка-то скромный какой», — слышит Николай, как тихонько говорит бабулька тётке, сидящей через проход у противоположного окна. И добавила ещё, думая, что он не слышит: «Лопухонькой. У меня внучок такой же».

Ох уж эти уши! Хоть приклеивай их к голове. Торчат, как лопухи, особенно когда он стрижётся. Получив расчёт в тресте, он и постригся, и в баню архангельскую сходил...

А приблатнённый мужичок, освободившийся по амнистии, как стало ясно из разговора, от бабушкиного угощения, конечно, не отказался, уплёл лепёшку, запив холодным кипятком. Говорил он громко, развязно. Затягивал, но не заканчивал разные песни: «Эх, завтра я надену майку голубую, май-

ку голубую, брюки клёш». Или: «Ты жива ещё моя старушка, жив и я, привет тебе, привет...» И пояснял бабушке:

— Это, мама, поэт Есенин, был такой, да...

Никакая старушка ему не мама, но он так её называет.

Коля вспомнил, как на траулере старший механик Капусты (фамилия такая!) под гармошку пел: «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...», — и тоже говорил, что это Сергей Есенин. Коля тогда запомнил имя и решил для себя, что при первой же возможности пойдёт в библиотеку и спросит Есенина. В городе, где есть техникум, наверняка же есть библиотека...

Он тоже на гармошке-то играл, хоть бывало после смены в кочегарке и руки едва не отваливались. Играл. И частушки позабористее пел — он же матрос, а не какой-то там... «младенец». Очень тогда, в конторе «Севрыбы», обидело его это словцо, брошенное каким-то бывалым, конечно же, морячком. А начальник отдела кадров, глянув в его автобиографию, громко, чтобы и тот, что обидел его, и остальные слышали, переспросил: «Значит, отец на фронте погиб?» «Да». «И мать умерла?» Молча, кивнул. «Детдомовец?»

— Ну, к нам, если только помощником кочегара...

— Я могу, — Коля тут же заверил.

— Силёнок-то хватит ли...

— Давайте, возьмём, — сказал молодой, с озорными глазами и синим якорьком на правой кисти, матрос.

— Давай возьмём, — сказал и седоголовый коренастый матрос, оказавшийся кочегаром Иваном Васильевичем Коневым.

— Ну, давайте! — махнул рукой капитан.

И стал Коля Рубцов помощником кочегара...

— По тундре, по железной дороге... — пропел бывший сиделец. — Эх, мама, жил я на Северном Урале, долго и мучительно... Душа праздника просит, мама, — говорил он, хлопывая себя, что-то ища в карманах.

— Сиди, баламут, праздника ему хочется... — ненатурально сердито отвечала бабулька. — Тебя мать-то ждёт ли? — спросила.

— Ждёт.

— Так ты куда, сокол ясной, правишься-то?

— В Мурманск. Ташкент город хлебный, а Мурманск — город рыбный, — говорил он, произнося название неплохо знакомого Коле северного города с ударением на «а».

«А хорошо бы и в Ташкенте побывать! — подумал Николай. — И на Байкале, и на Алтае... Страна большая... Но сначала нужно специальность получить, чтобы не бродягой

по стране ездить, а нужным человеком». Вот он и едет получать специальность. А там и горы, между прочим, есть — Хибины...

— Пойду-ка я к своим, в буру перекинусь, — поднялся неспокойный сосед с нижней полки и пошёл вдоль вагона, цепко вглядываясь в сидящих и лежащих пассажиров, нагло ухмыляясь, опять напевая что-то.

Тётка, что сидела через проход, пересела тут ближе к бабушке, заговорила негромко, но зло:

— Их там целый вагон — архаровцев. Сталин-то помер, так их и распустили, шпану-то. И зачем только?

— Так-так, — кивала сочувственно бабушка.

Она всем сочувствовала, эта бабушка — и худенькому пареньку, что спит на верхней полке, и освободившемуся из лагеря уркагану, у которого же тоже мать есть, и этой тётке, переживающей за содержимое мешка, засунутого на верхнюю полку, и за деньги, рассованные по многочисленным карманам и складкам её юбки, кофты, жакетки...

— Так, милая, так... — кивает она.

— А у нас в деревне пастух коров доил, колхозных, в лес-то угонит да и подоит, а кто-то узнал, донёс — восемь лет дали. И, говорят, таких не отпускают, только тех, у кого до пяти лет срок — во как! — возмущалась тётка.

И вдруг подал голос пухлый мужик со второй верхней полки:

— А кто у нас тут недовольный!

— А лешой бы тебя понеси! — откликнулась тётка и пересела на своё место, замолчала.

Коля уже и хочет спуститься, размять ноги-руки, и понимает, что лучше лежать, дремать — так есть меньше хочется... Будет какая-нибудь станция — выйдет, подышит...

А за окном вырастают из-под земли огромные камни. И это уже не камни, а скалы, за которые, запустив корни в трещины, уцепились чахлые деревца. А вон-то и море же между скалами видно — стальную холодную гладь Онежской губы.

...И откуда, каким ветром занесло в их село Никольское, стоящее не берегу речки Толшмы, в тысяче вёрст от моря, романтику морских странствий?

Но знали они, мальчишки, что маленькая Толшма их впадает в судоходную Сухону, а Сухона, сливаясь с Югом, образуют могучую Северную Двину, а та несёт воду в Белое море, дальше уже — Ледовитый океан. И отпуская по весне следящие из щепок кораблики в бурлящие ручьи, устремляющиеся к Толшме, верили они, что доплывут их корабли до

самого океана... И вот ему всего-то шестнадцать лет (или уже шестнадцать?), а он уже и по Двине плавал, и по Белому морю, и по океану...

Там, в Николе, выбежали как-то раз на улицу, а по ней идёт, чуть покачиваясь, в широких штанах, крепко печатающая остроносыми ботинками снег, в чёрном бушлате, из-под которого видна тельняшка, в бескозырке с развевающимися по ветру лентами... Спереди на ленте бескозырки золотые буквы: Северный флот.

Детдомовцы и моряка-то до этого разве что на картинке видели.

Он — Колька Рубцов, — как и все остальные в длинном пальто, в сером, обмотанном вокруг шеи шарфе, в шапке с ушами, завязанными на затылке, первым восхищённый голос подал: «Дяденька, а вы моряк?» — «Моряк, моряк... — усмехнулся: — Беги, давай, в дом-то, а то шнобель-то отморозишь!» Остальные тут набегают: «Моряк, моряк!..» «А у меня папа тоже моряк!» «Иди ты — моряк-с пёчки бряк!»

А моряк уходил вдоль по улице и в конце её толкнулся в калитку, и с крыльца, будто птица, раскинув крылья, метнулась к нему женщина.

Как же мечтал он и другие мальчишки вот так же когда-нибудь толкнуться в калитку родного дома — в таких же широких брюках, в бескозырке с лентой и золотыми буквами...

А ещё он читал книжки в школьной библиотеке — «Остров сокровищ», «Пятнадцатилетний капитан»... А фильм «Дети капитана Гранта» смотрели в клубе. И потом долго, как ненормальные или пьяные распевали: «А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер, весёлый ветер, весёлый ветер...»

Да, ветер, ветер... Теперь уж узнал он, что ветер может быть и злым, и грозным, и добрым, и ласковым, и поплакать он может с тобой, и отстегать тебя холодными плетями шторма... «Может ветер выть и стонать, может ветер за себя постоять...» — слагаются слова и остаются в памяти... Вот будет у него свой угол — всё запишет. И может, не хуже тех стихов получится, что читал на «Архангельске» команде. Мужики, похохатывая, повторяли его строчки: «Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато — работаю в тралфлоте!», и особенно: «Избушка под названием «Пивная», стоит без стёкол в окнах, без дверей». Здорово получилось!

— Здорово ты, Колька! Молоток!

А кочегар Иван Васильевич слушал как-то, как Коля напевал что-то под гармошку, и сказал остальным, курившим на баке:

— Его, ребята, Бог поцеловал, у него душа песенная...

В чемоданчике его, кроме второй тельняшки, большая часть денег (ещё есть деньги в кармане бушлата) и тетрадка тонкая школьная, карандаш...

Чемоданчик уже не тот, с которым два года назад ездил поступать в Рижское мореходное училище — сработанный в школьной мастерской, закрывавшийся на гвоздик... Нет, тот, как приехал обратно в Ницолу, бросил с моста в Толшму, чтобы и не напоминал о той поездке. А всё равно помнится.

Нет, поездка-то была интересная: поезд, Ленинград, Рига, сопровождающая Ольга Сергеевна добрая, но и чуть надоедливая со своим постоянным присмотром. Ехали с ними ещё девочка Оля Смирнова и парень, Вася Коробов, — куда-то в Ленинграде поступали, на вокзале их встретила Васина тётя. А Коля с Ольгой Сергеевной переехали на другой вокзал. Пока ехали в трамвае — Коля успел рассмотреть высокие дома, сливавшиеся иногда в сплошную стену с окнами, какой-то канал с чёрной водой в серо-гранитных берегах... «Обязательно вернись сюда и всё-всё погляжу», — подумал тогда.

Приехали в Ригу. В мореходку его не взяли. «Ему ж пятнадцати лет нет ещё», — сказал Ольге Сергеевне усатый человек в моряцкой форме (Коля был уверен, что это капитан какого-то судна). И тихо, чтобы он не слышал, добавил: «Что вы нам дистрофиков везёте!»

Поэтому он не любит Ригу... И ничего, ничего не помнит...

После той неудачной поездки поступил в Лесотехнический техникум в Тотьме. Куда-то же надо было поступать...

В первый учебный день была экскурсия в музей. И там женщина-экскурсовод рассказывала о том, что церкви в городе, и правда похожие на парусники, строились на деньги удачливых тотемских купцов-мореходов. А тотемский житель Иван Кусков и вовсе построил в Калифорнии русский город, женился на индианке и вернулся в Тотьму. «Значит, дети-то у них наполовину индейцы, — восторженно говорил новому дружку Серёже Багрову. — Ты, Серёга, может, потомок индейцев, а?» — «Сам ты Чингачгук!» — отвечал Багров, тоже любитель книжек про индейцев, морские приключения и путешествия...

И как только появилась возможность — рванул в Архангельск. И уж так решил: «Если в мореходку не возьмут, всё равно не вернусь в Ницолу, в матросы пойду, кем угодно, лишь бы на судно».

«А жаль, что отказался от бабкиной лепёшки, со вчерашнего вечера не ел...» — отвлекает его голод от воспоминаний.

Поезд долго шёл, замедляясь, и встал на какой-то станции. Народ повалил на улицу. Напялив фуражку-мичманку,

и запахнув потуже на шее белый шарф, на ходу уже натягивая бушлат, Коля тоже пробрался к выходу, спрыгнул на перрон. А тут настоящий базар — продают варёную картошку, хлеб, рыбу, одежду. Толкаются, кричат, безногий инвалид на тележке, в грязной фуфайке, к которой приколотая какая-то медаль, рвёт гармошку: «Я немцам жару поддавал! Я кровь мешками проливал!..» Выделяются блатным форсом освободившиеся по амнистии уголовники, которых полно в поезде. Вон, кажется, и сосед по вагону мелькнул. Точно он — подмигнул Кольке и исчез в толпе.

Коля купил у сердитой тётки пирожок с капустой, на ту мелочь, что была в кармане бушлата. Сквозь толпу пробрался к вагону, влез, добрался до своего места... И сначала подумал, что это не его место... Но вот же бабулька сидит. Тётка ушла видно на улицу. Усатого толстяка с верхней полки тоже нет, и блатного нет... Нет и чемодана, а вместе с ним и денег. Хорошо ещё, что паспорт в кармане брюк и потрёпанная тетрадка со стихами, свёрнутая в трубку во внутреннем кармане бушлата. Но что же делать без денег?..

Страшно, холодно, пусто...

— Ты чего, паренёк?

— Ничего...

Чего-то он ещё ждёт. Поезд трогается, толпа на перроне растворяется, вагон наполняется. Но не возвращается ни толстяк, ни освободившийся... «Ещё подмигнул мне», — вспомнил Коля. Глаза его слезами наполнились.

— Что-то нету соседей-то... — вернувшаяся тётка вроде бы говорит. Вроде бы кто-то садится на освободившиеся места — он не смотрит на новых людей. Вроде бы что-то спрашивает бабулька — он не слышит её.

Залезает на свою полку. Пусто. Нет ничего.

Вечером поезд прибыл на полустанок, где нужно делать пересадку — тут отворотка на Кировск. Билет надо покупать. А денег нет.

Но Коля уже успокоился. В конце-то концов — это же приключение! Самое настоящее! Обидно конечно, но что ж... Хорошо хоть паспорт остался. И мичманка, и бушлат, и шарф. И курточку он ещё в Архангельске купил вельветовую, в разрез ворота которой очень красиво выглядывает тельняшка. Фуражку-мичманку ему старпом подарил, бушлат боцман списал и тоже подарил «студенту». А адрес техникума, в который решил поступать, он на зубок помнит... Ну, что делать — на станции к милиционеру подойдет: так, мол, и так... Или просто в поезд попросится, там, говорят, уже и остаётся-то полтора часа ехать. «Доберусь! Где наша не пропадала!»

Когда выходил, бабушка спохватилась:

— Ты ж вроде с чемоданчиком был...

Он не ответил, махнул рукой и вышел на перрон.

Был ещё день, но уже клонился он к вечеру. Холодный ветер пронизывал... И вдали видны — то широкие и островерхие, будто взбитые и поставленные углом вверх подушки; то узкие — устремленные ввысь — похожие на тотемские церкви... Горы! Хибины...

А на соседнем пути стоял поезд:

— Это куда? — спросил Коля у пожилого железнодорожника, проходившего мимо.

— На Кировск, через пять минут отправляется.

Коля шёл вдоль состава... Вот и последний вагон, а на его крышу, сзади, подсаживая друг друга, подтягиваясь руками, забираются двое парней. Вот они уже и на крыше.

— Эй, помогите-ка! — командирским тоном сказал им Колька.

Один свесил светлую голову, осмотрел его.

— Ну, чего смотришь-то...

— Давай!

Колька вспрыгнул на ступени, ухватился за протянутую ладонь, за крышу, подтянулся... Влез.

— Здорово.

— Здорово.

Гудок. Поезд дёрнулся, и все трое присели, ухватились друг за друга. А поезд набирал ход, вздрагивал... Но вскоре освоились. Кричали друг другу в ухо что-то и всё равно почти ничего не слышали, смеялись... Какие-то замечательные, весёлые это были парни. Примерно одного с ним возраста — один худенький светловолосый, второй плотный, коренастый, темно-русый.

Коля увидел, что на крыше их вагона ещё люди сидят, и на других вагонах. И вовсе успокоился. Только холодно было... И мичманку, на которую, он заметил, завистливо посматривали парни, всё время держал рукой, чтоб не улетела, а второй рукой держался за какие-то перильца...

Поезд мчался с грохотом и свистом — мимо скал, мимо редких огней... Чувство восторга охватило Кольку.

У парней были с собой ещё и какие-то мешки, и вот один из них достал из своего мешка... гармошку! Тоже, видно, от восторга — поставив её на колени, заиграл... Точно на такой же гармошке играл Коля в детдоме, и в Тотьме, и на траулере:

— Дай-ка! — крикнул парню и показал на гармошку. Мичманку свою снял, подал ему, принял гармонь, пристроился к

ней, подтянул ремень, нажал несколько раз на кнопки, склонив голову, будто прислушиваясь, и рванул:

— Куда идёшь, зелёна рать!

— Малину жрать, зелёна рать!..

Парни, севшие вплотную, чтоб слышать его, покатались со смеху..

Так и ехали полтора часа, распевая частушки.

Поезд встал.

— Прибыли, Кировск.

Парни спрыгнули с вагона и быстро прошли в вокзал, который поражал своими размерами, высотой потолка, большими окнами..

Снова познакомились, назвали имена:

— Колька.

— Валька,

— Серёга.

— Вы куда?

— В техникум.

— И я в техникум!

Вышли на привокзальную площадь, за которой тянулись ряды бараков, впереди в туманной дымке начинавшейся белой ночи — горы... А глянув правее, Коля увидел озеро — противоположный берег его сейчас лишь угадывается в дымке.

— Ничего водоёмчик. Не море, но всё-таки, — констатировал Николай.

— Это Большой Вудъявр, — сказал Валька, — озеро.

2

Валька и Серёга уже бывали тут. У Вальки старший брат в техникуме на четвёртом курсе учится. Они из рыбоколхоза, что на самом берегу Белого моря..

— Как тут комбинат-то открыли — все, кто помоложе да пограмотней, сюда стали перебираться... Чего там в деревне-то... — говорил Валька.

Выяснилось, что ребятам по четырнадцать лет, сразу после седьмого класса поступают. Коля старше их на два года, потому и выше на голову. А уж по опыту, по тому, где бывал и что видел, он не на голову, а на все три выше этих деревенских парней-поморов — невысоких, но крепких уже по-мужички.

Между делом, идя по мягко пружинящим под ногами деревянным мосткам, он рассказывал им про Архангельск, про Мурманск, про Ленинград (который почти и не видел, но так уж его поразило то, что успел увидеть пока переезжали с вокзала на вокзал), про траулер...

Уже белая мутная ночь опустилась на город. Дома, всё двухэтажные деревянные бараки, тянутся унылыми рядами вдоль грязных, с разбитыми дорогами улиц, кое-где желтеют окна. А там, у гор, где-то за городом слышен постоянный гул, похожий на шум прибоя, и будто откуда-то из-под земли вырывается свет и озаряет жёлтым и красным небо...

— Комбинат! — говорит Валька. — А вот и общага, — он сворачивает к тёмному бревенчатому длинному дому, бараку.

«Общежитие №1» — на табличке у входа. Под козырьком крыльца горит фонарь в стеклянном колпаке и металлической сетке... И как-то не по себе становится Кольке от этого барака, от этого фонаря в сетке.

Валька уже дёргает дверь. Заперто.

Николай, на правах старшего, берёт инициативу на себя, уверенно стучит. И ещё раз. У ближнего к двери окна на первом этаже сдвигается шторка. Приоткрывается форточка:

— Чего стучите-то? А? Чего гремите? — строгий хриплый женский голос.

— Откройте, пожалуйста, мы поступать приехали, — уверенно говорит Николай.

— Поступать... Стойте, щас открою...

За дверью слышны шаги, стучит об пол скинутый длинный металлический крюк, дверь открывает невысокая женщина с жёстким лицом, в платке, покрывающем голову, в кофте зелёной.

— Ну, заходите, мазурики. Знаю, что поезд только пришёл, уж жду. Каждую ночь и едете.

Ребята стояли в тесном коридорчике, переминаясь с ноги на ногу...

— Подождите, сейчас выделим вам комнату... — деловито говорит женщина, листая толстую тетрадь. И сообщает: — Меня зовут Зинаида Николаевна, я комендант, слушаться меня как отца!.. Вот в девятую вас пока поселю, пошли. — И шагнула к лестнице, ведущей на второй этаж.

Коля успел увидеть длинный коридор с рядом дверей, одна дверь приоткрылась, выглянула девчонка да и спряталась. Значит, на первом девушки живут.

По лестнице навстречу им бежал белоголовый крупный парень:

— Ну, здорово, орлы! — тряхнул за плечи Вальку, ткнул в плечо Серёгу. Николаю протянул руку: — Валерий. Старший брат вот этого индивидуя, — кивнул на Вальку.

— Николай.

— Он в тралфлоте служил! — сообщил брату Валька.

Валерий кивнул уважительно и шутливо одновременно — не поймёшь...

Поселились в пустой ещё комнате, в которой стояли восемь кроватей.

— Бельё и матрасы завтра выдам, если документы возьмут ваши, — сказала комендантша, которую нужно было слушаться, как отца.

Парни так устали от всех впечатлений дня, что тут же растянулись на голых пружинных кроватях, и вроде бы и продолжая ещё говорить, засопели, уплывая в сон.

— Ну, спите, если что — я в четвёртой, — сказал, видя такое дело, Валерий и ушёл.

Парни, подложив под головы свои мешки, тут же уснули.

Николаю и подложить было нечего, он лежал на спине, закинув за голову руки.

Он не спал, он, просмотрев внутри себя все события сегодняшнего дня, беспорядочно и полусонно снова вспоминал разное из жизни своей.

Опять вспомнил ту воспитательницу — Ольгу Сергеевну. Она очень любила стихи. И его, Колю, любила за то, что он сочинял стихи.

Да, с ним это уже давно бывало — возьмёт да и скажет что-нибудь складно. Потом ещё в школьную стенгазету писал... В Риге, когда шли из училища на вокзал (а уехали в тот же день) она, может, стараясь отвлечь его от переживаний неудачного поступления, рассказывала:

— Я читала, что здесь лечился раненый поэт Батюшков, здесь он полюбил девушку, но не смог жениться на ней...

Коле и правда было не до Батюшкова и он плохо слышал воспитательницу. Но заинтересовался, когда она сказала:

— А родом Батюшков был из Вологды, как и ты... У него сам Пушкин писать учился... А похоронен Батюшков в Прилуцком монастыре.

— А, так это было давно?.. А монастырь-то я знаю...

И сейчас, в голой комнате Кировской общаги, как тогда посреди красивого нерусского города Риги, память унесла его в тот светлый день, под древние Прилуцкие стены... Они жили там, в Прилуках, когда переехали из Няндомы. Домик их (снимали, кажется, у кого-то) был неподалёку от монастыря, и рядом была ещё церковь, Никольская, и кладбище. И река Вологда была рядом. Только почему-то недолго прожили в том домике (а несколько месяцев, которые жили в нём, помнятся как самые счастливые), переехали в Вологду, в страшный барак, потом война началась, мама умерла, отец на войну ушёл, первый детдом, второй... Мама раскинула на

травке скатёрку, выложила из корзины какую-то еду — хлеб, огурцы... Отец купался, Коля пытался схватить в траве кузнечика, но и боялся его — треугольного и большеглазого, и всё равно хотел схватить, и с восторгом наблюдал, как делал кузнечик гигантские прыжки... А потом от монастырской стены бежал какой-то человек, а за ним другой человек, в форме, но не мог догнать. А его отец вылез из реки и догнал, приказал стоять. И беглец остановился.

Больше он ничего не помнил о том дне. Только осталось щемящее чувство того, что и в самое доброе счастье всегда может ворваться что-то непонятное и недоброе...

Так вот там, за теми-то стенами — могила Батюшкова. Когда-нибудь он побывает там, нужно побывать...

Потом уже, в Архангельске, был у него период — месяца два, когда он снова не поступил в мореходку, но ещё и не устроился в тралфлот: ему подсказали, что есть место в библиотеке в Соломбале... Добрая вахтёрша из училища увидела его, едва не ревущего, сказала:

— Да будет тебе, поезжай домой, через год поступишь.

— Нет у меня дома...

Тут-то она и сказала, что, мол, дочь увольняется и освобождается место библиотекаря — и жильё прямо там и, пусть небольшая, зарплата.

— Потому как на судно-то когда тебя ещё возьмут... — покачала головой. — Ты там годик-то поработаешь, подготовишься да на следующий-то год и поступишь...

Вот и стал там жить-работать. Неплохо, в общем, устроился. Главное — книг много. И он читал. Там-то и попался ему том Пушкина из собрания сочинений 1937 года выпуска. И в этом томе подробный разбор «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова. Так там Александр Сергеевич «учителя»-то своего «под орех» разделявал! Но и восхищался удачными стихами и строчками... Никаким Батюшковым учителем Пушкина не был. Но учился Пушкин на нём, и на Вяземском, и на всех тех книгах, что читал... Вот именно тогда Коля понял это про Пушкина и Батюшкова. И сам, между прочим, старался уже читать по-пушкински... Потом, на корабле, конечно, долго не до книг было. Ну, теперь-то уж он начитается... И кстати, там же, в той архангельской библиотеке, нашёл книгу Всеволода Гаршина (знал этого писателя по сказке «Лягушка путешественница», которую читал ещё в детдоме) с его обжигающими рассказами. А в предисловии вычитал, что какое-то время Гаршин жил в усадьбе Красково под Вологдой. А ведь детдом, в который поначалу его и брата Бориса привезли, в Краскове и был, в усадьбе... Может, в той са-

мой... Тесен всё-таки мир. Всё близко в нём, надо только чувствовать. Давнее становится вдруг осязаемым, твоим.

Он поднялся, вышел из комнаты, пошёл по длинному коридору в дальний его конец, откуда пахло уборной — хлоркой и куревом.

Тут и кучковались старшекурсники. Курили, говорили о чём-то громко и весело, явно не думая о том, что могут кому-то мешать спать. Впрочем, общежитие было еще почти пустым. Тут был и Валерка, Валькин брат.

— Этот, что ли? — спросил у него невысокий, широкоплечий, курносый парень, куривший папиросу.

Валерка кивнул, но и как-то отвернулся сразу, будто и не знал вовсе Николая.

— Здорово, морячок! — окликнул курносый и выдул дым в сторону Коли.

— Здорово...

— А чё, на флоте хорошо зарабатывают?

— Нормально получают.

— Так поделись, — напрямую сказал парень, и двое его дружков заухмылялись, а третий, Валерка, пробубнил:

— Да ладно, Седой, не надо...

Но Седой не слушал его. Спрыгнул с подоконника, шагнул к новичку.

Николай знал, что именно сейчас, сразу, нужно поставить себя так, что бы больше уже не трогали. Вспомнил приёмчики, которым учил его на траулере Вовка Девятов (похожий, между прочим, на этого Седого). Вспомнил и то, как дрались ребята с траулера в пивнухе в Мурманске, и он даже пытался помогать им...

Он сам шагнул навстречу Седому и не ударил, а ухватил за чуб, спадающий на глаза, и резко вниз потянул, так, что парень сразу на колени опустился — Девятова наука. Дружки дёрнулись к нему, но Николай ещё раз резко потянул волосы:

— Ему же хуже будет.

— Отпусти, — прохрипел Седой.

Николай отпустил, ожидал, что сразу будет удар, но виду не показал, не отшатнулся, заговорил миролюбиво:

— Ребята, давайте забудем это. Дайте лучше покурить. А то я вторые сутки без курева, а у тех малолеток только конфеты.

Седой сам дал ему папиросу — выщелкнул из пачки «Беломорканала».

Николай, уезжая из Архангельска, задумал бросить курить, всю дорогу не курил и вот — опять... И уже он рассказывал парням, как работал на сейнере, к месту вставил и про то, как дрались в Мурманске...

— В поезде вот обокрали — совсем на мели.
— Ничего, здесь не пропадёшь — кормёжка казённая, не ахти, но с голодухи не помрёшь.
— Ещё поступить надо.
— Поступишь.
— Напишу братве на сейнер — выручат деньгами, — ещё похвастал Николай.

... Он вернулся в свою комнату, лёг на взвизгнувшую пружинами кровать. В окно вливался серый свет белой ночи. Да-да, никакая она не белая — серая эта ночь, серая...

Горько было Коле, грустно. «Ну почему же так? Неужели всю жизнь надо будет что-то доказывать, отстаивать своё место... Вот что я им плохого сделал?! И почему стал хорошим, только когда плохо сделал? А?..» Но постепенно успокаивался, и мысль уже другая пришла: «Ну, хорошо хоть я, а не меня. Больше не сунутся. Можно спокойно устраиваться, готовиться к экзаменам, учиться». И, как удар: «А надолго ли здесь-то?» И что это за сила гонит и гонит его с места на место, срывая, когда уж вроде бы устроился, прижился... Поступил вот в Тотьме в «лесной» техникум — учился легко, друзья были, крыша над головой, в будущем — хорошая специальность. Но бросил всё, в Архангельск поехал. О море мечтал. И добился же своего! И на судно попал, и в коллектив вписался, и в работу втянулся. Но опять бросил всё — сюда приехал... Неужели всю жизнь так? Неужели бродягой быть?..

Уснул, когда все-то уж просыпаться начали.

— Колка, пошли документы-то подавать, — Валька толкнул.
— Ага, сейчас, — отвернулся к стене и попытался накрыть голову несуществующим одеялом.

— Вставай давай, пошли!

— Ну, пошли, пошли...

А когда возвращались в общежитие, их поджидала уже комендантша Зинаида Николаевна:

— Хватит вам бродить без дела, красавцы, — строго сказала и определила фронт работ — пилка брёвен и колка дров.

Брёвна были свалены неподалёку от общаги. Ничего не поделаешь: взяли у Зинаиды Николаевны пилу, колун... Коля, когда получал в кладовке пилу, весело говорил:

— Это ж моя любимая работа, я ж прирождённый пильщик дров!

И строгая Зинаида Николаевна, глядя на него, вдруг улыбнулась и сказала:

— Ишь, какой!.. Ну, давайте, ребята, давайте, а я вам к чаю печенья дам.

Валька встал с Колей к двуручной пиле, Серёжка за колун взялся. Деревенские ребята, конечно, умели с этими инст-

рументами обращаться. Да и Коля не зря хвастался — пилить доводилось и в детдоме, и в Тотьме. Там они с Серёжкой Багровым целую делянку, десять кубов леса на корню, спилили — было дело, без этой нормы не отпускали на каникулы...

Подходили ещё ребята, тоже в работу включались. По ходу дела и знакомились. И девушки вышли (комендантша никого без дела не оставляла), стали складывать наколотые полешки в поленницу...

На перекуре Валька сбегал за гармошкой. И Коля, пристроившись на чурбаке, растянул мехи: «Шумел камыш, деревья гнулись!..»

— Давай повеселее, Кольша!

— У нас, когда камыш только шумит — деревья гнутся!.. Ну, держись! И тут сами, одна за одной, вспоминались частушки, что пелись на гулянках в Николе...

*Нам хотели запретить
по этой улице ходить.
Наши запретители,
по морде не хотите ли!*

*Из тюремного окошка
вижу город Вологду.
Принеси, сударка, хлеба
умираю с голоду.*

Когда кто-то из ребят хотел перебить его, своё спеть, Николай сразу откликнулся:

*А ты не пой, а ты не пой,
Утя голос не такой,
Есть такие голоса -
Дыбом встанут волоса.*

*На столе стоит бутылка,
А в бутылке лимонад.
Девки юбки разорвали,
Председатель виноват.*

Тут и девушки ответили:

*Гармонист, гармонист -
Рубашечка моряцкая,
Почему же у тебя
Морда-то дурацкая? —*

грубовато спела высокая чернявая красавица.

Вторая — светленькая, худенькая — смягчила грубость:

*Хорошо парнёк играет,
Хорошо и слушать-то!
Задушевная подруга,
Игроки и сушат-то!*

— Хорошо поёте, да надо и дело делать, — нестрого сказала появившаяся вдруг комендантша и даже положила пару поленьев в поленицу.

Николай ещё пропел, подыграв маршево: «Нам песня строить и жить помогает!..» — и отложил гармошку.

А вечером вышел Коля на крыльцо покурить, а из окна ему Зинаида Николаевна:

— Кареглазый, иди-ка сюда, — и подала в раскрытую форточку пачку печенья...

...И вот — экзамены сданы, на стене приказ: «Зачислить...» И долгий список. На «Р» — вот он: Рубцов Николай Михайлович.

Будет теперь учиться на маркшейдера.

— Ну, что, братва, отметим! — хлопнул по карману своего флотского бушлата. Он ведь на второй день по приезду, и правда, взял да и написал письмо кочегару своему. И вот вчера получил перевод — больше, чем при расчёте денег друзья-моряки ему выслали. И был рад, и говорил: «Вот это морская дружба!» И в кармане его сегодня ещё не только звенит, но и шушит.

— Отметим! — тут же подхватил идею новый приятель, тёзка — Колька Шантаренков.

В комнате их теперь уже семь человек. Кроме первой заселившейся троицы (Коли, Серёги и Вальки) — Колька Шантаренков, Женя Ивановский, Васька Потапенко и Эдик Гольдберг. Восьмая койка почему-то так и осталась пустой.

Общага теперь полна, гудит как улей — во всех комнатах живут, на первом этаже девушки, на втором парни. Старшекурсников перевели в другое общежитие.

Не заходя в общагу, компания — два Николая, Валька и Женя Ивановский отправилась на рынок.

Уже две недели, как они здесь. Поиздержались, домашние припасы приели. Но сегодня Коля «на коне»! Сегодня он угощает.

Шли центром города: памятник Кирову, дом культуры, кинотеатр. Ровными линиями — полтора десятка новых пятиэтажных домов. Никто из парней таких домов раньше не

видел. И думалось, что вот она здесь, на их глазах, зарождается новая прекрасная жизнь, о которой пишут в газетах и показывают кино. Город — совсем молодой, вырос вместе с рудником и комбинатом — стране нужны минеральные удобрения! Да, они уже знают, что начинали его строить заключенные, и сейчас там, внизу, «зэки» работают, лагерь неподалёку от города. Но ведь есть и «комсомольцы-добровольцы»!

Кончились пятиэтажные красавцы, и потянулись ряды бараков. Но вон и красивое здание вокзала, строенное, видно, с расчётом на рост города. И сбоку от него — базарчик, ларьки пивные, рыбные, овощные.

Купили еды. Коля, как старший, пошёл вино покупать. Зашёл в низкий деревянный магазин, попросил две бутылки плодово-ягодного.

— Тебе сколько лет-то? — спросила моложавая, румяная продавщица в грязноватом халате и в колпаке.

— Девятнадцать. Да я ж моряк — не видно, что ли?

— Моряк — с печки бряк! — откликнулась молодуха, напомнив детдомовскую дразнилку. — Каким же ветром к нам-то? — выставила вино на прилавок.

— Попутным! — ответил Николай и взял бутылки.

— Ему пятнадцать, тётенька! — подал тут голос, тихонько до этого стоявший у двери Шантаренков. — Но мама ему уже разрешает...

Коля лихо засунул бутылки в карманы бушлата. Погрозил пальцем тётке. Настроение у него было задорное, и даже случайное упоминание матери сейчас не задело.

Он развернулся снова к прилавку:

— Беломора ещё две пачки, и коробок, — сказал, выкладывая на блюдце деньги.

Продавщица усмехнулась, ничего больше не сказала, подала папиросы и спички.

— Пить будем, гулять будем! — приплясывая, напевал Шантаренков, когда шли в общежитие.

— Держите себя в руках, молодой человек, — строго сказал Рубцов...

Глянул он сейчас на своих «собутыльников» (совсем ещё детишки, все младше его) и сказал: «Валька, беги-ка к брату, пусть свою партию ведёт!»

В комнате разложили еду, открыли вино... Не заставили себя долго ждать старшекурсники, пришли из своего общежития — Седой, Валерка и ещё один парень, подвинули мелкоту.

— Ну, за нашу новую жизнь, — торжественно сказал Николай, и разномастные чашки, кружки, стаканы сдвинулись с глухим звоном...

Старшие парни, в общем-то, всё вино и выпили и вскоре ушли. Николай подумал и не пошёл с ними.

— Доставай гармошку, Валька, пошли к девчатам! — командовал.

И, собрав оставшиеся продукты, ребята пошли этажом ниже.

Смелости добавляло и то, что комендантши не было на месте, её комната у выхода была заперта на замок.

С девчатами за дни экзаменов уже познакомились и пришли в комнату, в которой жили их одноклассницы.

— А мы в гости! — Коля развернул гармошку:

*Машина ехала,
Колёса тёрлись,
А вы не ждали нас,
А мы припёрлись!*

— Угощайтесь, девчата!

Девочки стеснялись, но и старались показать себя хозяйками. Быстренько освободили стол, разложили еду по тарелкам и блюдам.

Коля гармошку не выпускал. Сначала плясовую выдал... Но плясать никто не стал, хотя и заулыбались, запритопывали.

И тут Николай замер, будто вслушивался в себя, и все почему-то замолчали и замерли, и он начал негромко:

*Ветер под окошками, тихий, как мечтание,
А за огородами в сумерках полей
Крики перепёлок, дальних звёзд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...*

Дальше не пел, а только мычал мотив, потом перестал играть, замолчал.

— Это чьё? — спросила девушка с внимательными глазами, имя которой он ещё не запомнил.

— Да это так...

— На Есенина похоже, — сказала другая девушка, — я читала...

— Да это же твоё, Колька! — Шантаренков крикнул. — Это он пишет. У него целая тетрадь...

Николай резко встал, скинул ремни гармошки с плеч, сунул её Валентину и резко пошёл к двери.

— Да ты чего, Коль...

Хлопнул дверью. Вышел на улицу, пошёл куда глаза глядели. Оказалось, что в сторону гор, подковой огибающих город. Ветер быстро выдул хмель, остудил. И уже не было

никакой обиды, и даже сам себе удивлялся — чего сорвался-то? Смотрел на горы и думал, что хорошо бы подняться на них, посмотреть оттуда на город, на озеро... Ещё поднимется.

«А девчонки ничего есть... Конечно, не как Таня. Надо будет написать ей. А ведь ей ещё год учиться в Тотьме, а потом куда она? А я куда? Здесь буду?..»

— Вон он! — услышал голос Жени Ивановского.

Догнали. Шантаренков и Ивановский.

— Ну, ты чудак, — Колька Шантаренков заговорил. — Чего обиделся-то? Пошли в общагу, а то комендантша пришла, запрёт двери, останемся на улице.

— Ну и ладно... А ты... трепло, — Коля улыбнулся. — Пошли!

Он закурил, отвернувшись от ветра и прикрыв огонёк спички ладонями.

— А вот придумайте-ка мне рифму на слово «идиот», — сказал ребятам.

— Пароход!

— Бегемот!

Смеялись, кричали возбужденно — от предчувствия ли счастья, от чего ли ещё...

— Ну-ка, потише, — прикрикнула на них, комендантша, из своей комнаты.

— Всё-всё, Зинаида Николаевна, — Шантаренков ответил, сооротив при этом дурацкую рожу. И тихо добавил: — Отец ты наш родной.

Коля строго погрозил ему пальцем и этот же палец к губам прижал — молчи.

В комнате продолжился конкурс по придумыванию рифм.

— Ну-ка, на слово «рубка»! — Коля задание дал.

— Рубка леса, что ли?

— Рубка на корабле...

— Будка! — Гольдберг первым сказал.

— Нет, не то...

— Юбка!

— Покупка!

— Трубка! — Женя Ивановский последним голос подал.

— О! Вот это железная рифма, — похвалил Коля. — Но мне не подходит, — тут же добавил. И, не скрываясь, достал купленную сегодня же тетрадь в чёрной обложке и что-то записал в неё тоже новой чернильной ручкой. Старая тетрадь, которую ещё в Тотьме завёл и таскал везде с собой, даже на траулере, — давно кончилась да и поистрепалась.

Усыпая, он ещё подумал, что надо будет стихи из старой тетради в новую переписать.

Началась учёба и повседневная жизнь. Программа первого курса в основном совпадала с тем, что учил и сдавал Николай в лесотехническом техникуме. Так что учился он легко, не напрягаясь — отличником не стал, но и двоечником не был. В комнате убирались по очереди, подметали и мыли пол, уже в конце сентября начали топить печь. Дрова надо было принести из поленницы во дворе. Печь дымила; боясь угореть, ребята оставляли трубу открытой, пока угли совсем не остывали. Конечно, и тепла от такой топки было не много...

Но даже такую плохонькую печь Коля любил топить. А точнее — любил он сидеть перед топкой, подбрасывать полешки, глядеть на огонь... Тут же и читал, и писал тоже.

Как и думал — записался в городскую библиотеку.

В первый раз Николай взял сборник Некрасова. А когда второй раз пришёл — Фета попросил... Когда пришёл через неделю сдавать книгу, впереди него у стола библиотекариши — очкастой худой женщины с седыми волосами, собранными в кучку на затылке, стоял невысокий паренёк. Он сдавал какую-то явно старую книгу...

Коля сразу же и взял эту книжку посмотреть. Да это ж чудо! Альманах «Серебряный ветер», 1924 год. Николай отошёл к окну, стал листать. Есенин! «Выткался над озером алый свет зари...»

— А я предпочитаю Северянина, — раздался негромкий голос совсем рядом, сбоку. Коля обернулся. Тот мальчишечка и стоял — волосы светло-русые, хохолок торчит, глаза голубые-голубые. Вроде бы серьёзно сказал он, и смотрит вроде бы серьёзно. Но и усмешка какая-то чувствуется.

— Чего?

— Северянина предпочитаю.

— Какого ещё северянина?

— Игоря, поэта. Вы что, не знаете? Здесь есть, — кивнул на книжку.

Коля перевернул страницу. И правда — Игорь Северянин.

*Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в корректном кавалере,
И в хрупоте танцующих резин
Восстановила голос Кавальери, —*

прочитал Николай.

— Да, ярко. Но, знаешь, как-то без души...

— Ребята, вы бы потише, — сделала замечание библиотекарша.

Они быстро взяли книги — Коля сборник «Серебряный ветер», а парень, фамилию которого успел прочитать Николай в карточке — Ерофеев, взял Гёте.

Вышли на улицу.

— Веня, — первым подал руку парень.

— Николай. Рубцов.

— А ты, похоже, и сам пишешь...

Они шли по дощатым мосткам, и доски приятно качались под ногами, и это даже напоминало Николаю то, как плавно покачивалась палуба в спокойную погоду, при хорошем быстром ходе траулера...

— А ты тоже, наверное, пишешь, — он Вене ответил.

— Пробую. А ты дай своё почитать.

— Да я тебе и так почитаю: «Ветер под окошками, тихий, как мечтание...»

Ерофеев выслушал и проговорил с усмешкой:

— О пастухах достаточно сказал ещё Virgilий.

— О каких пастухах? — Николай даже опешил от такой наглости.

— Ну, кони там у тебя ржут...

— И чего?

— Есенинщина — вот чего.

— А в лоб? — остановился и насупился Коля.

— Гляжу я на тебя, Рубцов, и думаю: ну почему все великие люди так плохо воспитаны? — сказал Веня и обезоруживающе улыбнулся.

Они остановились перед деревянным двухэтажным домом с табличкой, на которой написано: «Детский дом...»

— Ну, пока, Николай.

— Подожди, так ты тут, что ли?

— Да.

— А я ведь тоже... детдомовский.

И они пошли дальше, к озеру. Остановились на берегу — камни серые, розовые, по воде невысокие (в сравнении с морем, конечно) волны с белыми шапками пены. Серое небо, горы за озером...

— Вода — моя стихия, — сказал вдруг Рубцов. — Река, озеро, море, да хоть — пруд! Это моё... И огонь моя стихия! Люблю костёр на берегу, огонь в печи. И ещё ветер люблю... Люблю ветер, больше всего на свете!

— А горы? Ты ж на горняка учишься?

— Не знаю. Пока не знаю, Веня... Было мне лет пять, и я три дня в лесу жил, ушёл из дома и жил под ёлкой — ягоды ел, пил из речки и костёр разжигал. И не боялся ничего. Вот с тех пор я знаю, что не пропаду у реки, у костра. Это моё... А по-

том вернулся домой, там сестра уж в милицию заявила. Я в Вологде жил. Слышал такой город?

Веня кивнул и спросил:

— У тебя совсем никого?

— Совсем... Нет — братья есть, сестра... Я их найду.

Про себя Веня ничего не сказал, а Николай не спросил.

Они вернулись к детскому дому, попрощались. И больше они никогда уже так не разговаривали, хотя виделись довольно часто — в библиотеке, в кинотеатре «Большевик»... Почему-то больше не говорили.

Коля шёл из техникума в общежитие. Стало скучно, и он просто ушёл с математики. Хотелось побыть одному, полежать на койке, не слыша разговоров и беготни в коридоре. Просто — подумать...

Он подходил к общежитию и вдруг понял, что это длинное тёмное здание очень похоже на тот дом, в котором... В котором столько несчастья было! Который хочется забыть ему. Из которого ушёл и больше не вернулся отец, из которого ушла в больницу и уже не вернулась смертельно больная мама, в котором умерла крошечная младшая сестрёнка, из которого забрали в детдом сначала братьев, а потом, когда тётка взяла к себе сестру, забрали в детский дом и его... Он ненавидит этот дом. И вот он — перед ним.

Коля не пошёл в общежитие, обошёл здание... За их домом был дворик, тополя, сарайки, кусты... Там у стены дома, за кустами, рос цветок, на который он ходил любоваться, набирал из лужи воду в банку и поливал его... Маме подарить хотел...

Тут никаких деревьев и кустов не было... Да и трава-то пожухла уже. Снег вот-вот выпадет. Зима за Полярным кругом рано приходит.

Коля поправил шарф, застегнул верхнюю пуговицу бушлата, закурил. Выкурив папиросу, он пошёл в общежитие, в свою комнату, по пути набрал под лестницей охапку дров, чтобы затопить печь.

Он уже знал, что долго здесь не проживёт.

Сидел перед топкой, огонь лизал поленья, ветер гудел в трубе, на коленях Николая лежала тетрадь в чёрном переплёте. И был он, Николай Рубцов, в этот миг далеко от этого барака, от этого неуютного мира...

...Из стипендии вычиталась плата за общежитие и за питание в техникумовской столовке. Оставшейся мелочи хватало разве что на курицу. Конечно, те, кому приходили посылки из дома или кто сам ездил на выходные домой, вечерами,

когда садились за общий чай, делились продуктами. Но не мог же Николай всё время на чужом сидеть, хотелось и ему одногруппников угостить... В общем, нужны были деньги.

От Вальки он узнал, что техникумовцы давно уже подрабатывают на железнодорожной станции. Разгружают вагоны. Ещё и не попадётся просто так в бригаду-то. Но у Вальки же старший брат, Валерка, на четвёртом курсе...

И вот с Валькой идут вечером на станцию — холодно, пахнет углём, сыростью... Из своей общаги подходят старшекурсники — всё та же компания во главе с Седым — Васькой Седовым.

— А, морячок, привет... — смотрят на него, не богатыря с виду, с сомнением, но и помнят, как поставил Седого на место, знают, что работал в тралфлоте...

И пошла вскоре работа! Разгружали вагон с картошкой. Тяжеленные мешки двое, Седой и Валерка, с площадки вагона водружали на подставляемые спины. Четверо таскали.

Коля довольно быстро втянулся, бегом от вагона под крышу склада забегал. Когда же все уже явно устали (но отдыхать было некогда, начальник склада подгонял, надо было убирать вагон), он и начал по своей привычке выдавать частушки. Потом вспомнил читаного недавно Некрасова: «Выдь на Волгу, чей стон раздаётся!» — выкрикивал на бегу. «Эх, дубинушка, ухнем!» — говорил, подставляя спину под мешок. «Эх, зелёная, сама пойдёт!» — орал, отбегая от вагона.

А когда мешки кончились, и они, покачиваясь, шли в комнатушку начальника склада за расчётом, он продекламировал:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя!*

— Ну, ты уж загнул чего-то... — покрутил пальцем у виска Седой.

— Это же поэт Фет! Деревня! — добродушно откликнулся Коля.

Получили по тридцатке и к дому двинулись. Обошли какой-то состав, перешли через пути... Гуднул маневровый тепловоз, тащивший один вагон. Встал на площадке, обнесённой колючей проволокой. Ребята притаились за вагоном, глядели. По периметру площадки стояли солдаты в длинных шинелях, в зимних шапках, с автоматами на изготовку, у некоторых на поводках овчарки. Брякнул засов, отъехала дверь.

— Пошёл!

Человек выпрыгнул, отбежал от вагона и присел на корточки, руки за голову убрал. И второй так же, и третий... Лай собак, выкрики, пар из десятков ртов... Холодное чёрное небо над холодной землёй.

— Эков на рудник привезли, — сказал Седой. Искомандовал: — Пошли.

Ребята, стараясь оставаться незамеченными, быстренько уходили от страшного места.

— Внизу, в руднике больше двух месяцев никто не работает, — говорит Седой, когда идут уже по улице. — Или в больничку, или на кладбище...

— Ну, ты дак всё знаешь.

— Люди говорят. Да у меня ж брат сидит.

— А у меня дядька вышел, — кто-то сказал.

По чёрному небу пробежал блик какой-то, и ещё, и замигало, заиграло небо синим, жёлтым, розовым. Мальчишки заворожено смотрели.

— Спологи!

— Полярное сияние!

— Вот это да, я никогда раньше не видел...

— А у нас часто...

— Здорово!..

Коля сказал:

— Я в прошлом году в Баренцевом море видел. Море, небо и сияние...

Небо погасло, но парни ещё постояли, покурили... Пошли дальше, поскрипывая первым снежком.

— Как тебя взяли на корабль-то?

— Не хотели. Повезло, там бывший юнга попался...

— Давай возьмём, нам помощник кочегара нужен, — сказал молодой весёлый парень.

— Ну, ладно, — махнул рукой капитан. И сказал, обращаясь к кадровику треста: — Оформляйте, я беру его.

Потом уже этот матрос, Вовка Девятов, рассказывал:

— В сорок третьем году отец у меня погиб, мне четырнадцать лет было, я старший, ещё трое у матери. Ну, в колхозе работал, конечно. Голодали. А тут в райком комсомола вызывают — набор, мол, в школу юнг. Я и пошёл! Хотелось ещё и повоевать успеть, за отца отомстить гадам-немцам. Ну, и на море — форма, романтика. Взяли меня и ещё двоих из нашего сельсовета, я ярославский... А школа-то на Соловках была. Там монастырь раньше-то был, потом тюрьма... Вот там. Летом хорошо — ягод полно, а зимой всё метели. Год там учились — ох, гоняли же нас! А бескозырки были не с ленточкой, а с бантиком...

И фотокарточку показывал, на которой и правда — худенький паренёк в форменке и в бескозырке с бантиком.

— Вот с тех пор я мореман! Повоевать, правда, не успел. На севере в сорок четвёртом война закончилась, ну, правда, подлодки ихние ещё долго шарились, и мин много было... У нас один катер налетел — ничего не осталось!..

Рассказов о войне за месяцы работы на сейнере Коля много наслушался — почти все в команде воевали...

— У меня отец тоже, в сорок третьем... — сказал тогда Девятову.

На Новый год делали праздничный концерт. Девочки из их группы, занимавшиеся в секции гимнастики, показывали упражнения, Колька Шантаренков читал рассказ Чехова «Хамелеон». Потом девушки пели, Коля подыгрывал им на гармошке. А после концерта были танцы.

У Коли прекрасное настроение, звучит радиола, он приглашает Олю Смирнову, потом Галю... Хорошо, что ещё в детстве научился, преодолел стеснение и научился танцевать. В Тотье, уже понимая, что танцует лучше многих, совсем не стеснялся. И тут тоже сразу показал себя... Да ещё чувствует, понимает, как ладно сидит на нем курточка, и флотские брюки, и ботинки, тщательно начищенные, блестят... И вспоминает, как танцевал с Таней, и как прощался с ней, уезжая в Архангельск... «Коля, ты о чём думаешь?» — спрашивает обиженно даже очередная партнёрша. «О законе Ньютона!» — неудачно шутит он и ещё больше обижает девушку. И тут начинает стесняться и уже злится на себя...

— Белый танец!

Он отходит к окну, делает вид, что уже натанцевался...

Не сразу, постепенно, выходят на круг пары...

— Николай, можно вас пригласить?

Улыбаясь, на него смотрит их учительница литературы.

Он кивает и берёт её за руку...

— А танцуете вы, Николай, не хуже, чем стихи в стенгазету пишете.

— Лучше!..

Музыка умолкает, и они останавливаются.

— Да, вы хорошо чувствуете музыку... И слово, — добавляет учительница.

— Я не просто чувствую, я этим живу, — вдруг совсем серьёзно отвечает он...

...Из всех преподавателей больше всех понравилась ему учительница литературы: молодая, красивая, увлечённая и

увлекающая своим предметом, похожая своей молодостью и увлечённостью на Ольгу Сергеевну из детдома.

— Кем бы вы ни стали в жизни — литература, книги всегда будут с вами, — говорила она на первом уроке. — Ребята, представляете, что было бы, если бы Александр Сергеевич Пушкин не написал об Онегине, Татьяне Лариной, Дубровском, Петруше Гринёве, если бы Лев Толстой не рассказал нам о Наташе Ростовской и Пьере Безухове, если бы ничего не знали мы о страданиях Раскольникова, если бы не пережили мы судьбу Павки Корчагина... Ведь мир наш был бы беднее...

Так говорила эта учительница. И Коле хотелось сделать ей хорошее, и показать, что для него не пустой звук имена великих писателей и их героев, и что и он — думает, мечтает, мыслит. Он знал, что сочинения у него хорошо получаются, ещё по школе и по «лесному» техникуму. И тут тоже старался.

...Ирина Олеговна читала его сочинение и даже не верилось ей, что пишет это Коля Рубцов — лопухий, с длинной и тонкой шеей, с хрупким горлышком, а в общем — обычный мальчишка. Да не совсем обычный. Глаза у него — тёмно-карие — цепкие, внимательные, а то озорные искры в них, то вдруг грусть, а когда пишет сочинение в классе, поднимет лицо от тетради, и по глазам видно, что далеко он...

«...Село Никольское, в котором прошло моё детство, стоит на высоком берегу шустрой речки Толшмы. С берега этого далеко видны заречные дали — леса, крыши деревень, поля, просёлочные дороги... Мой друг, что стоит рядом со мной, говорит вдруг: «Всё это моё, всё это я должен понять и вобрать в себя. Когда у тебя есть родина — ты можешь быть строителем, или крестьянином, или поэтом, ты можешь путешествовать по всему миру. Ты знаешь, для чего ты живёшь. Ты живёшь для родины, как и она живёт для тебя». И я благодарен моему другу за то, что он выразил словами то, что и я чувствую.

И по тропке, вьющейся в мягкой зелёной траве, мимо пасущихся коней, мы сбегает к нашей реке, скидываем одежду и ныряем в ласковую воду.

Мы долго купаемся, а потом лежим на берегу и смотрим в синее небо, по которому плывут белые, лёгкие, как мысли в этот момент, облака. Посмотришь на воду, а там тоже облака, плывут вниз по течению.

И мы мечтаем о том, как по этой реке уплывём к океану.

Так с речки детства начинается для человека океан жизни. А в океане — и шторма бывают, и штить... Всё бывает.

И настал день, когда я простился с моим другом, и со все-

ми друзьями и подругами детства, с учителями, с жеребёнком нашим, с деревней и уехал далеко.

Продолжается моё плавание по океану жизни. Каким-то оно будет?..»

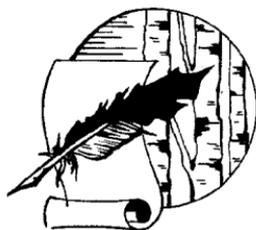
Ирина Олеговна, недавняя студентка и школьница, только-только ещё начавшая своё «плавание по океану жизни», надолго задумывается над сочинением Коли Рубцова. Как сложится её жизнь? Она ещё не знает. Кем станут все эти ребята — её ученики? Кем станет Коля Рубцов?.. Как-то не представляется он ей человеком, работающим маркшейдером. Вот именно само название специальности — не для него...

Впрочем, всё это посторонние сейчас мысли, отвлекающие от работы. Ирина Олеговна ставит в конце пятёрку за содержание, задумывается на мгновение, вставляет синими чернилами пропущенную Рубцовым запятую и за грамотность тоже ставит пятёрку...

На береговом откосе, на ветру стоит он над рекой Вологодой, которая впадает в Сухону, а та в Северную Двину, а та в Белое море... Он смотрит на заречный храм, на пристань, от которой ночами, скрытые туманами и временем, отходят неслышимые пароходы и теплоходы...

Навсегда стали эти берега ему родными, и он стал родным этим берегам, лесам, полям и деревням на этих берегах, и городам, и тысячам людей стал он родным, близким, необходимо нужным...

Не зря же написал: «Я уплыву на пароходе... И буду жить в своём народе». И живёт...

Татьяна ЩЕРБИНИНА

ЧЁРНЫЙ МЫС

ДВА ПРАДЕДА

История — тёмное дело.
По воле судьбы у меня
Два прадеда — красный и белый,
Два сердца, два грозных огня.

Один — голоштаный Петруха —
Мечтатель, подвешен язык.
Плевались по Тойме старухи
Вослед: «Сотона, большевик!»

Смотрел он сурово и жёстко,
Но совесть, как видно, была:
Ушёл, не стерпев продрозвёрстки,
На фронт из родного села.

И сгинул в кипящем пространстве,
Оставив детей и жену,
«От голода и от тиранства»
У белополяков в плену.

Второй не рассказывал байки.
С холодным азартом в глазах
Лупил комиссаров нагайкой
Упрямый уральский казак.

И также безвременно сгинул
В степи, посреди ковыля —
Прадедушка Фёдор Щербинин —
За веру, за Русь, за царя.

Не знаю я, кто из них прав был.
Теперь до скончания дней
Два прадеда — белый и красный
Отчаянно спорят во мне.

Свинцом да железом калёным
История нам воздаёт.
Свеча у разбитой иконы.
Россия. Семнадцатый год...

ПО ДОРОГЕ В ТОЙМУ

Кусочек лакомый — земля
Лежит на блюде.
Не плачь о брошенных полях,
Поплачь о людях.

Не одолела их война,
Жизнь не сломила.
Остались только имена:
Иван, Людмила.

В траве осевшие кресты
Без всякой веры,
Ушедший в землю монастырь,
Высокий берег.

А мне все блазнится: форсист,
Душа наружу,
В деревне русской гармонист
Поет «Катюшу».

БЕРЕГ

...Смотрю на горячие травы и глаз не могу отвести,
Мой берег заброшенный, правый, высокий, до неба почти,
Как песня старинная, длинный (Россия — судьба
набекрень!),
Лишь бревна, да ржавая глина, да тени родных деревень.
От светлого хочется плакать, кого ж тут спасет красота,
Но красный ободранный бакен плывет, не покинув поста.
Стою на последнем пароме, смотрю на далекий угор,
Где мамин зелененький домик, и ласточки рожут простор.

Я знаю: мгновенье, и снова огромный потянет магнит,
Песчаную низкой подковой обхватит, сожмет, полонит —
Тот, левый — большая дорога, зудящая масса людей,
Там тоже живется убого, но чуточку все ж веселей.
На палубе ветер противный, коричнево волны кипят,
Смотрю и смотрю неотрывно пока еще можно — назад.
Штыками оставшихся елей небес охраняя гранит,
Мой правый, несдавшийся берег,
Как Брестская крепость, стоит.

ДЯДЯ САША

Там, за темной лесною гривой —
Позабытый «банный проспект»,
И лихачит, грохочет «Нива»
На дороге, которой нет.
На совхозных лугах усердно
Дядя Саша ставит стога,
Деревенский последний фермер,
Сын солдата, фронтовика.
Лето — с каждым июлем жарче!
Дядя Саша к жару привык.
Старый конь по имени Мальчик,
В стаде восемь коров, да бык —
Больше нечем вроде бы хвастать.
А в округе дома пусты.
Незабудковой свежей краской
Скромно выкрашены кресты.
Над крестами шумят деревья,
И совсем не пугает смерть.
Чисто выкошена деревня —
Любо-дорого посмотреть!
Постояло бы только сухо,
Только б дождики не пошли...
Раскрасавица-дочь Надюха
Укатила в Северодвинск.
Одинокий моргает бакен,
А моторки не тарахтят.
Здесь нельзя завести собаку —
Непременно волки съедят.
Здесь зимою тоскливо, скверно...
В непроглядную смотрит тьму
Дядя Саша — последний фермер.
Дай-то Бог здоровья ему.

ЧЁРНЫЙ МЫС

Отражается в реке тишина.
Воды светлые, и светлая высь.
И впадает прямо в небо Двина
Там, где врезан в горизонт чёрный мыс.
Нелюдимый берег лесом порос.
Чёрный мыс, как оконечность креста,
Что, невидимый, встает в полный рост,
Осеняя все глухие места,
Безоглядную, великую ширь —
Захолустье Всея Руси.
Здесь когда-то раньше был монастырь.
Только некого об этом спросить.
Небо сонное склоняется вниз,
Обнимая задремавший поток.
И виднеется вдали чёрный мыс,
Как надежда — неизвестно на что.

ВРЕМЯ ПЕСКА

Это время песка, изумрудных больших стрекоз,
Время нежного ветра и лютиков золотых.
С вечернего неба белый капает воск —
Или просто бабочки у воды?
Голос кукушки — четко, издалека,
Спокойный, сладкий, словно небытие.
Слишком быстро мелеет эта река,
А с нею — сердце твоё.
Все громче стрекохот в полдень цветы,
Вышивают ромашки скромный узор.
Здесь страдали предки, но хочешь ты
Быть счастливой — наперекор.
И пока заката горит стрела,
Идешь по песку в купальнике, чуть сыром.
Зеленоглазый овод вьется вокруг бедра,
Опьянённый твоим теплом...

ДИКИЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Память крючьями острыми
Тащит в объятия тьмы.
В дикие девяностые
Лиха хлебнули мы.
Речи лились заманчиво,
Крылья росли — дерзки.

Но уходили мальчики
После Чечни — в братки.
Ваши «морали» — мелочи.
Бизнес доступен всем!
Стройные интердевочки —
Члены ВЛКСМ.
Мельницы били крыльями
В наглой своей красе.
Разом деревни вымерли.
Встали заводы все.
Ваучеры песочные,
Громкие имена.
Сумочки-то челночные,
Помнишь, моя страна?
Верить — совсем не главное,
Главное — видеть суть.
Водку нальют халявную,
Только проголосуй!
Выдюжили? Нет, выжили.
Видно, крепка кишка.
Эх, олигарху рыжему
Черти намнут бока.
Что ж тут творилось, Господи?
Боль, беспредел, беда.
Дикие девяностые,
Огненная вода.

МАЛЬЧИКИ

Сидят они, прижавшись скромно к стене,
Планшетики, джинсы, китайские свитерки,
По-щенячьи тычутся в кабинет,
Спрашивают: «Надо снимать носки?»
А в перекур гогочут дружной толпой.
Трясется деревянный военкомат..
Год рождения — 97-й.
Эти цифры что-нибудь говорят?
Статистика — куда уж там веселей,
Из черепков не сложишь новой страны,
Единственные дети из неполных семей,
Мама с папой давно уж разведены.
«Отношенье к спиртному?» — «Нормально!» (такая жизнь).
«Куришь?» — «Хватает на день...» — «Как наркота?»
Но на вопрос: «Хотите ли вы служить?»

Большинство отвечает: «Да».
Старый психиатр, служака, исподтишка
В седые усы усмехается всякий раз,
Когда на вопрос: «В какие хочешь войска?»
Какой-нибудь тощий очкарик твердит: «В спецназ».
Мол, лопату — в зубы, на шкуре своей сполна
Прочувствуешь армейское бытие...
Гопники, отчаянная шпана,
Надежда России, будущее её,
Слава и гордость... Так что же не по себе?
Смотрю им в глаза, а в горле стоит комок —
Едва темнеет пух на верхней губе...
Мальчики, дорогие...
Храни вас Бог!

НАД КОЛЫБЕЛЬЮ

Колючий, игольчатый звон
На космах насупленной ели.
Я знаю: зима — это сон,
Мерцающий над колыбелью.
В нем всё-ничего уже есть,
Сверкает, струится без страха.
Колышется в воздухе взвесь,
Суспензия света и праха.
В нем вечности белый волчок
Гудит над равниной покоя,
И кто-то стоит за плечом
И движет неловкой рукою.
Висят на ветвях облака,
Ресницы смыкает младенец.
Зима — это вкус молока,
Знакомый еще до рождения.
Еще кровотоцит пупок,
И тайны как будто забыты.
Все ниточки звездных дорог
В ладошках, пока нераскрытых.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Прикосновенье снега к волосам.
Прикосновенье вечности к «сегодня».
Ты можешь для себя устроить сам
Аналог рая или преисподней.

Свои ты можешь цепи разорвать
Иль их сомкнуть на вечное мученье.
Реальны только русские слова
В забытом ослепительном значении.

Ты можешь всё, пока ты — человек,
Пока ты жив, пока дыханье слитно...
Какое чудо — настоящий снег!
Чистейший снег — как первая молитва.

КОЛОКОЛЬЧИК

Еле бабушку уговорила
Заповедный открыть сундучок.
Колокольчик прадеда Гаврилы
Дочка в школу на праздник несёт.

Колокольчик литой, тяжеленный,
Непростой: только им потряси —
Мчатся сани по снежной Вселенной,
Девятнадцатый век на Руси.

Поправляя лохматую шапку
На студеном январском ветру,
Ободряет гнедую лошадку
Дедко-сказочник и говорун.

У него богатырские плечи,
Нрав, что морюшко Белое, крут.
А в деревне всё топятся печи
В каждом доме, да шаньги пекут.

Волны радости тихие льются,
Продолжая придуманный сон.
Нет, не сгинул в котле революций
Родниковый, рождественский звон.

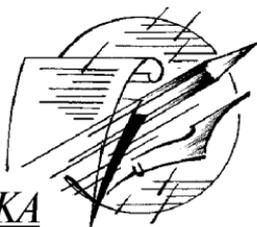
И не тёмных времен отголоски —
Из грядущего добрая весть,
Пусть звучит колокольчик поморский,
Заглушая английскую песнь.

г. Северодвинск Архангельской обл.

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

В первую неделю нового 2016 года на портале «Политикус.Ру» нашла я статью «Правда про Берию. Ломая догмы и стереотипы». Автор не был назван, но статья оказалась захватывающе интересной. В ней развенчивались стереотипы, что убитый в июне 1953 года по приказу Никиты Хрущёва министр внутренних дел Лаврентий Берия якобы готовил государственный переворот, а сам он был палачом и сексуальным маньяком. Пятьдесят лет эта версия никем не подвергалась сомнению, да и сейчас в сознании многих людей, особенно молодёжи, Берия предстаёт этаким демонической фигурой. Немало поработали в этом направлении либеральные СМИ: именно таким злодеем представлен был Лаврентий Павлович в фильмах «Кремлёвская сага», «Зоя», да и в других сострепанных либералами сериалах.

Вся правда о Берии была изъята из советской истории, а между тем он стал инициатором экономического чуда в Грузии, да и во всём Закавказье: сделал высокорентабельными сельское хозяйство и экономику. Позже, уже в Москве, он сумел остановить маховик необоснованных репрес-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сий. В годы Великой Отечественной войны внёс огромный вклад в Победу, поскольку в первую очередь он был не чекистом и не партийным деятелем, а великолепным организатором производства. Именно поэтому Берии и поручили в 1945 году атомный проект, от которого зависело само существование Советского Союза. Став в августе 1945 года председателем Спецкомитета по созданию атомной бомбы, Лаврентий Павлович совершил еще одно чудо: первая советская атомная бомба была испытана всего четыре года спустя. В статье говорилось, что «ни один человек из Политбюро, да и вообще ни один человек в СССР даже близко не подходил к Берии по важности решаемых задач, по объему полномочий, да, очевидно, и просто по масштабу личности». Можно представить, какой он обладал колоссальной волей к победе!

Помню, как в школьных учебниках по истории читала я о подвигах и свершениях 1930-х годов, когда в преддверии войны с фашистской Германией, воистину, государственным заказом было воспитание волевого поколения. Воспевание воли в стихах, в музыке, в спорте, в труде, в покорении Арктики.

Как же получилось, размышляла я, что столь печальным стал закат Советского Союза и в постсоветскую эпоху на смену героям пришли воры и казнокрады? К этому привела утрата твёрдой веры в Бога и сильной воли, утрата пассионарности. За примерами далеко ходить не надо. Писатель из Ульяновска Николай Полотнянко высказался об этом в одной из своих публикаций достаточно откровенно: «Главная беда России не американцы, не Аль-Каида, не моджахеды, не мусульманский мир, не евреи, не татары, не чеченцы. Многовековая беда России — чиновник. Из-за бесхребетности власти, из-за ложного понимания демократии и свободы они погубили великую Российскую Империю, чиновники-партократы по абсолютно той же причине развалили СССР. Сегодняшние чиновники ведут к развалу и новую Россию».

Н.Полотнянко привёл пример «роскошной жизни простого подмосковного чиновника. Страшно даже представить, сколько же наворовали начальники, стоящие над ним. Задержали в Ницце финансового руководителя Московской области некоего Алексея Кузнецова. Украл он не то девяносто два миллиарда рублей, не то тридцать семь, но и та, и другая цифра просто шокируют. А.Кузнецова нужно было арестовывать несколько лет назад, во время свадьбы его дочери. Об этой свадьбе писали многие газеты и журналы и даже по телевидению показывали интерьеры его огромного дворца в десятки комнат. Страху не имут, — как говорится в Библии».

Один из пермских писателей, прочтя статью о Лаврентии Берии, откликнулся на неё так: «Думаю, что история СССР могла бы пойти совсем по другим рельсам и удалось бы избежать многих горестных последствий, если б Берия занял место Сталина. Увы». Действительно, управленцев такого уровня в правительстве и властной верхушке давно уже не было и нет. Но не настолько ещё обеднела земля русская, чтобы не нашлось в ней честных профессионалов, готовых взять на себя ответственность и переломить ситуацию в стране к лучшему. Всё, что им требуется, — это массовая поддержка широчайших слоёв народа.

Здесь всякий раз подхожу я к проблеме смысла и назначения человеческой жизни. Всем известно, как скоротечна наша земная жизнь. Особенно в нынешнюю пору внезапных, безвременных, трагических смертей. Много ли прожито на белом свете, мало ли, но всякий раз смерть подводит незримую черту, итог человеческой жизни. Зачем жил человек? Ради чего? Ради «королевских» особняков с золотыми люстрами и унитазами? Ради немислимой роскоши на наворованные у народа деньги? А что в итоге? Два квадратных метра могильной земли, презрение и ненависть народа да страшные мучения души в вечной жизни. «Смерть грешникам люта!» — сказано в Псалме тридцать третьем. Олигархам и их приспешникам народ памятников никогда не поставит. В благодарной памяти народной останутся те, кто при жизни был совестью нации.

В том же тридцать третьем Псалме прямо говорится о цели и смысле человеческой жизни: «Уклонися от зла и сотвори благо!» Преступления верхов невольно подталкивают молодёжь к алкогольной зависимости, курению, наркотикам, разного рода правонарушениям — словом, жизни ни во что. Здесь должна резко возрастать роль литературы и искусства. Нам позарез нужны яркие произведения, художественно воссоздающие не падение, а возвышения человека.

Помню, как давным-давно в одном из журналов прочла я рассказ о том, как неказистая работница на одном из сибирских лесосплавов родила долгожданного ребёнка — девочку, но руки её были настолько корявы и шершавы, что девочка, буквально, заходила в крике, едва мать брала её на руки. «Надо руками мять глину!» — сказал матери врач, сам при этом не веря в возможность чуда. Спустя несколько лет оказался он на этом месте, увидел чистенький, аккуратный домик, девочку, похожую на ангелочка, и счастливую мать. Врач невольно воскликнул: «Так сколько же надо было перемять глины!»

Так сколько же, образно говоря, надо «перемять глины» нашему народу, чтобы повернуть искорёженную жизнь в нормальное человеческое русло?!

Первого сентября 2015 года довелось мне увидеть торжественную линейку по случаю начала учебного года в одной из школ Луганска, что находится в квартале имени Георгия Жукова. Счастливые будущие первоклашки стояли возле памятника Г.Жукова. Мальчики в нарядных костюмчиках, девочки с огромными белыми бантами — все держали в руках красочные осенние букеты, а из репродуктора звучала одна из любимых моих советских песен тридцатых годов: «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер!» из кинофильма «Дети капитана Гранта» с жизнеутверждающей музыкой Исаака Дунаевского:

*Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоёт:
Кто весел, тот смеётся,
Кто хочет, тот добьётся,
Кто ищет, тот всегда найдёт.*

Иные песни слышны были бы тут, подумала я, если б, не дай Бог, Донбасс был бы сдан украинским фашистам. А скорее всего не слышны были бы никакие, и эти дети не пошли бы в школу. И только воля и мужество ополченцев да российских добровольцев, тех, кто привык за победу бороться, помогли остановить нашествие хунты. Сотни, тысячи прекрасных жизней отданы были за то, чтобы дети могли учиться на родном русском языке.

Современная жизнь даёт нам немало ярких примеров того, как люди, преодолевая боль от тяжёлых увечий, становились параолимпийцами. Другие, преодолев разного рода испытания, добивались впечатляющих успехов в труде, науке, творчестве. Благодарной народной памяти достойны и те, кто борется против всяческой фальсификации истории, стремится донести правду до нынешнего поколения. Так давайте же во имя победы, во имя спасения себя, своих семей и России умножим ряды тех, кто привык за победу бороться!

РАСКАЗЫ

ГОНЧИЙ ПОРОСЁНОК

Конец сентября. Пролетела паутина, и начались дожди. За окошком четвертого класса серое небо и мокрая — на огородном прясле — ворона. По дороге идет лошадь в телеге. Мужик в брезентовом дождевике неподвижно сидит, свесив с телеги ногу в грязном сапоге. Лица под капюшоном не видно. Нахохлился. А в классе — в первый раз не по сезону! — топится голландка и пахнет уютным березовым дымком. Молоденькая учительница Валентина Михайловна пишет мелом на доске тему урока: Сочинение «Наше счастливое детство».

— Все усвоили, дети? — спрашивает учительница и садится к столу проверять тетрадки по арифметике.

— Все-е-е! — нестройно отвечает класс.

Шурка смотрит с последней парты в окно и тоскует, что не сбежал на перемене с урока. В огороде недокопана целая гряда картошки. Вон ведь что погода вытворяет! Квасит и квасит, конца-края этой мокряди не видно. А вдруг да полетят

ПРОЗА

белые мухи? На сестру Галину никакой надежды нет, хоть и старше его на два года. Здоровье у нее никуда. Чахотка давит. Сейчас, наверно, сидит на лавке, тоже смотрит в окно и ждет Шуркино возвращение из школы. Худая она и бледная, как картофельный росток. Рядом, на подоконнике, такая же тощая, с длинными ногами — тряпичная кукла. Без волос, но с темно-синими кругами глаз, нарисованных химическим карандашом...

Шурка клюет в чернильницу-непроливашку и роняет кляксу на чистую тетрадку. Беда опять! Промокает розовой промокашкой, скребет кляксу ногтем... На мать тоже надежда плохая. Как уйдет на ферму в утренних потемках, так и приходит домой затемно. Ну что там, ладно, думает Шурка, как-нибудь управлюсь с картошкой! Отщипнул в парте от лепешки, кинул в рот, не жуя, проглотил. Вытянул истомно ноги. Тесновата парта для переростка...

— Не пинайся! — зашипела впереди Райка и лягнула дыривый Шуркин ботинок.

— Тише, дети! — сказала учительница, ставя кому-то красного гусака — двойку.

Опять сопение, пыхтение, шарканье ногами. «Сочинение. Тема, — снова клюёт в непроливашку Шурка, — Шасливое детство». Перо «мышка» царапает бумагу. Воткнул в парту, немного выгнул. «Я родился в тысяча девятьсот сараковом году в семье бедного колхозника...» Поставил точку, задумался. Валентина Михайловна рассказывала по истории, что все они вышли из бедных слоев и надо этим гордиться. В старину крестьяне и рабочие тянули лямку на хозяев и вообще все жили бедно. Старину Шурка представлял, где все мужики ходили с огромными бородами и босиком. С «лямкой» изображение тормовило. Но мерещилась этакая длинная веревка — подлиннее той, что поддерживала его штаны, когда он ходил еще в первый класс. В первом Валентины Михайловны не было, её прислали из города только нынче, а тогда, в сорок седьмом, учил их счету и письму черный старичок с огромной копной волос. Жил при школе, одиноко. Обычно, задав писать крючки и палочки, приносил он в класс чугунок парящей картошки в мундирах, принимался завтракать. Потом тяжелым костяным гребнем, сделанным из коровьего рога, вычесывал на газету свою тяжелую смоляную шевелюру.

— Тихо! — временами вскрикивал чернец и желтым ногтем, с пришёлком расправлялся с очередной звериной — вошью. Чернеца выгнал новый директор, демобилизовавшийся из Германии старший лейтенант-пехотинец — с двумя орденами на кителе и нашивкой за ранение. С той поры про-

учился Шурка немало, второгодничая в каждом классе. Вот теперь дылда-дыдлой среди малышни. А у матери свое: дотяни хоть начальную школу, варнак!

«Вообще детство моё было щасливое. Спасибо родной стране и сознательному пролетарьяту. Спасибо товарищчу...» — он искал глазами портрет и вспомнил недавний случай. Среди урока в класс вошел с дубиной директор и смел со стены портрет лысого человека в пенсне и с тонкими губами. Валентина Михайловна вскрикнула и залилась краской. Директор потоптался на портрете и, глядя на перепуганный класс, сказал: «...потерял доверие... Он враг народа, дети!»

На старое место поместили портрет нового человека, тоже в хорошем костюме, но Шурка еще не привык к нему и смотрел недоверчиво. «Детство наше...» — старательно выводит он пером. Ему вдруг захотелось сегодня отличиться. Он даже вспотел, стараясь, но мысли о недокопанной картошке неотвязно толкуются в голове. И погода эта!

Отличник с первой парты Валерка Ящуков уже закрыл тетрадку, передал ее на стол учительнице и, аккуратно вытерев перочисткой ручку, читал «Робинзона Крузо». У Валерки у одного в классе настоящий шелковый галстук, он гордится этим. А Шурку вообще в пионеры не принимали. Теперь уж не до пионеров — тринадцать летом исполнилось. Из наук Шурка больше любит историю. Притаскивал домой даже учебник старших классов и подолгу разглядывал изображенные в нем скульптуры греческих и римских богов.

— Ну-ка, ну-ка! — приглядывалась ко грекам Шуркина мать, тыкая заскорузлым пальцем в Геракла. — Это чё он со цветком нарисован на энтот самом месте? Страмотищца-то какая! — и добавляла вовсе непечатное.

Парнишка захопывал книжку и бежал во двор искать заделё по хозяйству. Три курицы без петуха — хозяйство! Вечно шастали где-то на чужом подворье. А огород надо обихаживать. Прополка, поливка держалась только на Шурке, потому как он сам знал — без огородного не перезимовать! Прошлая зима случилось морозной, лютой. Изба вечно выстывала к утру так, что выла трубой по-волчьему, и по ледяному полу приходилось бегать вприскок — голые пятки, хоть и задубевшие летом, не выдерживали. Галина та и вовсе не слезала с печи. Дров не хватало. Эта «прорва», большая на пол-избы русская печь, много жрала дров. Разобрали хлевушку, спилили последний столб ворот. И к весне подворье выглядело совсем разоренно и тоскливо. Быстро, как на всяком запустении, поднялись вокруг избы дуrolомы лебеды, конопля, лопухов. Под широкими листьями лопухов все лето

клялись чужие куры. Шурка не раз находил гнезда, полные яиц, и тогда яйцами наедались до отвала.

Однажды вечером мать принесла поросенка и сказала:

— Все стали заводить поросят, вырастим за лето и мы. К зиме с мясом будем...

Приходили смотреть на поросенка соседи, хвалили хозяйку за предприимчивость. Но, уходя, качали головами:

— Чем ты только Евдокия, будешь кормить этого жихарку?

— Травы много, прокормится! — махала рукой мать.

Поросенку сделали шлею из прорезиненного комбайнового ремня и привязали за телефонный столб. Жихарка этот поневоле и очень скоро выучился питаться травой-конотопом и носить в зубах жестяной тазик для воды. Первые недели он повизгивал голодным псом, но вскоре свыкся с долей и пошел в рост. Росли почему-то ноги да вытягивалось рыло. А щетина на горбатой спине так вымахала, что он скорее напоминал дикого кабана, вышедшего из темного леса, нежели обыкновенную домашнюю свинью. Трава возле телефонного столба оказалась вскоре выбитой и съеденной до корней так, что образовался геометрически правильный круг. И жихарку перевели к другому столбу, куда он охотно по-собачьи потрусил, зажав в зубах тазик.

Поросенок сделался предметом насмешек и пересудов в околотке. Но подходить к нему боялись. Он зло щелкал длинными зубами и кидался на человека. Дородные, упитанные на хозяйских харчах свинки из любопытства похрюкивали, проходя мимо, но и они чуяли своим свинячьим умом грозную опасность. Подпускал он к себе только Шурку. Тот хоть и не кормилец был, но воду подливал в тазик регулярно.

— Ну что я сделаю, чем накормлю? — вздыхала Евдокия, выслушивая укоры соседок. Однажды решилась. Тайком принесла с базы ведро комбикорма, запарила и сделала мешанку. И попировал жихарка! А наутро возле столба нашли оборванную им шлею и вожжи... Обегали все село, облазили все закоулки и огороды. Исчез поросенок, как испарился. Через неделю пастухи рассказывали, что на Смолихувале, а это километров за десять, видели они дикую свинью — «горбатую, в щетине и с длинным рылом!»

Зачем он туда упорол-умчался? Никто не мог толково рас судить.

«Гончий поросенок!» — выдал кто-то из молодых мужиков. Обидная эта кличка вдруг пристала к Шурке. Он и вправду чем-то напоминал беглеца: худой, тощий, сутулится при ходьбе, нос большой, с горбинкой...

Сочинение совсем забуксовало. Никак не находит он нужные красивые слова, чтоб похвалила завтра Валентина Михайловна. Опять будет хвалить Валерку Ящукова. Конечно, Валерка парнишка сообразительный, сколько стишков на память знает, что Шурке ни в жизнь не выучить, не запомнить. Зимой, на празднике Красной Армии, Валерке дали большую шоколадную конфету за стихотворение о войне. Как он декламировал!

*...И от моря и до моря
Поднялись большевики.
И от моря и до моря
Встали русские полки.
И сказал народу Сталин:
— В добрый час, за мной, друзья!
И от недруга мы стали
Очищать свои края.*

Хлопали Валерке во все ладоши и ребятишки и учителя, хлопал директор школы при орденах, хлопали Валеркины родители — люди грамотные и хорошо одетые.

А Шурка стоял в кучке таких же, как и он, переростков и нисколючки не завидовал. Но вот сегодня ему хочется отличиться. «Щасливое детство...» — роняет он кляксу, успевая отдернуть тетрадку. Чернила падают на штаны. Зареветь бы! Но душа у парнишки затвердевшая, не выдавит и одной слезинки.

— Райка, хочешь лепешку? — Он дергает девочку за жидкую косичку с косоплёткой — цветастой тряпочкой.

— Давай! — шепотом говорит Райка.

— Вкусная... Ты о чем пишешь, Райка?

— Про отца... Как он с фронта пришел.

— Помнишь, что ли? Во даёт!

— Мама рассказывала...

— Тише! Тише там на «камчатке»... Пора закругляться, дети, скоро звонок, — учительница ходит возле парт, заглядывает в тетрадки. На «камчатку» не заглянет: боится или стесняется? Шурка это чувствует. Он подумал об отце. Просто так подумал, не представил даже. Этот «бугай», как называет его мать, «живет у сударушки в дальней деревне, к своим дитятам бесстыжих глаз не кажет...»

Дума короткая, мимоходная, погасла, не обожгла.

За окном, на дороге, опять та же лошадь в телеге, мужик в дождевике. Теперь он сидит на поклаже, едет обратно. «Интересно, кто из мужиков?» — думает Шурка. По узким колесным колеям догоняют телегу два ручья. Серое небо воро-

чает лениво и медленно такую же серую муть. Бусит и сеет. И это надолго...

Ворона прошлась по жердине прясла, деловито и старательно почистила о кол горбатый клюв, собралась каркать...

Со звонком сорвались с парт азартно и дружно. Толкаясь в дверях, выбежали из тепла. Холодок школьного двора напахнул прелым листом, мокрой поленицей.

— Гончий поросенок! Гончий поросенок! — боязливо выкрикивал чей-то голосишко. Шурка не обернулся. Отпнув ногой калитку, перемахнул лужу. На обочине дороги приметил две старых жердинки с завитушками белосизой, подгнившей уже, бересты. «Хватит на целую истопку! В потемках схожу...» — отметил Шурка и, сутулясь, перекинув тряпичную сумку за плечо, широко и устремлено пошагал к дому.

СЕНОКОСЫ ДЕТСТВА

— Опять про сенокосы?! — Дряблая розоватая кожа на его лысом черепе собирается в гармошку, в глазах наигранное удивление и плохо скрытая ирония. Он поднимается из-за стола, оставив початый фужер вина и девицу, небрежно пускающую дым из алого рта.

— Ну, спасибо, старик! — картавит он и преувеличенно бодро трясёт мою руку. — Обязательно прочту!

Ресторан гудит, отлаженно, с достоинством снуют между столиков зоркие официанты. И дым сигаретный величественно поднимается к дубовым сводам высокого потолка, к резным балкончикам и витражам готических окон. Тепло и уютно. А мне одиноко: каждый занят собой, приятельской беседой, разгоряченной напитками и острыми блюдами. Говорят об успехах, о славе... И у меня должна быть радость: в Москве вышла книжка, скромный такой по объёму томик. Я купил его в Доме книги на Новом Арбате. Зашел в этот ресторан литературного клуба, а знакомых — только вот этот тощий и бодрящийся возле молодой, но подержанной девицы человечек, с которым как-то свела судьба в совместной поездке на северный литературный праздник.

«Опять про сенокосы!» Мне, конечно, понятна незамысловатая ирония знакомца, его антипочвеннический настрой. Разговаривать, снисходить до широкого общения он не собирается: ну, ездили...

Да чёрт с вами со всеми, — решаю я наконец, подхожу к стойке бара, выпиваю стакан сухого и выхожу в серую московскую вьюгу...

...Ах, сенокосы! Поэзия моей сельской колыбели, сладкая пора малиновых утренних зорь, огуречная свежесть прохладной росы, незамутненная ясность распахнутого детского взора и великая вера в справедливое устройство мира.... На все четыре стороны — полевые дороги, чистый свет родниковых небес и посреди этого пространства — наш старый дом под дерновой крышей, двор с курами и воробьями, с телегой и чугуном колёсной мази у забора, так остро и дурманно пахнувший по утрам.

Вот отец выносит из сарая литовки, чуть тронутые ржавчиной, обтирает их смоченной в керосине тряпочкой, а затем уж неловко, со сбоями, раненой рукой стучит молоточком по их податливому, но упругому полотну. Тук-тук-тук — откликается в других подворьях. И вся округа, весь раннеутренний восторг предстоящего дня исходит на монотонные, но такие сладостные для крестьянского сердца железные, дробные звуки.

Вот отец заводит в оглобли телеги нашу комолую корову Люську, которую специально не пустили в табун. Люська покорно подставляет морду под хомут, переступает копытами, когда отец затягивает супонь и поднимает на седёлке.

Моя обязанность — смазать каждую ступицу колес телеги. А мама, отхлопотав возле печи и шестка, собирает в сумку нехитрую снедь — картовницу да яички, огурцы да молоко, да еще желтый шмат сала кладет в сумку. Наработаемся, съедем, прикусывая домашний хлеб!

Ещё надо не забыть бидон чистой колодезной воды, Там, на жаре сенокосных рёлок, — первая услада.

Уложены литовки, грабли, брошены на телегу какие-то драные лопотинки, чтоб мягче было сидеть, старенький дождевичишко на случай дождя. Отец отворяет ворота, мама по мужски берет вожжи, садится на облучок. Пора! Люська косит черным блестящим оком на хозяйку, роняет слюну в сухую пыль ограды и, натянув гужи, трогается. Железные колеса телеги гулко стучат по кочкам, выносят нас на торную дорогу улицы, успевшей закаменеть после недавнего дождя и покрыться коровьими лепёшками, опуститься по краям изумрудной щетиной конотопа.

Так мы едем и едем, монотонно и долго, минуя Засохлинский увал, движемся солончаковой степью, вдыхаем её терпкие запахи; недалеко сверкает блюдце озера — в зарослях камыша и осоки, а ближе к дороге, вывернутый колесами и копытами, сизоватый грунт с белым соляным налетом да красная, мясистая, какая-то неземная растительность. Она брызжет под железным колесом кровавистой влагой. Впере-

ди плывут степью несколько других телег, опередили нас, выехали пораньше и тоже правят в Васильевские ворота, где столько рёлок, ягодных пустошей и колков. И трава, разнотравье июльское. И — самая пора — успевай закоситься, заняв примеченную еще с прошлого лета палестинку с вязилем, с кукушкиными слёзками, с пением иволги и резиновыми гнездышками в густоте старых берез, под которыми так хорошо укрываться от дождя, где так веет груздяной прелею и мерещатся дивные сказки.

Когда-то потом, позднее, в зрелом возрасте, я пойму уже не только сердцем, разумом, всю скудость и бедность этого бытия: запряженную в телегу корову Люську, поилицу нашу и кормилицу, которой привольней было бы гулять среди степных ковылей, а не напрягаться, не натягивать сыромятные гужи, не отбиваться от злых оводов, жадно набрасывающихся на голое вымя. И горячий пот из-под косынки матери, и чаловки, от увечной правой руки, отцовские прокосы. И частые передышки его, и наждачные всхлипы оселка над полотном литовки. И они, родители мои, помолодевшие, счастливые, — вовремя поспели к хорошей траве, наткнулись на добрую поляну, а за ней, вон через молодой лесок, другая пустошь, где к вечеру можно напластать ещё пяток копён.

Люська, привязанная за колесо вожжами, резво помахивает хвостом, захватывает языком сочную лесную траву. Я ворочаю грабельцами позавчерашние, подсохшие рядки кошенины, посматривая на Люську. И невдомек мне, объятому счастьем детских видений мира, шмелиным гудом, шелестом стрекоз и близким пением иволги, что через какие-то недальние лета и годы, «признают» у Люськи нашей неведомый нам бруцеллёз, понуждая сдать кормилицу на ближнюю бойню скота, поскольку где-то там, в верхах, напористо и энергично пообещают русскому крестьянскому человеку близкий рай и полное изобилие от государства. И верховный наш руководитель, поверив в магию и силу опрометчивых распоряжений своих, произнесет однажды перед иностранцами, при обильном правительственном застолье, сытохмельные слова: «Ешьте, пейте, господа! У нас, у коммунистов, всего много!»

Эх, Люська! Но мы еще станем сопротивляться, не веря «диагнозу» совхозного коровьего лекаря, что, заглушив стыд и утопив совесть в вине, чересчур рьяно выполнял волевое, указание: «Вперед к коммунизму!» Но без личных люсок и сенокосов, кои надо срочно распахать под посевы «королевы полей», без домашней, из-под вымени, кружки

молока, от которой упругим соком наливается деревенское детство — силой ума и здравым рассудком; солнечной сказкой о мире полнится душа, что потом и в зрелые годы станет держать в себе здоровый, протрезвелый дух, при котором человек не должен лихо споткнуться на многоликих ухабах жизни...

Не сразу захиреют лесостепные мои дали и травы. Еще целое лето по вечерам будет тосковать в лугах перепёлка. И в просторную загородку нашего двора, в этот домашний концлагерь для Люськи, поскольку ей откажут даже в соседней от дома полянке, буду я носить в мешке траву, нажатую серпом в болотной ляжине, да теплую, пахнущую морогой, озерную воду для питья. Целое лето, аж до поздних заморозков, когда уже порыжеет и кипень отавы, когда задубеет и забамбуковеет озёрный камыш, иней сморит огородную ботву. Терпение и воля кончатся. Прощай, Люська! Переживем, вынесем твой мифический бруцеллёз, не пристанет никакая хворь от твоего «заразного» молочка. Но — прощай. Пошагаем мы налегке — к самому светлому будущему, к коммунизму...

А еще через несколько лет повезут наш бескозырочный, матросский взвод охранников Главного военно-морского штаба — на зеленых машинах в какое-то неведомое подвальное московское книгохранилище. И сам генерал в отставке, начальник этого книжного склада, прикажет — и ему приказали! — выдирать из книг портреты того человека, что сакраментально произнес в недалекие годы: «... у коммунистов всего много!» И мы, люди военные, генеральский приказ станем выполнять тщательно и аккуратно, без особого, правда, рвения и вышколенного правительственной нашей частью старания.

Что же там происходило — в высших сферах? Нам ведь, нам обещал этот простецкого вида энергичный человек, вскинув однажды высоко над головой кулак с зажатым в нем кукурузным початком, нам обещал, тогда девятнадцатилетним, мол, «нынешнее поколение... станет жить при коммунизме!» Так же точно — через годы! — свершив криминальную революцию, пообещают нам продолжатели «дела» этого человека, демократы: «светлое будущее — капитализм!..»

«Бойцы, матро-о-осы, мор-р-ряки, переживем и этот культ!» — взорвется в те дни, убеждая нас и себя, батальонный наш комиссар-замполит. И вспыхнут в памяти недавней — танки на Садовом кольце и военные регулировщики на перекрестках. Подготовка к Октябрьскому параду? Нет. Другое что-то, размышляли мы взводом, проезжая по Москве — беречь и караулить наш Главный Морской штаб. А в

лязге танковых траков, в броне, шла в Кремль новая власть. Верней, её временщики!

Переживем...

Но Люська, наша кормилица Люська! Сколько тебе осталось шагать в тесном, немислимом хомуте, в оглоблях, по сухой горячей дороге? От скольких паутов, комариных полчищ предстоит отбиться на зеленых лужайках и пустошах, пока хозяева твои «тяпают» прокос за прокосом — один под проценты совхозу, другой — на собственное подворье? В каких еще травах и росах искупается раннее моё, незамутнённое горькими думами детство?

Вот уж солнышко высоко-высоко забралось в полуденный зенит. Жарко. Иволги смолкли, притихли. И теперь уж по всему сенокосному краю потянулись косари в тень телег и фургонов, расстилают платки и полушалки, распаковывают, расставляют крестьянскую снедь. Обедать пора! Неведомая сила, само земное притяжение, удесятерённое усталостью в теле, тянет распластаться на полянке возле тележного колеса. Береза над головой пошевеливает вислыми ветками, говорливой листвой и крепкими сережками, на одной из которых устроилась стрекоза, да муравей путешествует по белому стволу, да где-то рядом звучно и грозно гудит шершень. Но достанешь из сумки свежий огурец, отломишь хлебную корочку и так аппетитно похрустываешь, запивая молоком из бутылки. И тебе неведомо пока, каким счастливым состоянием души ты обладаешь. Ведь не будет потом, через многие годы, таких вот самых пахучих в мире трав, самой волнующей иволгиной песни, синевы над головой, близких и теплых вздохов Люськи, что тоже нагулялась, прилегла на полянке и смотрит на хозяев большими добрыми глазами.

Останутся эти сенокосы где-то на донышке сознания и души как теплый комочек изведенного счастья!

Но будто нервные токи охватят тебя, будто химические дожди прошумят над головой, что станет тебе в этом мире беспокойней и горше, но... однажды в аргентинском порту Мадрин разбудит меня петушиный голос.

Осветит уютные уголки субтропическое солнышко друтого полушария. Глянет первым лучом в иллюминатор, будто в оконце далекого — во времени и пространстве! — деревенского, сибирского сенного сарая. И вздрогнет счастливое сознание моё и душа, генная память крестьянского человека: пора вставать, косы налаживать пора, на сенокос сегодня!...

Или в белых миражных далях восточной Арктики вдруг пригрезятся степные да полевые дали с березовыми колками, с теплыми воспарениями и струящейся дрожью сизова-

того воздуха, в котором, то вырастая, то прижимаясь к пространству, движется телега, издалека постукивая и гремя уложенными в неё вострокрылыми косами.

Белый мираж!

*До сих пор в причудах света
Так и вижу наяву:
Кто-то в белом поле этом
Косит белую траву...*

Опять про сенокосы!

...Шагаю сквозь мутную и колючую московскую выюгу, просвистевшую уже разудалым свистом закоулки, колодца дворов старинного центра столицы.

Всегда любил я картины этой зимней старинной Москвы... Редкие прохожие. Приземистые двухэтажные особнячки в тяжелых шеломах крыш чудились мне зародами и кладями, аккуратно уложенными в знойном июле...

Да — про сенокосы! В пору ракетных громов, потенциальных и реальных чернобылей, в пору экологических и нравственных катаклизмов, в пору сумасбродства масскультуры, мне, повидавшему виды в разных уголках планеты нашей, так хочется еще раз напомнить о первоосновах — о свете, о добре, что заложены в нас детством и зеленым миром природы.

Может быть, еще ничего не поздно? Может, вернуться к первоосновам? И возвысятся думы о простом естестве жизни, которую в эгоизме и жажде вечногo накопительства, жажде удовольствий и власти, сам человек подталкивает на край пропасти.

Будьте ж вечны и благословенны вы, сенокосы детства!

ТРОПИКАНКА

Я забыл, что такое любовь...

Николай Рубцов

Забыл год, дату, но, как и прежде, как всегда в этих широтах, текло обычное и вечное, разноцветное тропическое лето.

Аэропорт Санто-Доминго. Государство Гаити. Остров Гаити. Просторный, плоский, по крайней мере, на побережье моря, на многие видимые мили окрест. Старинная морская база великого мореплавателя Колумба. Теперь здесь бетон-

ная полоса, нескончаемый гул самолетных моторов — посадки, заправки, взлеты. И пенный шелест близкой накатной волны карибских вод, когда эти моторы ненадолго стихают, чтоб потом внезапно разразиться свистящими гулами.

К нашему действию выпало то «мертвое время» для посадок и взлетов, когда боги погоды предупреждают о надвигающемся сильном циклоне, а то и возможном урагане. И надо ждать или предполагать его последствия...

Небольшой комфортабельный самолет латиноамериканской компании «Виаса», перед тем как приземлиться здесь, вовремя сделал короткий полуторачасовой перелет из венесуэльского Каракаса. Меня провожала свита друзей, «передав» для дорожной «надежности» двум испано- и русскоговорящим разновозрастным дамам, летевшим тем же, через Кубу, маршрутом.

На Гаити мы вышли на желтое травяное поле. Близко шумело волновое море и посаженные вдоль берега пальмы гнуло и раскачивало. Под ногой шуршала жесткая, иссушенная, выгоревшая на солнцепеке, солончаковая, как в моей южно-сибирской местности, низкорослая степная трава.

В зале аэропорта, куда мы поднялись некрутым каменным крылечком, было прохладно, нашлись и свободные места. И старшая из дам, едва устроясь в кресле, продолжила ворчню, которую завела еще в Каракасе, когда мои русские провожающие остались за пограничной полосой аэровокзала.

Ворчание дамы, в лице которой я не обнаружил и черточки благородства, переходило в злобную брань по адресу «этих состоятельных эмигрантских бездельников, мнящих себя аристократами, болтающих о любви к России, а на самом деле никакого им дела до России нет!»

Какие недобрые слова! Про моих друзей. И, мнилось, по мою душу? Оттого я пристальней глянул на даму в полумужском сером пиджаке, напомнившую мне из дальней сельской моей дали одну шумливую соседку, в огород которой забрался чужой подсвинок и потоптал грядку моркови.

Недоброе брюзжание кипятило волну протеста, вступать же в пререкания не хотелось, я вновь, как в самолете, занялся «изучением» второй спутницы, женщины лет двадцати шести-семи, то и дело кутающей в легкий плед загорелые круглые колени. Любовался ими не я один, с потолочного кондиционера постоянно струился на эти прелестные округлости пучок прохладного воздуха.

Молодая женщина настойчиво пыталась уснуть. Времени она полусонно смахивала со лба прядку темно-русых

волос. И широко расставленные индейские глаза её, прикрытые подведенными косметикой веками, тотчас вспархивали длинными ресницами.

Я чувствовал её запах — кожи, волос. Пахла она Индией, может, Таиландом, где мне доводилось бывать в мои моряцкие годы. Насмотрелся на мулаток.. Явно, что в женщине-молодке пульсировала аборигентская кровь. Индейская! Но русскость преобладала. И в матовости кожи рук, и в россыпи милых веснушек-конопушек у шеи. И светло-сиреневый тонкий сарафан её подчеркивал извивы и выпуклости крепенького индейско-славянского тела...

С потолка аэровокзала возникло объявление поочередно на двух языках — английском и испанском. Из испанского разобрал несколько знакомых слов, где сеньорам и сеньоритам (и прочим донам и доньям) предлагалось «пор фавор» и «маньяна», то есть «пожалуйста» потерпите «до завтра»...

Я был наслышан об этой знаменитой «маньяне», которая обозначает чаще всего безответственность и бесконечность во времени и потому предложил молодой женщине пойти куда-нибудь «посидеть».

Катя-Катерина, а мы познакомились в самолете, улыбнулась краешком губ, откинула надоевший ей плед, упруго поднялась из кресла. И через пару минут, не церемонясь, мы уже сидели рядышком в баре, потягивая привычный в здешних местах напиток «Куба-либра» — напиток из рома, кока-колы и звенящих о кромки больших стаканов кубиков льда.

Разговор тек по началу как бы вхолостую, в прикуску с холодными льдинками, но недрёмный бармен, принимая наши благосклонные кивки согласия, временами подбавлял в стаканы «безобидного» напитка, все плотнее обогащая его увеличенной порцией рома. Романтично и легко хмелея, я вспомнил одно забавное высказывание русского императора Александра Третьего о том, что «некрасивых женщин не бывает, а бывает недостаточно выпито».

Нет, Катя была очень симпатичной, красивой женщиной и без «умных замечаний» русского императора. Нас единила приятная тяга свободно чувствующих себя противоположных полов — в свободном, не обремененном ничем пространстве. Что еще? Понимал я, что глупо в нашей ситуации рассчитывать на лирические приключения на столь ограниченном пространстве, и всё же я вел свою охоту на еще одну русскую судьбу, нечаянным образом выпавшую мне к завершению этой дороги за океан...

Обо мне спутнице было уже почти все известно: разболтал в самолете. А Катя, грея в ладонях высокий бокал, говорила

о реке Канайме, где родилась и выросла в индейской хижине — на берегу стремительной и красивой реки, в краю чудных камней, водопадов, полуфантастических зверей, обезьян и попугаев... О том говорила, о чем я уж заслушался немало и даже уверовал всерьёз, что и сам не во сне и мечтаниях, а наяву не разлетел в стремительной индейской пироге, которую встречать выбегало все взрослое население дикой индейской деревни с луками и стрелами наперевес, а из соломенных хижин — выпархивала в любопытстве живописно голопузая, совершенно не стесняясь своей наготы, индейская детвора... Сейчас представил я и Катю там, среди этих любопытных малышей...

— Отец у меня был русский... Почему я и говорю с детства по-русски...

— Его фамилия Почепцов? — спросил я осторожно.

— О знаменитом Почепцове, донском казаке... Знаю. Он служил проводником. Погиб на реке и похоронен в наших краях, в Гранд Саване... Нет, мой отец был русский морской офицер. Конечно, из эмигрантов. Он служил там в небольшом военном гарнизоне на командирской должности. Помню его крепким, статным. Но ему было уже много лет... Мама была молодой индейской женщиной. Её тоже нет на свете...

— Простите меня, Катя...

— Ну что вы говорите? Все в прошлом... Давайте ударим по глоточку и — на воздух! Сколько еще загорать нам тут придется, как в России говорят!

— В России много чего говорят... Катя-Катерина...

На вольном воздухе еще сильнее, чем при недавнем приземлении, хлестало и вило ветром. В ближние пальмовые посадки, куда мы вскоре отчаянно и храбро забрались, долетали теплые брызги моря. Ветер крутил кроны и молодые стволы пальм, силился сорвать с нас и так еле державшиеся на плечах тонкие тропические одежды. Чему, наконец, откровенно и торпливо — в поцелуях — поспособствовали мы сами...

Фиолетовый полумрак клубящихся теплых туч, не торопясь разразиться ливнем, теперь один шершаво оглаживал и окутывал нас среди пальмового безлюдья. Прохладные Катины колени были прохладны, контрастируя с жаром её губ. Обоюдный восторг первых прикосновений друг к другу отрешал от реальности нашего положения — внезапных разрушителей всяких, наверно, существующих или несуществующих здесь норм поведения...

Пенная вода накатной волны моря, наконец, ласково и неспешно смыла с нас песок, охладила восторги, но пока сила их жила и не иссякала в душе, фиолетово не гасла во

всем естестве тела. Понимал, в женщине эти ощущения были глубже и пронзительней. И женщина заговорила первой:

— Полетим со мной?.. Тебе нужно принять решение, на которое времени совсем мало... Я гидробиолог, служу в Гранд Саване. Сейчас по делам лечу на неделю в Мексику... Потом... Нет, нет, никуда не надо лететь. Мы вернемся завтра же в Каракас. Я знаю, у тебя еще не кончилась виза... Потом все устроим. Понимаешь?

— Понимаю, Катя. Я воткну в голову кучу разноцветных перьев, буду ездить на непотопляемой лодке курьяре, сопровождать диких туристов, смиряя коварства быстрой воды и острых порогов... А в свободное время мы будем с большим успехом делать голопузых индейских детишек и учить их стрелять из лука отравленными ядом кураре стрелами в контрабандистов — незаконных добытчиков золота и бриллиантов...

Катя тихо рассмеялась:

— Ну, не голопузых и не индейских... Можно жить и по-другому. Я не бедный человек, отец мне оставил...

— А я свободный от золота и бриллиантов. И... знаешь, старше тебя. Лет этак на пятнадцать-семнадцать...

— Это не имеет значения... Ты же понимаешь, я была замужем. Ничего не вышло. У нас выйдет! Понимаю, у тебя, наверное, есть дети... Но они уже взрослые... И живут своей жизнью... Вон у тебя рубашка от Корден, а под мышкой распорото... Давно это? Так и сюда прилетел? Некому зашить... Всё — в таких вот мелочах...

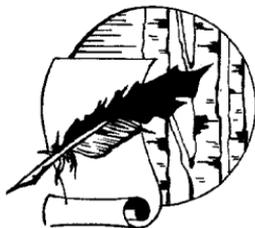
Было светло, радостно и горько.

Я понимал, что это не только всполохи еще не остывших восторгов любви, рожденной недавней внезапной близостью. Понимал, что все внезапное рано или поздно проходит. И потому стремился вновь завлечь Катю на тот утрамбованный нашей страстью «пяточок» прибрежного песочка, под которым кипела магма еще не остывших древних веков — простертого в океане горячего острова. И читал в глазах русско-индейской Кати то же самое желание...

Но хлынул дикий тропический ливень.

А это, ребята, не шуточки!

Но к утру мы просохли. Успев замерзнуть под струями кондиционера, согрелись снова. И все вместе улетели на Кубу. Вместе с ворчливой дамой, с полумужским пиджаком этой дамы, которая больше не ворчала, а скрытно и глубоко завидовала нам, потому что любовь бывает не только эйфорийной и скоротечной, но и вечной, как бы ни отрицали это даже хорошие поэты.

Виктор КАРПУШИН

НЕ ОЦИФРОВАНА ДУША

* * *

Долгие провода — лишние слёзы,
Скоро в Россию нагрянут морозы,
Строгая будет зима...

В небе застыли холодные тени,
Мёрзнут на улице Блок и Есенин,
Выйди — увидишь сама.

В снежном цветении стынут печали,
Раньше как будто и не замечали,
Стелется мгла надо льдом.
Рельсы трамвайные. Зимний Никола.
Звёзды на взгляд тёмно-синего скола.
Церковь с хрустальным крестом.

Но различима ещё позолота
Сквозь благодать снегового полёта,
Сквозь тишину чердаков...
Тихо колеблется звёздная сфера,
Пушкин опять удивляет Гомера
Вечностью русских снегов.

* * *

Когда замечает следы
Сады непременно искрятся.
Серебряный отсвет слюды,
Заборы — и те серебрятся.

Какая изящная чернь
Ворон на плакучей берёзе!
Вот только не знаю, зачем
Звенит тишина на морозе?

И город не тот, что всегда,
И брат не клеветает на брата,
Когда Вифлеема звезда
Ведёт и уводит куда-то.

Сугробы, как спящие львы,
Пока не дополнят картину
Несущие тайно волхвы
Золото, ладан и смирну.

* * *

Бутылочным стеклом мерцает
Снег иногда под Новый год.
Подтаивает, но не тает
На речке возле лунок лёд.

Но я пытаться не буду счастья,
Ловить удачу на блесну.
Попробую не отличаться
От птиц, хранящих тишину.

От зачарованных окраин
В провинциальном городке,
Где каждый в меру неприкаян —
В мечтах, надеждах и тоске...

А ликование будет после,
Близки божественные дни...
...Волхвы на ледяном откосе,
Мерцанье мёрзлой полыни...

* * *

За крестами — кресты и берёзы.
Пахнет ладаном. Нет — пустырём.
Не напрасно туманятся слёзы
На пригорках, поросших былльём.

Не случайно задумались ёлки,
Листья палые легче, чем прах...
И куда-то бредут богомолки,
Пропадая в угрюмых лесах.

Долго кружатся стаями птицы,
И они покидают страну.

Мне же рано на небо проситься,
Всё надеюсь ещё на весну.

Открываю окно, улыбаюсь;
Пусть прохлада, отчаянья нет!
Эх, земля ты моя полевая,
Голубой замирающий свет.

Так проходят века незаметно,
На Руси то погром, то покой.
И качается чёрная ветка,
Чуть задетая Божьей рукой.

* * *

Обыкновенность осени проста,
Но более всего она печальна...
Под сенью звёзд, под тенью ли креста
Скрывается задумчивая тайна.

И оборвётся, не родившись, крик,
И растворится незаметно чудо.
Ну, ничего, я к этому привык,
Поэтому мне нет пути отсюда.

У речки буду камни собирать,
Холодные, которые всезрячи...
И будет дождь преследовать опять
Судьбу мою и мнимые удачи.

Но есть ещё опора для души,
Обыденность на миг предстанет сказкой:
Не просто так шептались камыши
До Покрова, и после — до Казанской?

* * *

В ноябре ближе к вечеру мглисто,
Да и утром не очень светло,
Ни за что не заманишь таксиста
В отдалённое съездить село.

Там гуляют ветра возле пашен,
Там нескучен занудливый дождь,
Там рябиновый куст не погашен
И по запаху Русь узнаёшь.

Это странное зыбкое чувство
Не пытаюсь до срока понять.
И прислушался к сущему чутко
Полк засадный — бесплотная рать.

Михаила Архангела войско
Приготовилось к сече земной.
И туманы наплывами воска
Растворяются вместе со мной.

* * *

В лесах плутал, встречался с ведьмами
И с лешаками водку пил!
Народ идёт из храма с вербами,
С оттаявших сырых могил.

В глазах — покой и просветление.
Чудесен свет. Открыта даль.
Как будто нет ни зла, ни тления,
И где-то далеко — печаль.

Всё в прошлом. Смутные сомнения
Не омрачают день святой.
Как это славно — в Воскресение
Умыться талою водой!

В последний снег запали клавиши
Берёз. Всё ясно наперёд...
Бумажные цветы на кладбище
И вербы бабка продаёт.

* * *

Осторожно лужи обхожу,
Но не избежать тоски озёрной.
Подступила осень к рубежу,
За которым лес, как дом казённый.

Как он в одночасье постарел,
Стал угрюм и беспокойно мрачен!
А ещё недавно так пестрел,
Посерел, и этим озадачен.

Вот и я у роковой черты;
Дождь идёт, а я чего-то медлю.
И горят озябшие кусты
Волчьих ягод — горькой карамелью.

* * *

Ночным дождям недолго всхлипывать,
К утру рассеется туман,
Когда острее запах липовый,
Не очень тяготит бурьян.

Недолговечно запустение,
Расстраиваться ни к чему.
Как к солнцу тянутся растения —
Просверливают звёзды тьму.

Такое нам досталось времечко —
Жить накануне перемен.
И запекает канареечка,
И горе — не беда взамен.

И пусть шоссе не очень ровное,
Россия тем и хороша,
Пока ещё не оцифрована
Её печальная душа.

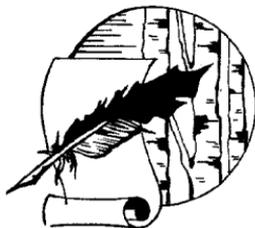
* * *

Покосы хороши в июне,
И вместе с тем тревожны сны.
Живём как будто накануне
Грозы, а может быть, войны?

Верна народная примета
Проверенная много раз.
На все четыре части света
Перекрестись в тревожный час.

Перекрестись! Господь поможет
В минуту битвы роковой.
И ангел бледный потревожит
Поля, коснувшись их рукой.

Трава в росе падёт, невинна,
Под острым лезвием ничком.
И вдруг напомнит Украина
Пахнувшим гарью ветерком.

Владимир СМЫК

ЖИВОЙ ЗВУК

* * *

В эту ночь в пруду вода твердеет,
В лед, как в ножны, вложены ручьи,
И в ночи колдуют берендеи,
Нет грачей, и гнезда их — ничьи.

В эту ночь на землю ляжет иней —
К твоему притронется виску.
Этой ночью раненой рябины
Гроздьа станут сладкими на вкус

Кто стоит в преддверье зимней стужи,
Заряжает, целит, насмерть бьет?..
Этой ночью ветры не закружат,
Ни одна звезда не упадет.

* * *

Всё у нас холоднее в груди,
Громче крики ворон-горемык,
Поздней осенью слепнут дожди,
Начинается время зимы.

Долго ждали ее, и вот
Тихо падает первый снег,
Он дотронется до всего,
Прикоснется к тебе, ко мне.

Он дотронется — сотворит
Старый путь для новой зимы.
Он дотронется — повторит
Все подробности этой земли.

И под светом ночных фонарей
Терпеливою тишиной
Вся земля до апрельских дней
Запечатается белизной.

Долго падает первый снег,
Белой вязью кладет письма,на,
Узнаёт переулоч и век,
И тебя узнаёт, и меня.

* * *

Успокой меня, чёрное поле,
Ночь густая, меня сохрани,
Чтобы то, чем живу я и полночь,
Не растратили трудные дни.

Заслужил я таинственный отдых,
И лежу я и в небо смотрю.
Окружите меня, мои звезды,
До утра не впускайте зарю.

* * *

Синева доверчиво-спокойная,
Поле под хрустящим тонким холодом,
Деревце взволнованное, стройное
Налилось тугим осенним золотом.

Сколько в нём огня — глазам не верится.
Солнце взглядом ищешь поневоле:
Может быть, упало солнце в поле
И взошло горящим этим деревцем.

* * *

М.Т.

О, море Черное, когда еще увижу
Твой блещущий, ликующий простор?
Да и увижу ль? Солнце ниже, ниже,
И синих волн все тише разговор.

Эвксинский понт, ты знаешь: смертны люди.
Заката луч последний прилетит...
В последний раз дай поцелую груди,
соленые, твоих океанид.

За тысячу уеду километров;
Ты пену волн поднимешь высоко —
И выйдут облака. Прикажешь ветру,
Чтоб их ко мне послал? — ему легко.

РОЗА И ГРОМ

Сад, что душа чужая, был потемки:
Где звезды, кроны, где стволы деревьев?
Ночная птица начала негромко,
Но тут же замолчала, оробев.

Когда над ней нет ни крупинки света,
Ни зернышка — какой уж тут мотив...
Но вот — сначала дуновенье ветра,
Еще мгновенье — и уже порыв.

На каменную кладку под ногами
Упали капли, листья серебя.
Гроза! Сверкнули плиты зеркалами —
Толпа деревьев увидела себя.

С рождения не знающие стрижки,
Живя вокруг стволов своих кривых,
Сиятельной захваченные вспышкой —
Себя застали в искрах золотых.

За что такая милость им, нескладным,
Признанием каких таких заслуг?
Огонь, небесный пощадил — и ладно,
Но небо их озолотило вдруг.

Ах, вот что: угол осветив ограды
И старую корзину на шесте,
Явленье розы происходит саду,
Явленье желтой розы на кусте.

И гром с небес, могучих, грозных, дробью
Чугунных ядер покотился к ней

И, посмотрев на розу исподлобья,
Сказал угрюмо:
— Я твой соловей.

И смысл ее прекрасного явления
Растолковал его чугунный слог:
О жизнь моя, в минуту озаренья
Так щедро ли тебе отпустит Бог,

Как тем деревьям? Грозный час нагрянет,
И молния, чертя наискосок,
Во все углы души моей заглянет —
Хотя б один найдет ли там цветок?

ЗВУК

Ослабил ветер свой напор,
Стих плач метели безутешный,
И стал оттаивать простор,
От долгой стужи онемевший.
Еще вчера вороний грай
Один царил по всей округе,
А нынче, будто невзначай,
Влетели к нам живые звуки.
Хотя февраль еще вовсю,
И кромка гладкого сугроба
Остра, как нож (не с тем ли, чтобы
Зимы не трогали красу).
Хоть все бело, куда ни кинь, —
Морозам время ставить точку.
Вон слышишь звонкое: «Синь-синь!»?
Идут к нам синие денечки.
Вперед других весну поет
У нас веселая синица,
И начинает небосвод
Тепло и ласково лучиться.
Деревья сонные под ним
У птиц-певуний на заметке,
Им солнце гребнем золотым
Расчешет спутанные ветки.
И вот уже звенит капель,
И чья-то трель в кусте рябины —
То, хохолок свой запрокинув,
Висит под гроздью свиристель.

Пернатых радостное братство,
Уж у тебя полно забот,
Ты, чтобы свой продолжить род,
Озвучиваешь пространство.
И скоро весь его объем
Заполнят нежные рулады
О том, что вам любить, о том
Что вам построить гнезда надо.
Что в птичьих хлопотах сквозит
Живой порядок мироздания,
Что песню фальшь не исказит —
В ней только чистое звучанье.
Что так заведено не вдруг
В рядах пернатого сословья:
Что подражает Слову звук
И зарождается любовью.

Редакция «Молодой гвардии» от души поздравляет нашего многолетнего автора Владимира Филипповича Смыка с замечательным юбилеем — 75-летием. Желаем ему крепкого здоровья и неиссякаемой энергии в его творчестве и в просветительской деятельности во имя нашей России.

РУССКИЙ МИР ДОЛЖЕН БЫТЬ ЕДИНЫМ

Донбасс завяз в межпространстве и межвремяе. Отстояв свободу от Украины с оружием в руках, он теперь непрерывно выслушивает рассказы высоких официальных лиц о том, что он — «Украина».

Еще хуже тем частям Новороссии, которым не посчастливилось поднять успешное восстание или которые из-за замораживания конфликта остались под властью Украины — Славянск, Краматорск, Мариуполь. О них, кажется, сегодня и вопросов не возникает.

В России существует достаточно развитая система государственной, околосударственной и псевдосударственной пропаганды, которая следует в своей работе утрированному, «правому» прочтению афоризма Гегеля: «Все действительное — разумно». То есть любой чих начальства, любая глупейшая закорючка в неверно понятом документе есть проявление высшего разума и результат неукоснительного выполнения «Хитрого Плана».

В результате головы и людей в самом Донбассе, и сторонников Новороссии в России оказываются заморочены откровенной ахи-

РУССКИЙ МИР

неей: «Нам нужно, чтобы Донбасс вернулся в Украину, чтобы вернуть всю Украину, которая скоро сама развалится», «У России нет средств, чтобы кормить Донбасс», «Никакого восстания не было, никакой «русской весны» не было, значит, сами виноваты», «Право войти в Россию еще надо заслужить». Кубометры этого шлака высыпаются на головы несчастных людей, еще не так давно вообще не интересовавшихся политикой, а потому теряющихся в хитросплетениях вранья, где запутается и иной маститый политолог.

Это шапито связано с тем, что на самом деле Москва не знает, *что именно* она будет делать завтра на украинском направлении. Не существует никакого ясного, а уж тем более хитрого плана. Есть упущенная возможность решить вопрос быстро в самом начале. Есть соотношение того, чего хочется, может быть и чего не велит вашингтонская мамка. Есть воля просто так, без боя не сдаваться (чего упорно не понимают те, кто утверждает, что Кремль хочет лишь отмены санкций; хотел бы, их бы давно отменили, а потом ввели другие). Есть на ходу меняющаяся политическая философия, когда прекрасноречивая риторика «евразийского братства» прямо на глазах сменяется установкой на русскую ирриденду.

Вот об этом — о политической программе русской ирриденды, то есть о политическом воссоединении «русского мира» как неизбежной основе всех бывших в последние два года и грядущих впереди событий и хотелось бы поговорить.

Каждый народ, чья численность и социальное развитие достаточны для того, чтобы создать и поддерживать свое государство, должен иметь право жить в своем государстве. Национальном государстве. Граница компактного расселения народа и граница его государственности в общем и целом должны совпадать. Проведение границ, разрезающих народ по живому, чревато конфликтами и рано или поздно приводит к геноциду в тех или иных формах. Достаточно вспомнить о геноциде армян в 1915 году, об изгнании греков из Турции в 1920-е, о массовом выселении немцев в качестве наказания за гитлеровскую агрессию в 1940-е или же об изгнании сербов из Хорватии в 1995-м. Там, где изгнать народ не удается, как турецких курдов, там неизбежны конфликты, и в конечном счете дело, скорее всего, закончится провозглашением независимого Курдистана, воссоединяющего курдов Турции, Ирака и Сирии.

Русский народ оказался в 1991 году самым крупным в мире разделенным народом. 25 миллионов русских были раздроблены между практически всеми республиками бывшего Союза. Потом кто-то репатриировался, кого-то убили, кого-то

заставили сменить идентичность, и теперь, конечно, «русский мир» сжался, но он все еще довольно обширен. Большое значение имеют компактно проживающие русские общины востока Украины, севера Казахстана, Латгалии и Риги, Нарвы. В Белоруссии, где русский язык не преследовался и официальный национализм долгое время не продвигался, дифференция русских не произошла, но в связи с инициированной в последние годы режимом волной литвинизации в самом ближайшем будущем произойдет.

Разумеется, расколотый русский народ, как и все другие народы, имеет право на воссоединение и нерасколотую государственность. Сам территориальный раскол русских был искусственно создан внутри русских территорий, которые русский народ топором плотника и мечом воина создавал для себя, раздвигая пространство, отвоевывая его у тайги и тундры, у степняков-работорговцев и безводия, присоединяя малые народы и вливая их в общий поток своей жизни.

Русских резали по живому. Иногда, как с отнятием и передачей Украине Севастополя, это было больше похоже на зловещую насмешку. Но и более старые «передачи», например те, в результате которых формировалась советская Украина, были таким же вырезанием лобзиком по спине, о чем недавно напомнил Владимир Путин, критикуя ленинскую национальную политику: «Украине, допустим, Донбасс передали под каким предлогом? Повышение процентов пролетариата на Украине для того, чтобы иметь там большую социальную поддержку. Бред какой-то, понимаете?»

В 1991 году русский народ, создавший государство с самой большой в мире территорией, внезапно оказался перед лицом того факта, что значительную (и самую теплую) часть этой территории увели у него из-под носа, а русских в лучшем случае заставляют стыдиться своего происхождения и принуждают к отказу от него.

Русский народ, безусловно, имеет все основания требовать признания своих прав и государственного воссоединения именно в качестве русского народа. И, думаю, в длительной исторической перспективе вряд ли найдется сила, которая может ему помешать.

Вопрос права русских на воссоединение имеет значение *вне* зависимости от того, признаем мы русских, украинцев и белорусов тремя ветвями единой нации или же тремя нациями, вне зависимости от того, определяем ли мы русского как «славянина, от рождения говорящего на русском языке», или же как носителя русской культуры, идентифицирующего себя с русскими. Все эти уточнения сейчас не важны.

Русский народ имеет право жить в едином государстве. Этим единым государством должна быть Россия — страна, названная по имени русского народа. Точка.

И еще раз подчеркну: вопрос государственного единства русского народа в этническом значении, как раньше говорили, «великороссов», не имеет никакого отношения к тому, един ли русский народ в широком смысле, едины ли Россия, Украина и Белоруссия или разделены. Все русские/великороссы должны жить в одном государстве.

Русский народ имеет право использовать любые законные рычаги для своего воссоединения, а при их блокировании — право на восстание, зафиксированное во Всеобщей декларации прав человека, как крайнее допустимое средство: «Принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения».

Задача политики государства Российской Федерации — всеми доступными для него средствами содействовать этому воссоединению. Однако здесь, разумеется, нашим пожеланиям противостоит принцип реальности. Россия рассматривается обширным и опасным блоком НАТО как фактически «побежденная» в холодной войне. НАТО уже приняло в свои ряды Эстонию и Латвию — страны, где высок процент компактно проживающего русского населения. Балтийские этнократии используют чрезвычайно циничные способы преследования русских — статус «неграждан», запрет русских школ, попытки публичного унижения русского народа. Что, впрочем, не мешает русским оставаться влиятельной силой в этих обществах.

Под таким же «зонтиком» хотел оказаться и русофобский этнократический режим, установленный майданом в Киеве. Однако ему вовремя удалось помешать. Сравнительно легко был освобожден Крым. Началось восстание в Донбассе, которое, будь проявлена большая политическая воля, перекинулось бы и на всю Новороссию. Огромное количество людей, чье национальное сознание было подавлено русофобской политикой незалежной, в короткий срок осознали себя русскими, причем независимо от записи о национальности в свидетельстве о рождении. И никаких оправданий тому, что весной 2014-го не было проявлено более решительной воли по воссоединению Новороссии, нет.

Та волна братства, сострадания и поддержки, которую всколыхнула борьба Донбасса и в России, и в Новороссии, подтвердила, что речь идет именно о воссоединении единой

нации в едином государстве. Любые политические формы, будь то ЛНР и ДНР, так и не состоявшаяся федеративная Новороссия, являются лишь временными мостиками на пути к единой России, национальному дому всего русского народа.

Упущенный момент изменяет течение исторического времени. Теперь процесс воссоединения, возможно, займет годы, а то и десятилетия. И не исключено, что никто из заставших распад СССР и раскол русского народа не увидит окончательного воссоединения. Важно лишь, чтобы детям и внукам была завещана та же мечта о единстве и упорство в ее достижении.

Значение имеют каждый кубический метр, каждый кубический сантиметр возвращенной России территории. Ирредента — это тот случай, когда синица в руках лучше журавля в небе. Когда каждый кусок земли, переданный под прямой суверенитет России, важнее, чем обещанная болтунами когда-то «полностью воссоединившаяся Украина».

Прежде всего это должны понимать сами граждане Донбасса. Их целью должно быть полное и безусловное воссоединение с Россией по «крымскому варианту». И любой другой вариант должен рассматриваться как худший, менее желательный, дискриминирующий. За воссоединение русской нации действительно стоит сражаться. За автономизацию в составе Украины или статус государств-призраков — извините.

Конечно, мировая политика — штука сложная, и не всё и всегда можно позволить себе сразу из-за внешнеполитических условий. Но важно, чтобы и политическая элита, и общество России, и жители Донбасса, и вся Новороссия прозвели «захват цели» и неуклонно к ней двигались.

Теперь что касается триединства русского народа. Сегодня разговоры о таком «триединстве» и о том, что «украинцы и русские — это один народ», объективно вредны. Порой — на грани предательства.

Нравится это русским или нет, сегодня украинцы считают себя другим народом. И их этническое самоопределение осуществляется по принципу: за или против убийства русских. Изначально в продвижении в мозги малороссиян украинского проекта важнейшую роль играло отрицательное самоопределение — против москалей. Сейчас же оно стало единственным.

Украинец — это не тот, кто любит стихи Тараса Шевченко и драмы Леси Украинки, не тот, кто носит вышиванку и закусывает сало вареником, и даже не тот, кто уважает Бандеру. Все эти этнические особенности лишь шлейф главного — желания убивать русских и одобрение такого желания.

Украинец сегодня, как это ни печально, это тот, кто жег людей в Одессе и расстреливал детей в Горловке либо актив-

но одобрял и поддерживал эти преступления. Тот же, кто отвергает эти преступления и не желает в них соучаствовать, русский, какой бы штамп ни стоял у него в паспорте.

Никакого «единства» между русскими и украинцами здесь быть не может. Как нет и никакой разницы между русскими великороссийского и малороссийского происхождения, когда они берут в руки автомат с георгиевской ленточкой и становятся под красное полотнище с андреевским крестом. Боюсь, что в Белоруссии ситуация скоро станет аналогичной.

Поэтому речи о «русском триединстве» сейчас являются политической ошибкой. Разговоры о «триединстве» приводят к тому, что оказывается все равно, где быть Донбассу — в России или «в Украине». Между тем это главный сегодня вопрос.

Сегодня для России актуальна не проблема триединства, а проблема единства. Не проблема дружеского взаимопонимания Москвы и Львова, а проблема нахождения в одном государстве Москвы и Донецка, Москвы и Одессы, Москвы и Харькова.

Единство русских людей в одном государстве — России. Такова формула русского национализма. Русского патриотизма. Просто русского здравого смысла.

Поскольку, напомню, нации, которые не добились воссоединения, получают в наказание этноцид.

Русская планета

Геннадий ЛУКИНЫХ

ГАЛИЧАНЕ — КТО ЖЕ ОНИ?

Всё, что в последнее время говорится и пишется о *галичанах*, чаще всего именуемых «западенцами» и бандеровцами, — это о галичанах-мутантах и их потомках, отринувших в течение XX века русское имя.

Ещё до Первой мировой войны в Галиции, тогда принадлежавшей Австро-Венгрии, среди галицко-русского населе-

ния доминировала общерусская национальная идея, в основе которой было убеждение, что Русская земля — от Карпат до Камчатки. Подавляющее большинство галичан считало себя *русинами*, тем самым подчёркивая свою исконную стародавнюю русскость, а край свой звали Галицкой или Прикарпатской Русью. Тогда они ещё помнили о своих русских корнях, хотя были под иноземным ярмом с конца XIV века — после захвата древнерусского Галицко-Волынского княжества Польшей и Литвой.

В 1772 году в результате первого раздела Речи Посполитой Галиция (бывшее Русское воеводство) была присоединена к Австрии под названием «Королевство Галиции и Лодомерии» со столицей Лембергом (Львовом). «Лодомерия» — это искажённое австрийскими немцами старинное русское название Волыни — *Володимирия*. Однако Волынь никогда не входила в состав Австрии, а была тогда частью Российской Империи — Изяславской, а затем Волынской губернией. Таким образом, само название новоприбретённой Австрией коронной земли было провокационным, ибо в нём присутствовали территориальные претензии к России. Восточная Галиция — *Галичина* — была русской, а Западная — преимущественно польской. Между Западной и Восточной Галицией находилась *Лемковщина* — самый западный край исторической Руси.

«Весна народов» — европейская революция 1848 года всколыхнула народы «лоскутной» империи Габсбургов и подвигла их к интенсивной работе по формированию своих культур и национальному развитию. Галицкие русины также активно включились в эту деятельность и в 1848 году создали во Львове политические организации «Русская Рада» и «Русский Собор», национально-культурное общество «Галицко-русская Матица» и ряд других структур. Такие организации, как «Галицко-русская Матица» (вплоть до её закрытия советской властью в 1939 году), исповедовали идеи общерусского национально-культурного единства, видя в идеале воссоединение всех земель исторической Руси. Эти идеи постепенно овладели умами большей части галицко-русской интеллигенции, составившей к 60-м годам XIX века русскую партию.

Социально-экономическая ситуация в подъяремной Галицкой Руси была очень тревожной: крестьяне, составлявшие большинство русского населения, бедствовали, зачастую голодали в период неурожаев. Как язвительно называли «Королевство Галиции и Лодомерии» в одном из фельетонов в галицко-русском сатирическом журнале «Страхопуд» — «Королевство Голиции и Голодомории». В результате в 80-е годы XIX

века началась массовая эмиграция русинов в США, Канаду, Аргентину, Бразилию и другие страны Нового Света.

Борьба между сторонниками русскости и выдуманного поляками и австрийскими немцами «украинства», агрессивно ими насаждаемого русинам, начавшаяся в 80-е годы XIX века, закончилась неудачей для русских галичан лишь в результате Первой мировой войны, когда большинство галицко-русских общественно-политических деятелей, священников и представителей интеллигенции было уничтожено австрийско-немецкой военщиной и «свідомими українськими» националистами в первых в истории концлагерях Талергоф и Терезин. В 1934 году на Лычаковском кладбище во Львове по проекту архитектора Олега Луцька был воздвигнут мемориальный памятник жертвам Талергофа. Величественный восьмиконечный мраморный крест врезан в стелу из чёрного мрамора с надписью: «Жертвам Талергофа. 1914—1918. Галицкая Русь».

В межвоенный период в Галичине, оккупированной Польшей (1921—1939), несмотря на ослабленность и обескровленность русского движения, продолжилась деятельность галицко-русских патриотов-русофилов, противостоящих «українським» националистам и польским шовинистам. Ещё в 1919 году они смогли возобновить деятельность Культурно-просветительного общества имени Михаила Качковского и других галицко-русских организаций, которые были весьма активны до войны в деле пропаганды идей народного просвещения и общерусского национально-культурного единства. Во Львове жил и творил выдающийся галицко-русский поэт Мариан Глушкевич (1877—1935), писавший замечательные стихотворения на русском литературном языке, как, например, лирический цикл «Чары Галицкой Руси» (Собрание стихов. Книга вторая. Львов, 1907); там же жил известный историк, публицист и поэт Василий Ваврик (1889—1970) — один из лидеров русского движения Галичины, создавший такие сочинения, как «Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа» (Филадельфия, 1966), «Краткий очерк галицко-русской письменности» (Лувен, 1973) и ещё немало работ по истории и вопросам национально-культурного возрождения Галицкой Руси. Жили в межвоенном Львове известные литературные и общественно-политические галицко-русские деятели Семён Бендасюк, Осип и Дмитрий Марковы, Юлиан Яворский, Дмитрий Вергун и многие другие.

Продолжали свою неутомимую работу среди русского населения «Галицко-русская Матица» и Ставропигийский институт. В 1922 году возобновляет свою деятельность Обще-

ство русских дам. В 1923 году во Львове было основано общество «Русская школа». В 1924 году возобновило свою деятельность Общество русских студентов «Друг». Издавались книги и периодика, как, например, «Справка о русском движении в Галичине» Василия Ваврика (1930), «Манифестация русского духа» (1938), «Галичане и всерусская культура» (1938), «Талергофский альманах» (1924—1932), орган Русской Селянской Организации еженедельник «Земля и Воля», орган Русского Ревизионного Союза «Кооперативный Вестник», «Временник Ставропигийского института», «Русский голос».

Вот некоторые выдержки из книги современного русского историка, знатока галицко-русской культуры и истории Н.М. Пашаевой «Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв.» (Москва, 2001): «С... того же 1921 года началось создание галицко-русской политической организации, начавшей свою деятельность под названием Русской Народной Организации (РНО), как скажет позднее В.Р. Ваврик, «в ужасных условиях: во всём галицко-русском крае... были австрийской властью закрыты и конфискованы (во время войны. — Г.Л.) общества, народные дома, читальни, ученические пансионы, гимнастические дружины и библиотеки. Всё это было Австрией передано «украинцам» как верным своим союзникам...» Позднее, в 1928 году, РНО была переименована в Русскую Селянскую Организацию. Как писал В.Р. Ваврик (на страницах «Временника Ставропигийского института») в 1929 году, РСО является союзом русского крестьянского населения, признающего национальное и культурное единство всех русских племён. Её целью является защита национально-культурных, экономических и социальных прав русского крестьянина в Польше. РСО входит в состав общерусской национальной организации Русское Народное Объединение, «чтобы общими силами добиваться в Польше всех гражданских прав: школ, равенства и свободы на родной земле». Число членов РСО в 1928 году В.Р. Ваврик определяет примерно в 80 000 — 100 000 душ».

Возрождённая II Речь Посполитая была абсолютно нетерпима к населению «приобретённых» в результате позорного советско-польского Рижского мирного договора 1921 года русских земель — западных частей Волыни и Белоруссии, а также уже присоединённых Галичины и Лемковщины. Эти земли в совокупности с Виленским краем составляли половину территории межвоенной Польши. Началась агрессивная полонизаторская политика, в результате которой большинство русских школ, в основном доставшихся в наследство от Российской Империи, было закрыто. На волынских

и белорусских землях польскими оккупационными властями массово закрывались православные храмы, которые затем передавались католикам и униатам либо разрушались.

В Галичине же и, особенно, Лемковщине в этот период активизировался переход русинов из греко-католичества (униатства) в «прадідню віру» — Православие, начавшийся ещё в конце XIX века. Греко-католическая церковь, поддерживаемая Ватиканом, официальной Польшей и «українськими» националистами и деятелями всех мастей, всячески противоборствовала этому процессу, в результате чего большинство галичан так и осталось в унии. Эта церковь появилась на свет в результате Брестской унии 1596 года, когда большинство западнорусских православных иерархов присягнули на верность католическому Риму с условием сохранения православного (греко-восточного) обряда в Богослужении. Униатство сыграло в истории Галицкой Руси крайне негативную роль. Это было связано в том числе и с активной поддержкой греко-католической (униатской) церкви «українського» националистического движения, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Галицко-русская общественность в 1938 году неоднократно обращалась к советскому руководству с просьбой о принятии подъяремной Галичины в состав Союза ССР. Однако присоединённые в 1939 году Галичина и Западная Волынь были волюнтаристски объявлены «західноукраїнськими» землями и включены в состав УССР. То же самое, кстати, произошло и с Подкарпатской Русью: несмотря на просьбу карпаторусской общественности о присоединении края из состава Чехословакии к СССР как автономной единицы (республики или области) в составе Российской Федерации, советское руководство постановлением от 22 января 1946 года включило его в качестве безымянной Закарпатской области в состав УССР.

Галицко-русское национальное движение в 1939—1940 годах советской властью было разгромлено: откуда-то были выявлены его связи (недоказанные, впрочем) с русской белоэмиграцией. Именно это и послужило поводом к разгрому. Подчеркну, что белоэмиграция в межвоенной Польше никогда не была союзником галицко-русского движения, ибо последнее стояло на позиции национально-консервативного, а отнюдь не буржуазно-демократического устройства возрождённого в будущем Русского государства. Как известно, деятели Белого движения в большинстве своём были буржуазными демократами-«февралистами». Руководители и актив русского движения в Галичине были репрессированы, галицко-русские организации разогнаны. С 1939 года началась то-

тальная советская «українізація» населения Галичины и Западной Волыни, начавшаяся, впрочем ещё в польский период.

Немногие выжившие русские галичане владели в послевоенный советский период жалкое существование: на хорошую работу их, высокообразованных специалистов в различных областях науки, культуры и искусства, не принимали, в отличие от «українців» — как правило, малограмотных, но «карьеролюбивых» выходцев из прикарпатских сёл. Во Львове, опустевшем после выселения советской властью поляков и уничтожения бандеровцами евреев (польское и еврейское население составляло большинство межвоенного Львова) уделом русских галичан оставалась лишь работа в музеях, библиотеках и архивах. Например, виднейший галицко-русский литературный и общественно-политический деятель межвоенной эпохи Василий Романович Ваврик (1889—1970), о котором я уже писал, доживший до весьма преклонного возраста (91 год), после войны трудился старшим научным сотрудником Львовского исторического музея, а другие его бывшие соратники трудились в основном в музеях, библиотеках и архивах западных областей УССР.

Часть коренного русского населения Галичины и Западной Волыни (современные Львовская, Ивано-Франковская, Тернопольская, Волынская и Ровенская области) в межвоенный период оказалась обманном путём втянута в «українство». Сначала австрийско-немецкие, а затем польские шовинисты сделали всё, чтобы отнять у подъяремных русских людей национальное имя, самосознание, историческую память и сделать из них сознательных врагов всего того, что веками связывало их с Русью, отравить их ядом воинствующей русофобии, которая лежит в основе идеологии «українства».

До Первой мировой войны большинство галичан и волынян было русским по национальности и самосознанию и лишь малая часть их возомнила из себя «українців», предав и отринув Русское имя. Впоследствии же именно эта часть благодаря оголтелой националистической пропаганде и оформилась на галицко-волынских землях, оккупированных Польшей, в тот самый «малый народ», который активно вступал в «Організацію українських націоналістів», а затем и в бандеровскую «Українську повстанську армію». Именно этот «народ» яростно карал, расстреливал, вешал, сжигал заживо во время и после Великой Отечественной войны «москалей», поляков, евреев, коммунистов и даже своих, которые сочувствовали «московской» власти.

Войска НКВД СССР к 1952 году «зачистили» бандеровское вооружённое подполье в Прикарпатье и на Волыни, а

большая часть «вояк» УПА была расстреляна. Однако товарищ Сталин проявил к ним милосердие, и часть бандеровцев получила большие сроки заключения в лагерях. Находились они, в частности, на Урале — например, сейчас уже многим известный бывший спецлагерь «Пермь-36», в котором «мотали» сроки бандеровцы, прибалтийские коллаборационисты и диссиденты. Отсидев своё, большинство бывших бандеровцев вернулись в родные края и, полагая, не раскаялись в том, что они творили в 1941—1952 годах. Они завели семьи, детей, а затем и внуков, передав им свои «умения», приобретённые во время их службы в УПА. И вот семена проросли...

Наследниками «вояк» УПА являются современные необандеровцы из «Правого сектора», «Свободы», «Тризуба», УНА-УНСО и т.п. из карательных батальонов, уничтожающих ныне русских людей (великороссов и малороссов) на Донбассе. Бандеровцы готовились к реваншу более 60 лет и всё-таки смогли захватить власть, «победоносно» перейдя через Днепр, в результате чего «Україна» окончательно раскололась на две части и началась не гражданская, подчёркиваю, а национально-религиозная война на развалинах бывшей УССР, настоящая война между «западненскими» униатами-бандеровцами («свідомими українцями») и православным русским народом Юго-Востока — Новороссии. Однако галичанам в исторической перспективе не удастся закрепиться на всей территории бывшей УССР, ибо Новороссия (в первую очередь Донбасс) рано или поздно отколется от «Бандерляндии» и самоопределится.

Искренне жаль Малороссию — стародавний, исконно русский край, с любовью воспетый Николаем Гоголем и другими нашими писателями и поэтами, население которого в наше скорбное время одурманено бандеровской русофобской пропагандой. Вероятнее всего, Малороссии придётся какое-то время сосуществовать в одном «государстве» с галицко-волынкой «Бандерляндией» вплоть до её окончательного распада. Даже если, чисто гипотетически, последней всё же каким-то образом (скорее всего, под патронажем США) удастся сохраниться, то не видать ей, как своих ушей, ни Чёрного и Азовского морей, ни степей Причерноморья и Слобожанщины, ни трудового и вольнолюбивого Донбасса.

Что же касается галичан, то на сегодняшний день они представляют собою «малый народ» иванов, не помнящих родства, напрочь забывших о своём русском происхождении и яростно отрицающих всё то, что веками связывало их с Русью.

РАСКАЗЫ

СТУДЕНТЫ

Электричка катила ни шатко, ни валко, останавливаясь на всех полустанках. Четыре часа пути казались до бесконечности долгими. В окно надоело смотреть, да за ним ничего интересного не было: лес, остатки поселков, некогда процветающих. Только и развлечения — памятью окунуться в прошлое, когда в этих самых поселках бурлила жизнь и толпилась на станциях молодежь. Что входили, что выходили — всегда одинаково шумно. Теперь уже редко войдут в электричку парень или девчонка. Да и взрослые тоже. Разъехались, разбежались, оставив в просевших домах стариков и старух. Но электричка по-прежнему останавливалась, ждала, как будто не веря, что пассажиров не будет.

— Давай-ка, Вадим, хоть в карты сыграем, — сказала Светлана Андреевна сыну, который тоже томился.

Карты были всегда при нём. Учебники не всегда, но карты... Сколько раз приходилось ей с сыном ругаться: «О чем ты, родимый, думаешь? Сессия на носу, а у тебя на столе пасьянс. И ведь разложит, как старая бабка, сосредоточится. Так бы ты книги читал!»

ПРОЗА

— Давай, — согласился сын. — На деньги.

— А если я выиграю?

— Ни за что!

Карты были стасованы. Играли сначала на мелочь. Потом увлеклись, и когда электричка прибыла на центральный вокзал, кошелек Светланы Андреевны основательно похудел. Ладно, до вечера хватит, а вечером снова домой. Сегодня ей предстояла тяжелая встреча, и мысли уже обратились в ту сторону.

Вадим позвонил университетскому однокурснику: они собирались на сплав по горной реке. Лето сверкало зенитом, хотелось успеть насладиться.

— Состыкуйся со всеми, Алёха, — предупредил. — Подъеду к тебе через час. Палатки в прокате возьмем, там же — катамараны. Всё остальное обдумаем.

Обдумывать надо было немало: продукты, одежда, деньги, чтобы не влишку, но чтобы не маяться после. А главное, сверху сплавляться, через пороги, или по ровной воде от моста? Сверху займет дней десять, а от моста — неделю. И чтобы капроновую веревку не позабыть — в воде шнурки у кроссовок рвутся. И сала побольше. И хлеба. Хлеб насушить, чтобы легче и не испортился. Ну и крупа там, сгущёнка, — в общем, всё, что будет необходимо.

Когда он пришел к Алексею, в квартиру уже подоспели двое.

— Ты волосья обрезал, Вадим? — встретили друга.

— Да мать меня поедом съела: дурак да дурак. Они ниже пояса отросли.

— Тебе с волосьями лучше было, а шас ты какой-то облезлый.

— А на себя посмотреть?

Из кухни высунулась сестра Алексея. Тоже на сплав собралась.

— Ребята, кофе!

— И с коньяком, — добавил Вадим, изъяв из пакета бутылку. — Это я мать свою обчистил. Значит, за кофе решим, где спальники брать и тэпэ. А вот и Маринка. Все в сборе. Ба, ты с чего растолстела? — уставился на неё. — Фигуру блюди!

— Угу. Стройной Наташке желчный пузырь удалили. Лежит теперь, бедная, в хирургии, надо сходить попроведать. А как похвалялась: хала-а-ат за две тысячи! Жрала заразу для похудения и других травила. Как же — товар представляла лицом. Не надо мне денег, халатов, и врать никогда не буду!

— Не будешь, не будешь, Марина, ты у нас девка с достоинством.

— Ребята, пошли, а то чайник остынет! — напомнила с кухни Татьяна.

Вскоре все тесно уселись за стол.

— Значится, сколько нас поплывет? — Вадим тыкал в каждого пальцем. — Маринка, Алёшка, Серёга, Володька, Танька и я. Шесть штук. Питание трижды в день. Если идём на десятку, прикинь, сколько продуктов надо?

Подсчёты заняли больше часа. Допили коньяк и кофе, а всё ещё не могли уяснить, сколько надо крупы, сухарей, сала и прочего?

— Хана! — Володька сгибался от смеха. — Будущие инженеры! С калькуляцией не справляемся.

— Да дело не в калькуляции, тут просто чёрт ногу ломает.

— Короче, вот так, — объявила Маринка, — берём каждый себе. Мой отец говорит, что если идёшь на природу, бери продуктов двойной запас: на свежем воздухе аппетит волчий.

— А кто их потащит? Горб себе наживать?

— А чем ты питаться будешь, если не хватит?

— Грибами. Соль, ребята, соль не забыть!

Напоминание о грибах родило картину леса: в такую погоду самое лучшее в лес удрать.

— Давайте махнём? — предложил Алексей. — Заодно и узнаем, сколько продуктов надо. Помножим на три и на десять, как будет на сплаве, — и всё!

— Правильно!

В это время Светлана Андреевна ссорилась с директором типографии. Книгу, которую завод заказал в подарок ветеранам труда, сделали безобразно. Бумага для форзаца была влажной, и оттого первые и последние страницы свело. Ко всему переборщили зелёной краски на фотографиях.

Директор сидел перед ней, как из рекламного ролика — в белоснежной рубашке, при галстукке, с фасонной стрижкой. Не оправдывался. Не извинялся. Виновным себя не считал.

— Будем судиться! — сказала ему Светлана Андреевна.

— Не с нами. С бумкомбинатом.

— Но как же вы смели работать с мокрой бумагой?!

— Вы полагаете, можно забраться в бобину?

— Ну, хорошо, а зеленую краску вам кто намешал?

— У нас молодые сотрудники, нужно учитывать их неопытность.

— Кому учитывать? Вам или мне? — Холеная морда директора выводила её из себя. Боялась сорваться, наговорить лишку, хоть понимала, что всё, что она ни скажет, он примет

с такой же невозмутимостью. Приказчик, типичный приказчик с зализанными височками и пробором! Сколько же надо веков, чтобы эта гадливая каста перевелась?

Светлана Андреевна ушла от него взбешенной: «Бумкомбинат на мокрой бумаге накручивал прибыль, типография «по незнанию» пустила бумагу в работу... Неопытность молодых сотрудников... А мы теперь ветеранам подарим дрянь!»

Ветерок шевелил её волосы, гладил лицо, успокаивал, утешал, но она еще долго негодовала: «Вот она, школа Карнеги: широко улыбайся и в карман забирайся. А мы, как последние лохи, купились: «Делаем быстро и качественно!» Ещё облапошат человек двести, потом обанкротятся, а дальше опять создадут типографию, только с другим названием. Этот директор знал, что заказов от нас уже не дожждётся, — и что? Ни малейшего беспокойства от потери клиента».

Она свернула в проулок и оттуда направилась к набережной. Прошла мимо здание биржи, спустилась к реке и встала у парапета. Она любила простор и воду. С детства любила, когда по весенним ручьям пускали кораблики. Ручьи куврыкались, звенели, в них отражалось небо и брызгалось солнце. И столько было свободы — огромной, безбрежной, влекущей куда-то — аж до тоски.

Река была совершенно пустынна: ни пароходов, ни барж; одни только чайки летали, выискивая добычу.

— Ты или нет? Света? — встала вдруг рядом полная, смутно знакомая женщина. — Конечно! Конечно! — бросилась обниматься.

«Галя!» — сразу же вспомнила эти «конечно» Светлана Андреевна. Галя была её однокурсница.

— Мы же почти четверть века не виделись! Ну, ты даёшь: насколько не изменилась. Где ты сейчас? Чем занимаешься? — тормошила Галина. — Ты на диете? «Кремлёвской», наверно?

— Да нет, просто порода такая...

— Счастливая, можешь любое платье надеть, а я уж пятнадцать лет ношу балахоны.

Встреча отнюдь не обрадовала Светлану Андреевну: она опасалась Галины. Странная тяга была у той: втереться в доверие к человеку, сделаться чуть ли не другом, и... насолить.

— Ты возвратилась потом в институт? — Спросила и глянула на часы.

— Нет, как ушла с четвёртого курса в декрет, так и всё. После декрета устроилась делопроизводителем в городскую администрацию. Там и работаю. А муж у меня судья. Внуечка есть. Дочь вышла замуж за турка, мы часто у них бываем. Ах, как живут они, Света! Нам тянуться до них и тя-

нуться! Муж у дочери архитектор, в Таджикистане сейчас работает, что-то там строят серьезное.

— Своих архитекторов нет у таджиков?

— Есть, может быть, но турки везде нарасхват.

— Ну да, и в России их много.

— И кто виноват, если мы отстали с образованием?

Светлана Андреевна фыркнула:

— Турки нам, что ли, строили космодромы?

Галина выставила колючки:

— Ой, только не надо позы! Я местным патриотизмом по горло сыта! Всё у нас хорошо, всё прекрасно! А вот у дочери в Турции личный врач. Порядочность, профессионализм. Найдите здесь? И какая культура, какое обслуживание! Да ты же бывала, теперь вся Россия в Турции отдыхает.

— Я отдыхаю в Неаполе.

— Да-а-а? — брови Галины приподнялись. — Прости за вопрос: ты замужем?

— Замужем.

— За Михаилом?

— Нет. Галочка, я на вокзал тороплюсь.

— Счастливой дороги! — Галина тряхнула ей руку.

«Вот так денёк! — отойдя, усмехнулась Светлана Андреевна. — Все неприятности в кучу. Мишу припомнила, надо же! Видимо, совесть все-таки гложет». В памяти всплыло робкое чувство к скромному парню с авиафакультета. Как два огонька, Светлана и он приближались друг к другу — и вдруг черными крыльями их раскидала Галина. А ведь подругой была.

Она обернулась: Галина шла, переваливаясь на коротких ногах, просторное темное платье надулось в спине и делало её схожей с навозным жуком.

Сын позвонил; сказал, что приедет дня через два вместе с друзьями, и сразу на сплав.

— Где ты сейчас? — спросила она. — Слышно неважно.

— В лесу. Проматываем наличные.

— Шика-арно! А деньги на сплав откуда возьмёте?

— Мы отложили, не беспокойся. Если не хватит, грибов наберем, рыбки поймаем; главное — соль и спички.

Светлана Андреевна рассмеялась:

— Очень талантливо! Впрочем, хорошие вы ребята, оставайтесь такими подольше...

УДАЧА

Хоть одному повезло на курсе: Олега Березина пригласили технологом на небольшой заводик. Остальные ребята пос-

ле защиты не знали, куда пристроиться: работы по специальности не было. На проводах попросили Олега оглядеться на новом месте — авось да еще будет кто-нибудь нужен?

— Один только звук — высшее образование. Пока доберешься до инженера, в грузчиках наработаешься.

— Могут взять в менеджеры, таскаться по магазинам.

Олег был рад и не рад фортуне. Не рад потому, что завод находился в Светлоозерске, и значит, с Тошей будут видаться редко.

— Ты только окончи свой пед, и поженимся. Тебе на работу устроиться легче: если не в школу, так в детский садик возьмут. Ну, за удачу, Тоша? — он поднял стопку.

Она промолчала.

— Ну, что ты молчишь? Не в Москву же я еду.

— Останься, не надо разлуки.

«Разлуки, разлуки...» Олег смотрел в окошко вагона, и было так грустно, как будто и в правду ехал за тысячу верст. Он видел Тошу то хрупкой девочкой первого курса, то видел ее в больнице — со спекшимися губами, с мелкими зубками полуоткрытого рта, то видел себя, как шел за вагоном поезда, увозящего Тошу на юг..

С первых же дней знакомства он понял, что будет ответственным за нее. Круглая сирота, Тоша жила у старшего брата, училась старательно, зная, что только сама сможет помочь себе в жизни. Часто бывая в доме Олега, видела, что до богатства там далеко, и если он заводил разговор о свадьбе, то говорила: «Лучше сходить в ресторан, отметить с друзьями».

В Светлоозерске приняли его хорошо. Дали квартиру — промозглую, но Олег лишь рукой махнул: для ночевок сойдёт. Дни проводил на заводе, порой оставаясь до позднего вечера. Не всё понимал на первых порах, и мастера с большим стажем и опытом помогали. Только директор вёл себя странно. В институте, когда приезжал выбрать будущего технолога, он колобком катался от декана к завкафедрой, пухлые щеки смеялись, глаза излучали тепло. Теперь его щеки обвисли, глаза въедались в рабочих и мастеров:

— Почему двери не закрываете? Воры кругом, а у вас всё настежь! Ждёте, чтобы полцеха вывезли?

— Но в прошлый раз вы сказали: «Двери должны быть открытыми, незачем прятаться от меня».

— Когда это было? Год, полтора назад?

Люди молчали.

— И без того у вас не работа, а льгота! Мы, значит, стараемся, сохраняем старые кадры, даже гробы вам бесплатно, а вы, значит, лишь бы смену закончить?

Олег пребывал в прострации. Какие гробы? Откуда воры, если охрана на территории и проходных? Он уже проклинал себя, что согласился работать в Светлоозерске. Мало, что унижают, так город совсем не город — вода, как в Венеции, только в гондолах плавать; а ведь надеялся встать тут на ноги, снять квартиру и привезти Тошу.

По субботам он мчался к Тоше. Однако с каждым приездом встречи стали прохладней — у Тоши завелась подруга с алмазной каплей в ноздре, черненькая, вертлявая, которую Олег возненавидел с первого раза. Он не любил хвастливых людей, а эта Жанна повествовала, какой превосходный дом у ее родителей, как часто бывают они за границей и как прекрасно в Шотландии и Ирландии с их древними замками и океаном. Нельзя было не чувствовать собственной приниженности, слушая похвалбу, поднималось раздражение, хотелось сказать: хвастай в своей среде, а здесь не до Шотландий, здесь на поездку Тоше на юг, чтобы смогла подлечиться, деньги едва нашли.

— Отшей ты ее! — умолял он Тошу.

— Да зачем? — не понимала она. — У Жанны богатые родичи, и, кстати, очень простые люди. Видишь вот, новый костюм, новые туфли на мне. Я не просила.

— Но ты же не глупая, чтобы поверить в их бескорыстность. Тоша, это как в секте: искусно насилуют волю того, кто туда попадает.

— Лучше ходить в вытертых джинсах?

Стройная, очень красивая девушка, она одевалась скромно, в то время как однокурсницы кичились друг перед другом нарядами. Кое-кто заимел богатого «папика», что считалось большой удачей.

В один из приездов Олег чуть не в горло вцепился Жанне:

— Еще раз увижу тебя рядом с Тошей, убью! — И всей пятернёй прижал ее мордочку так, что Жанна затылком стукнулась в стену.

Надо было бросать Светлоозерск. Но как вдруг подашь заявление на увольнение? Скажут, тебя пригласили, поверили, а ты вот последний подлец! Хотя подлецом был директор. Мастеров высочайшего уровня не ставил ни в грош, не платил месяцами зарплату, зная, что возраст почтенный и специальности редкие. Но только и сам был рабом: приезжали хозяева, жившие где-то в столице, и он перед ними ползал на брюхе.

В конце января заявила комиссия: хозяева заподозрили махинации с прибылью. Двое мужчин и женщина рыскали по цехам, кричали, особенно женщина, плоская, страшная, с вывернутыми губами. Рабочие и мастера низко стигались,

когда она подходила к ним. У Олега кипело внутри: «Кикимора чертова!»

Она заглянула в его в кабинет, увидела чертежи на столе, взвилась:

— Технолог! Порядка не знаете! От таких беспорядков страдает все производство! Уберите немедленно!

Он уже был на той степени взвода, когда теряют соображение.

— Что тебе, бл..., мешает?!!

Женщина остолбенела. И завизжала, махая руками:

— Марш! Сию же минуту марш! Марш, марш!..

Директор отвел её в сторону, приниженно объясняя, что технологий нет, а парень толковый. Она поубавила пыл. Олег в это время, пытаясь унять колотившую дрожь, писал заявление.

— Ну, что вы, зачем? Минутная вспышка, со всяким бывает, — перепугался директор, когда он подал ему листок.

— Да нет, позвольте, я не могу оставаться. Достойную женщину обозвал... Нет, не могу.

Тут и она снизила:

— Вы молодой, горячий, я вам прощаю.

— Нет, нет, — упёрся Олег. — Я сам никогда не прошу себе!

Начинал разгораться скандал, но Олег уже всё решил: сейчас он уходит — и навсегда.

На взвинченных нервах ехал домой; самым больным было то, как стояли перед «кикиморой» высококлассные мастера, стояли, согнув свои старые спины. Олег, отвернувшись, смотрел в окно, и набегали слезы.

Дома узнал, что Тоша сошлась с лысеньким «папиком» и что этот «папик» не кто иной, как дедушка Жанны.

— Ты же погубишь себя! — орал вне себя по мобильнику. — Зачем продаешься, зачем? Тряпки понадобятся? Заграница и рестораны? Он выжмет тебя и выкинет!

Пик-пик-пик-пик-пик...

Олег очень долго не мог опомниться.

Через два года, встретившись с Тошей на улице, не сразу узнал ее: красивые длинные волосы были острижены, она похудела и вовсе не выглядела счастливой. Остановиться, спросить, как жизнь? Было и так понятно. Он поздоровался и прошел мимо.

ХОЛОД

Ветер мчался как запряженный, не отклоняясь ни вправо, ни влево; узкая улица гудом гудела, редкие пешеходы брели спиной наперёд, а те, кто шел им навстречу — не шел, а бе-

жал, — боялись, что расшибутся. Так было несколько суток. Потом слегка поутихло, но добавился снег.

Татьяна Петровна привыкла вставать в шесть утра. Ко всякой погоде привыкла, однако сегодня ей было тошно. Чёрные окна залеплены мокрыми хлопьями, что-то тягуче гудит... Облокотившись на подоконник, близко приставив лицо к стеклу, пыталась взглядеться, что происходит на улице? Чутко ловя законные звуки, кошки жались к хозяйке.

Включила чайник, умылась, поставила кошкам корм; перекусила сама на скорую руку. Вчера маленькой Катюшке отметили день рождения, Татьяна Петровна с ней поиграла, а Кисонька, умница и ревнивица, шлёпнула Катюшке лапой по уху. «Ишь ты, драчунья!» — сказала Татьяна Петровна; и много ещё говорила, — кошки её понимали.

Кошки были её спасением, ибо с тех пор как не стало мужа, пришло нелюдимое одиночество. В светлое время суток оно не так донимало, но наступала ночь, и начинались мысли о смерти. Она их гнала, а они настырно толкали её на кладбище. Как страшно ей было узнать, что муж умер! Зачем? И так рано! Спрашивала, склонившись над ним: «Ты, может быть, жив?..»

Горе и страх. А надо ходить по конторам и оформлять документы. К вечеру, поздно уже, нашла, наконец, кто будет копать могилу. Поехали к кладбищу, однако метель не дала подняться машине, и добирались пешком. Там, где виднелась дорога, шли скоро, но дальше — ползли. Она перемёрзла, чёрные тучи пугали, — и было так жалко себя! Дома пила корвалол, а ночью плакала и молилась.

На другой день съехались родственники, позже приехал сын. Татьяна Петровна слегка успокоилась, смогла дозвониться диспетчеру, прося расчистить дорогу, ей обещали, но... обманули. Автобусы встали на половине пути, гроб до могилы несли на руках. «В каком же мы веке живём?» — металась душа. Дальше были поминки, родственники разъехались, и она осталась одна.

Сперва всё ждала, что сын позвонит, и она хоть немного согреется, но миновали кошмарные сорок дней, а он не звонил. Пыталась забыть, не помнить, не знать, не ужасаться тому, что случилось, — но вздрагивала и просыпалась ночами. Холодный гараж, умерший муж, вынос его в машину — как будто бревно. «Зачем мы родимся, зачем? Зачем такая несправедливость? Будто игрушкой тобой поиграли и бросили!» Выла и выла, бессильная остановиться.

Тогда и решила сама позвонить, сказать, насколько ей тяжело, услышать тёплое слово. Но сын ей ответил: «Я не могу тебя взять в двухкомнатную квартиру». Да разве она проси-

ла? Были конечно такие мысли: жить вместе, но время не прежде, когда старики доживали свой век с детьми.

— Ладно, девки, пошла я, — сказала кошкам. — Оставайтесь хозяйничать. — Она работала на железной дороге, и надо было идти полтора километра пешком.

Подъездная дверь была приоткрыта, хотя на приклеенной к ней бумажке чётко виднелась просьба: «Закрываюте пожалуйста». Это бабушка с первого этажа написала: холод по коридору. В «предбанник» насыпался снег. Татьяна Петровна протиснулась в дверь, сугробом зажатую с улицы, ветер ударил в лицо. Дорога не чищена, двигаться трудно. Сейчас бы до остановки, а дальше автобусом, но шофера АТП бастовали, автобусные маршруты были сокращены.

«Как это можно? — задыхалась она от ветра. — Продано муниципальное АТП! Частник что хочет, то и творит, и нет на него управы!»

На днях с работы подвёз её Алексей, бывший сосед, сказал, что начальник хитёр: выдаст зарплату трём-четырёх шоферам, а те уж и рады, в рейс выезжают, а надо всем вместе забастовать, только тогда будет толк!

— Мы с сентября не имеем зарплаты, приходится пробавляться извозом. Автобусы старые, слесарей сократили, продано всё, что можно продать.

Господи, что творится! И ведь не девяностые годы с их беспределом, с тех пор уж почти двадцать лет прошло.

Воротник у пальто Татьяны Петровны был поднят и вместе с шапкой обвязан платком, она теперь шла к ветру спиной, дышала в тепло, но это тепло, поднимаясь к глазам, леденя, склеивало ресницы. В валенках, толстых брюках, тяжелом пальто кое-как дотащилась до станции.

В восемь часов путейцы вышли на линию.

Двое мужчин толкали тележку дефектоскопа, следили за показаниями, Татьяна Петровна, сигнальщица, шла впереди метров на тридцать, предупреждая составы. Задний сигнальщик отсутствовал, поскольку, плюнув на технику безопасности, его сократили из экономии. Шли уже долго, стало светать, метель забивала глаза и рты, и вдруг — дикий, пронзительный вопль! Кинулись с линии кувырком, — удар! Налетевший сзади электровоз врезался прямо в тележку! Выскочил машинист, матом кляня руководство железной дороги, выползли из сугробов путейцы, белые от испуга и снега. Один из путейцев заплакал — двое детей могли бы остаться сиротами!

Что было дальше, как кончилась смена, Татьяна Петровна почти не помнила. «Сто семьдесят тысяч! Сто семьдесят

тысяч!» — бухало сердце. Не было никакого сомнения, что стоимость дефектоскопа будут выплачивать «виноватые». Кричали вокруг неё и ругались, она понимала плохо. И, возвращаясь домой, всё так же пешком, не ощущала ни ветра, ни холода, ей только сильно хотелось спать.

Выла метель, но ранняя зимняя темень её отгоняла и обнимала Татьяну Петровну покоем. Свет с потолка, кухня в родительском доме, на матери платье в зеленый горошек, засучены рукава, отец в линялой рубашке, сестричка в платьице на трёх пуговках, Таня стоит у окна... «Счастье, — проходит в сознании. — Счастье».

Села, уткнувшись лицом в сугроб. Топится печь, горкой дрова на железном листе, «плачет», оттаивая, окно, все за столом, дымятся вареники... Счастье! Тихо на душу ложилось тепло, котик пушистый тёрся о ноги. Котик пушистый... Вздрогнула даже сквозь смертный сон: кошки голодные! И поползла. Вперёд.

БАЛ

Пережидаю, когда проедет автобус, чтобы перейти на другую сторону улицы. На фонарных столбах разноцветные флаги, — Первое мая, но демонстрация была утром, а сейчас на улице тихо. Дорога булыжная, между желтых камней песок и все, что наташилось сюда за долгие годы. Ходить по дороге трудно, вихляются ноги, ездить по ней тоже не мёд: трясет и автобус, и пассажиров. Но вдоль дороги мягкий гудрон тротуаров, изрытый каблуками и голыми пятками, среди которых я, при желании, нашла бы немало своих.

Пастухи гонят коз, и, наверное, бабушка ждёт свою Маньку, держа наготове ломоть чёрного хлеба. Улица в этом посёлке единственная, тянется километра на три. Когда-то давно подрубили Курмаковскую гору, проложили дорогу и по её сторонам выстроили бараки и каменные дома. Влево — гора на подъём, и потому к каждому дому крутые высокие лестницы. Вправо гора опускается к речке, и вдоль дороги бараки. Речка в больших валунах, вода, обегая их, кружит, нет здесь ни кустиков, ни деревьев, только промыты местами овраги. Близко к баракам железнодорожное полотно, ходят составы — до шахты, потом обратно. Я часто машу машинисту, и он помашет. И чем-то мне душу щемит эта картина, словно бы вижу себя издалёка — в выцветшем платьице, в вязаной кофте с оттянутыми карманами.

Гора разбита на огороды, но ничего не родится, кроме картошки. Копают картошку под осень: тихое небо, тянется

дым от костров... Мы запекаем картошку в золе, мундир её трескается, картошка разламывается и обжигает паром; слегка остужаешь, снимаешь мундир и посыпаешь картошку солью.

Наш город на многие километры, он среди гор и потому в каждой долине, на каждой горе посёлок, а в совокупности — это город. Химические заводы, шахты, ГЭС, ГРЭС, фабрики. Живу я в посёлке Северном, он современный, зелёный, всё асфальтировано, но тянет меня сюда, потому что здесь воля!

Спуск к барaku, в котором живёт моя бабушка, усыпан мелким углём и шлаком. С дороги барак некрасив, приземист, но со двора — почти двухэтажный: низ для угля. Высокие деревянные лестницы ведут на площадки, а от площадок — к крылечкам. Бабушкина квартира с угла, крылечко с перилами, а у перил скамейка. Как хорошо тут летом! Солнце палит, капает с крыши гудрон, сосед дядя Гриша цепляет на кухне шланг, перекидывает через окно и весело поливает нас, ребятишек.

Бабушка встречает меня на дороге, встречает неласково:

— Пошто башка-то лохматая?

— Модно.

— Ужо лохматая больше ко мне не ездит!

Она вовсе не сердится, она меня любит. Пока ожидаем Маньку, я успеваю ей рассказать о доме и школе. Но вот и коза — тянется мордой к хлебу. Идёт за нами во двор, тихонечко блея.

Поднимаемся с бабушкой на крыльцо, входим в квартиру.

— Чайник согрею, будешь ватрушки? — спрашивает она.

— Буду!

Мне нравится у нее всё: ватрушки, печка, ходики на стене, два сундука — в кухне и в комнате, старое зеркало над комодом. Здесь словно какая-то сказка о чистеньком домике с половичками и непременно котом. Кот у бабушки есть — ужасно неряшливый, спит у неё в ногах.

Ватрушки тёплые, из духовки. Ем за столом у окна, из которого видно Лысую гору, куда мы ходим за земляникой. Эта гора с раннего детства тянула меня, всё мне казалось, что там, за вершиной, что-то особое. Ватрушки вкуснейшие, чай тоже вкусный, бабушка добавляет в заварку липовый цвет. Чайное блюдце старинное, эмалированное, на него я кладу из тусса колотый сахар. Меняется как-то жизнь, меняются вещи, и только бабушка окружает себя тем, что было когда-то. Когда-то...

Выполз из комнаты кот.

— За ватрушкой явился?

— Не балуй, — отводит бабушка мою руку. — Он сытый.

Стукнула дверь в квартиру соседа — Аркадий пришёл; у них с бабушкой общий крохотный коридорчик. Бабушка его опасается: Аркадий партийный, ей кажется, что партийные обладают огромной властью. Аркадий вечно чем-нибудь недоволен и кому-то завидует. «Алошный стал народ», — говорит о нём бабушка.

Она идёт подоить козу, а я, убрав со стола, заглядываю за занавеску, которая в кухне прикрывает одежду. На вешалке старый пиджак и две телогрейки, в которых зимой бабушка ходит на улицу. Под вешалкой, тоже за занавеской, сундук. Сколько раз я сидела на нём, укрытая ото всех, разглядываю клеёнчатый коврик, прибитый к стене, чтобы одежда не пачкалась об извёстку! На коврике крупно наляпан рисунок: казак на коне, рядом хохлушка в ярком платке — провожает. И подпись: «Жди меня, и я вернусь. Богдан Хмельницкий».

Зачем мне хотелось забраться куда-то, чтобы меня не увидели? Ну, ладно за занавеску, тут было даже уютно; но на чердак в нашем доме? Забраться — и к слуховому окну, перед которым четыре ступеньки. Сидеть на ступеньках, смотреть на привычную улицу, двор — и ждать... Чего я ждала?

Прохожу в комнату. Стол посредине, справа и слева кровати, старенький шкаф в углу, рядом сундук, близко к окошку фикус. Дома у нас тоже был фикус, но надоел, и его заменили китайской розой. Справа от фикуса древний комод, стеклянная ваза на нём и кошка-копилка.

Вернулась бабушка, принесла молоко. Позвала:

— Марлю дёржи. — И принялась цедить молоко в кастрюльку.

Снова садимся за стол, подогрев на электрической плитке чайник. Я не хочу есть, а бабушка медленно, думая что-то, отламывает кусочки ватрушки.

— Помру скоро, — говорит. — А ты большая стаёшь... Я смолоду на тебя обличьем была похожа. У тебя язык болё долог. Ништо-о, укротят, как замуж выйдешь.

Мне страшно: неужели её не будет? И не будет цветных ромашек в маленьком палисадничке? И никто не встретит меня? И кончатся наши вечерние посиделки на теплой барачной лестнице?

— Как же я без тебя? — Хочу погладить её по плечу, худенькому, как у птички.

— Дак ить... — Бисерная слезинка скатывается по её носу, растекшись в морщине.

— А кто мне новое платье купит? — тормошу. — Вон какое красивое подарила к Новому году. Сама выбирала или кто-то помог?

— Сама. Цветики болё баские.

Я видела у бабушки фотографию, где она еще молодая: одета в самотканую юбку и какую-то, словно солдатскую, ситцевую рубаху. Как мечтала, наверно, о «цветиках»! Смотрим с ней из окна на гору и видим одно и то же: как увязывает она вожжами охাপку сена, тащит его на спине, согнувшись, изредка смахивая набегающий на глаза пот...

На крыльце затопали ноги. Ввалились внучки Валя и Таня. Валя моя ровесница, ей тоже пятнадцать лет, Танька младше нас на два года.

Мгновенно все полетело кувырком!

— Ты чо, модную стрижку сделала? А мать твоя чо? Танька уши вон проколола, так мать ей туфлей по уху! Пойдешь на танцы?

— Тише, выгоню не то! — прикрикнула бабушка. — Аркашку тревожите.

— Да ну его!

— Тише, говорю!

— Может, поели бы? — спрашиваю сестер. — Ватрушки вкусные, еще теплые.

— Нет, сегодня же бал! Дома мать не отпустит. Валька, где тушь для ресниц? — Для чего-то раздеваются до комбинешек, кидая платья на спинку кровати в кухне.

— Согрешишь с вами! — бормочет бабушка и уходит на улицу.

Валя ищет расческу, Танька не может отыскать тушь.

— А ты чо? — пристают ко мне. — Пошли тоже!

— Да не в чем, я не готовилась.

Чтобы не мешать, уйду вслед за бабушкой. Она сидит на ступеньке лестницы, уложив на коленях натруженные руки, ворчит по адресу Вали и Тани:

— Халды, прости господи, нету с имя никакого способу. — И неожиданно говорит мне: — В сундуке баское платье, купила тебе. Не блудите долго, сёдня праздник, пьяных много. Аркашку не потревожьте, а то станёт с вас. В окно мне стучите.

— Я не пойду.

— Не перекорайся!

Мы возвращаемся с ней в квартиру, она отпирает сундук, и я вижу ситцевое бледно-сиреневое платьице в мелкий цветочек, с карманами.

— Ужо хотела подарок сделать, — достаёт его бабушка.

Надеваю. Платье мне велико, длинновато, да и помялось. Да и вообще — разве оно для бала? Но бабушка убеждена, что платье очень красивое, надо лишь подутюжить. А Валя и Таня уже подкрасились, уже наряжаются. Ладно, и я пойду. Включаю огромный тяжёлый уют и, расстелив на столе фланелевое одеяльце, глажу.

Выходим из дома. От клуба слышится музыка, настроенные поднимается, я забываю, во что одета, и отдаюсь предстоящему празднику. Небо призрачно-жёлтое, солнце садится, но долго будет светло — белые ночи сейчас.

В сквере у клуба воздух с горчинкой от клейких листиков тополя. Как я люблю этот запах! В городе сплошь тополя, и весной этот запах с горчинкой словно душистой волной накрывает. Мы покупаем в кассе билеты, вливаемся в праздничную толпу, а на эстрадке уже оркестр: две электронные гитары, ударник и саксофон. Музыка из динамика умолкает, начинаются танцы. Я жду, что меня пригласят, смотрю на парней, однако никто не спешит, зато Валя и Таня пользуются успехом.

Стою и завидую. Музыка плавная, томная, и мне грустно. Танцы идут один за другим, сёстры мои раскраснелись, а я собираюсь домой. Вот только предупрежу их и сразу уйду. Но тут оркестранты заканчивают; объявляется лотерея: в конце лотереи будут озвучены выигрыши, и предстоит потеха. Мне почему-то не хочется никого потешать, а сёстры мои вертят барабан и вынимают билетки.

Барабан опустел очень быстро. И началось! Импровизированный концерт, шум и хохот! Несмотря на белую ночь, зажглись фонари, стало как будто теснее, уютней, я уже не стеснялась своего платья, лезла к эстрадке, и рот мой не закрывался. Танька выиграла песню и выла страшным голосом «Очи чёрные».

Снова танцы, и даже меня пригласили, я закружилась, забыв о сёстрах, о бабушке — обо всём!

Но бал как-то «быстро» закончился, хоть времени было два часа ночи. Идём по улице, Танька орет «Очи черные», кто-то смеётся за нами, кто-то кричит. Постепенно ватаги редуют; к бараку подходим втроём, из-под ног скатываются уголь и шлак. Поднялись на крыльцо, дверь изнутри закрыта, стучаться нельзя, чтобы не потревожить соседа; как же домой попасть?

— Бабушка же сказала: «В окно мне стучите».

— Так не достать.

— А всё Аркашка противный, из-за него!

— Холодно!

— А если Аркашке в окно? (Оно с площадки, и очень низко).

Валя насмелилась. Стукнула, как синица — коротко, осторожно. Зажёгся свет.

— Идет! — прислушалась я.

Ругаясь, что будят посреди ночи, сосед открыл дверь. Рассыпавшись перед ним в благодарностях, мы тихо проникли к бабушке в кухню, однако она услышала, сказала слабо:

— Свет-от включите. Компот сварила. Хлеб берите в столе.

Ободрённые ее добротой, мы хоть и вполголоса, но заговорили бойко.

— Танька, тащи кастрюлю на стол.

— Хлеб, хлеб ещё!

До этого мне есть вроде бы не хотелось, но теперь желудок чуть ли не вслух завопил о голоде.

— Ватрушек не осталось? Танька, пошарь в духовке!

Пока мы с Валею переодевались, накидывая в кухне на спинку кровати свои вещички, Танька накрывала на стол.

— Мне ягод побольше! — совалась Валя со своей кружкой.

— Ты прямо одна только хочешь!

— Тише! — простонала из комнаты бабушка.

Мы присмирели. Встали к столу, Валя возила половником по днищу кастрюли, половник бренчал, набирал жижу, но ягоды попадали редко. Снова и снова его опускали, снова скребли по дну...

Танька наелась первой. Обмыла под краном руки, не замечая, что острые бабушкины глаза следят через скос дверного проёма. Потянулась, провела ладонями по сытому животу:

— Надо бы жир сбросить. Очи чёрные, очи жгучие, очи страстные и прекрасные! — Мы с Валею оцепенели.

Молниеносно бабушка, с зажатыми в кулачке вожжами, оказалась в кухне, молниеносно вожжи засвистали по нашим головам и спинам.

— Ироды! Стыда нетути! Ужо запоёте теперя! — Она кричала как в поле, совершенно забыв про Аркашку.

— Бабушка! — увертывались мы от вожжей, которые были не чем иным, как распушенной транспортёрной лентой с коксохимического завода.

— Не напелися ишшо? Не наплясалися?

Я спряталась за сундук, умоляла:

— Ну больно же, баб, ну хватит!

— Домой поезжай! Страмина! — Она опустила в бессилии вожжи, села на кухонную кровать. — Боже ты мо-оой! — раскачивалась; простенький крестик на серой суровой нитке перекоился на впалой груди через вырез ночной рубашки, седая косица свесилась на плечо. — Боже, дай жисть мне увидеть утрем!

Валя шпыняла сестру:

— Ломало тебя, идиотка! Певица заслуженная!

— А сама-то? «Вале-ерку люблю!» Видела я, как любишь. Извертелась вся перед Славиком.

— Ещё не угомонились? — вскочила бабушка. А ведь с вечера умирать собиралась.

...Наконец, стало тихо. Я легла рядом с ней. В голове каруселью кружился бал, круги становились всё шире и упоительней, в них появлялись клейкие листики тополя, лица моих «кавалеров», потом всё поплыло, поплыло... Я уснула.

СТЕПАШКА

В тот август мы компанией ехали по грибы. Тряслись в кузове небольшого грузовика, вспоминая детские годы, когда вместо автобусов были грузотакси; теперь не представить, как лезли в кузов, накрытый тентом, дети и взрослые, но всё, что ушло, становится дорого. С романтикой добрались до леса.

— Грибов тут навалом, — сказал шофер.

Разошлись кто куда. Берёзы высокие, гладкие, и тишина. Хожу, гляжу, грибы собираю... И заблудилась. В одну сторону кинусь, в другую — берёзы одна на другую похожи. Сколько плутала, не знаю, но вышла на гребень горы. Вижу — рудный отвал с берёзовым островком. Неведомо как прижились тут берёзки. От этих отвалов дорога в город, но как спуститься? Повернула назад. Снова берёзы, прямо омут берёзовый! Внезапно вышла к машине — совсем не с той стороны, в которую уходила.

— Ты где шляешься? — налетел на меня муж. — Орали, орали!.. — Тут люди теряются, зона такая.

— Что ты кричишь, я же недолго.

— Недолго? — сунул под нос мне руку с часами. — Два с половиной часа!

Вот это да!

Кроме меня, корзины у всех были полные. Сели в машину, снова тряслись по рытвинам, ямам, потом по бетонке. Миша Прокудин всех приглашал на дачу:

— Делать-то что? День впереди.

Подумали и согласились.

Жена его встретила нас радушно, корзины с грибами переместились в погреб, а мы уселись за стол во дворе. Пока варила картошка, на стол выгружали водку, закуски, хозяйка внесла малосольные огурцы.

— У нас котёночек есть, — сказала. — Весь чёрный, а глазки голубенькие. — Может, кто-то возьмёт?

Не дожидаясь ответа, пошла искать. Когда принесла, милейшее создание перебивало у всех на руках, и уснуло в моем капюшоне. Так и сидела я за столом, боясь шевельнуться.

Застолье было весёлым, шумным, и время летело быстро. Домой возвращались под вечер. Котёнка мы с мужем забрали, назвали его Степашкой.

Степашка еще не умел пить из блюдца, тыкался носом в мою ладонь, потом смешно, по-пороссячьи, швыркал. А когда напился, устроил козлиные прыжки! Да не просто скакал, а норовил мне в ноги вцепиться. К вечеру мои ноги до самых колен были исполосованы.

— Я тебя завтра же верну! — пообещала.

Котёночек вроде бы понял, скакать перестал, но принялся выписывать передо мной восьмерки — этакое ехидное переплетение лап, когда за ними не видно, что у деточки на уме.

— Ну, ты и фрукт!

И тогда он вскарабкался мне на колени, да так простодушно и преданно, что сердце моё растаяло.

Неделю мы жили в относительной дружбе. Потом он начал мне помогать: редактировал рукописи. В клочки рвал! Я ловилась за эти клочки, а котёнок смотрел на меня как профессор. И летели с письменного стола бумаги, ручки, очки; наконец, и лампу настольную сворочил.

— Стёпа, — озлилась я наконец, — давай заниматься каждый своим делом. — Квартира наша на первом этаже, в полу, прямо под моим рабочим столом был проделан кошачий лаз — ещё мой отец его выпилил, когда у нас жил кот Васька. — Иди-ка мышей лови! — подтолкнула котенка к лазу.

И что? Ушёл. На двое суток. Я уже по соседям бегала: не видел ли кто черненького котеночка с голубыми глазками?

— Да вот он, под полом у нас сидит, — сказала Юля из восьмой квартиры. (У них в квартире был тоже кошачий лаз). — Я его колбасой кормлю. Зову к себе, не идет. Опустила ему молоко в черепушке, напился и начал икать, совсем ещё маленький.

— Стёпка, — пришлось мне спуститься в подвал. — Иди, мой хороший!

Котёнок сидел за какими-то брусьями и поглядывал с недоверием.

— Иди, ну иди! — унижалась я. Но он еще с полчаса мотал мне нервы, то прячась за брусья, то показывая голубой глаз. Вылез все-таки.

И опять началась у нас жизнь на попреках.

— Мне на ботинках до ниток шнурки распустил, — ругался муж.

Поняв, что шнурки лучше не трогать, Стёпка начал приборку квартиры: всё, по его мнению, лежало не на своём месте. Летели на пол шарфы, флакончики, коробочки... В комнате моей мамы столкнул с подоконника цветочный горшок, а цветочки сжевал. От такой серьёзной работы усталость наваливалась, ложился на диван, и тогда мы ходили на цыпочках: пусть подольше поспит.

Просыпаясь, он прыгал на стулья, на стол, на окна, прыгал в прихожей на нашу одежду, карабкаясь вверх. Пришлось снова выпроводить в подвал, так нет, он вернулся да ещё с другом! Друг оказался бедовым: молоко из Степкиной миски выпил, рыбку съел, на Степку ещё и гудел, растопырив лапы и вздыбив шерсть.

— Гуделочка, ты чей? — смеялись мы с мужем.

Потом искали его хозяев.

Осень в тот год была тёплой, сухой и очень красивой: каких только красок было не напридумано! Я вынесла Стёпку на улицу. Он за два месяца сильно подрос, глазки стали зелёными, шёрстка пригладилась. Славная возле нашего дома лужайка, в детстве мы целыми днями играли на ней. Стёпка забрался на липу, дополз до самой верхушки, обломил ветку — и шлёпнулся наземь. Пока бежала к нему, он исчез. Искала, звала — как растворился.

Несколько дней я бегала на лужайку без всякого результата. Стёпка сам наконец объявился, горько мяукая у подъезда.

— Надо тебе ошейник, — сказала, увидев его, несчастного и голодного.

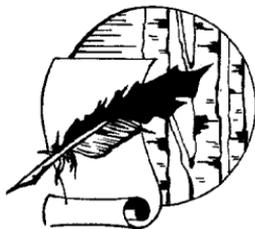
Немного оправившись, он принялся за телефон. Только звонок — мчится вперёд меня. Однажды чуть лоб себе не расшиб о мою ногу.

Иногда я садилась за пианино, он слушал, но так снисходительно, будто хотел сказать: «Ладно уж, поиграй, моя бабушка тоже играла».

Так мы дожили до декабря. Тридцатого муж установил в зале искусственную елку, я наряжала, а Стёпка мне помогал: «привязывал» к игрушкам оборванные ниточки, «распутывал» дождь и жевал его. Потом отнимал у меня игрушки, потом забрался в коробку и самолично «выбрал» два шара. Отказываться от его помощи было бесполезно, чем больше я отказывалась, тем больше он усердствовал. Когда под ёлку поставила Деда Мороза, стало ещё веселей. Сначала Степашка порвал его ватный халат, затем ненавистно сшиб лапой и улёгся на его место. Зажгли гирлянду. И тут любимчик наш начал прыгать! Прыжок между веток — игрушки летят во все стороны! Гирлянда погасла, ёлка склонилась набок.

— Встретили Новый год? — завопила я. Стёпка «не слышал». Опираясь лапами о ветки, он кружил елку изо всех сил; запутались между собой дождь, гирлянда и бусы. «Милое создание» пришлось запереть в другой комнате. Там оно долго и обиженно возмущалось, но когда выпустили, Степашка к ёлке уже не лез. Он только лёг вместо Деда Мороза.

28 февраля наступил год Кота, и был в полном смысле годом Степашки; но рассказывать обо всех его фокусах долго.

СТИХИ
ПОЭТОВ ДОНБАССА

Владимир СКОБЦОВ

МОЙ РАЙ

Мой рай, мой край. Об этот край суровый
Ломают копья, расшибают лбы.
Я создан из его любви и крови,
Труда и воли, слова и судьбы.

Его судьба — нелёгкая дорога,
По ней он шёл, не полз и не петлял.
В лицо он видел дьявола и Бога,
Пред ними не скулил и не вилял.

Был столько раз оболган, продан, предан...
Лицом к беде, у смерти на краю,
Он никогда не называл соседом
Родную мать и Родину свою.

Он прям, упрям, он твёрд, не терпит лени,
Он бил всегда за подлость по зубам,
Он никого на ставил на колени,
Поскольку никогда не встанет сам.

НЕ ИЗМЕНИ

В который век в рассветной мгле
Тебя сирены вой разбудит,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Когда накроет тьма зенит
И души глохнут от орудий,
Своей земле не измени,
А остальное — будь, что будет.

Когда страна твоя в огне
И слёзы горя не остудят,
Не измени своей земле,
А остальное — будь, что будет.

Тот, кто останется живой,
Пусть наши судьбы не осудит,
Я буду чист перед тобой,
А остальное — будь, что будет.

АПОСТОЛ

— Держись, держись, прорвёмся, братик,
Ещё зубами будем рвать их,
Ведь на войне, не на кровати,
Навылет, а не наповал.

Жизнь тяжела, а смерть крылата,
Плевать ей, кто укроп, кто вата,
Кому Россия виновата,
А кто Донбассу задолжал.

Ждут нас небесные альковы,
Да снайперы, видать, хреновы,
И песни пуль для нас не новы,
И мы со смертью не на «вы».

Ты покури, а я прикрою,
Смотри: за первую звездою
Гуманитарные конвои
Везут усталые волхвы.

И Ирод цел и жив покуда,
Гешефт свой делает Иуда
И мы тобой не верим в чудо,
И на войне, как на войне...

Разорван в клочья мира атом,
Нешадно кроя небо матом,
Апостол в должности медбрата
Мессию тащит на спине.

г. Донецк, ДНР

Владимир СПЕКТОР

* * *

Когда прилетают снаряды,
То ангелы — улетают.
Эхо их хрупких песен
Дрожит, отражаясь в кострах.
Снаряды взрываются рядом,
И все мы идем по краю
Последней любви, где свету
На смену приходит страх.
Снаряды летят за гранью,
Где нет доброты и злобы,
Где стало начало финалом,
Где память взмывает сквозняк.
Вновь позднее стало ранним,
И ангел взмолился, чтобы
Вернулась в наш дом надежда,
Но, прежде — чтоб сгинул мрак.

* * *

Я, к сожаленью, видел это —
Плевков ракетный, роковой...
И стало окаянным лето,
А тень войны над головой

Накрыла сумраком смертельным
Любви погасшие зрачки,
Где отразился понедельник
Началом траурной строки.

г. Луганск, ЛНР

Владислав РУСАНОВ

* * *

Уходит всё — виденья, знаки, сроки,
Стихи от первой до последней буквы.
Шуршит пергамент в горле, вязнут строки
И рифмы на зубах скрипучей клюквой.

Тень с запада зовёт, играет, манит
Похлёбкой за уступку первородства.
С натугой тянет скарედные длани
К востоку. Залп. И пала тьма на Город.

Но Город жив и вопреки наветам
Восстанет, смерть поправ, неопалимый.
Чем гуще мрак, тем ближе час рассвета.
И знай — с востока свет, с востока силы!

г. Донецк, ДНР

Наталья МАВРОДИ

ЛУГАНСКОЕ ЛЕТО 2014 ГОДА

Мы — заключённые войны,
Дома, квартиры — казематы.
Не знаем за собой вины —
Лишь тем, что живы, виноваты.

Вновь — росчерк залпов за окном
И в щели воздух жарко дышит.
И страшной жатвы дальний гром
Поля багровые колышет.

Осколки, пули всех мастей
Жужжат и жалят наши души,
И сводки разных новостей
Нелепостью мозги нам сушат.

А где-то там за горизонт
Всё так же облака стремятся
И разноцветный пляжный зонт
Беседует с журнальным глянцем.

Решают тысячи проблем —
Жизнь так сложна и непонятна!
У нас же главная из тем:
Чем смыть с асфальта крови пятна.

г. Луганск, ЛНР

Александр МОРОЗОВ

ПОЛОВИНА СОБАКИ

Намечается новая драка,
Перерезана пуповина.
На соседском заборе — собака,
А вернее — ее половина.

По поселку стреляют с востока,
Вновь на прочность проходим проверку.
На оборванной линии с током
Провода коротят фейерверком.

Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...

Слышал здесь я и правду, и враки,
Видел здесь и Христа, и Иуду,
Но глаза половины собаки,
Я навряд ли когда-то забуду...

г. Дебальцево, ДНР

Виктор МОСТОВОЙ

* * *

Лютуют «незалежни» и «свидомы»,
Несут и смерть, и слёзы артобстрелы.
Взошла заря, платок накинув вдовий,
И на Донбасс сквозь чёрный дым смотрела.

Мой край, ты искалечен и изранен,
Земля моя в воронках и осколках,
Но выстоит Донбасс, и утром ранним
Взойдёт светло и улыбнётся зорька!

* * *

Стоял я, а ноги, как гири,
И в кровь искусал губу.

Отец, тебе легче в могиле,
Намного спокойней в гробу.

Тебя убаюкала вечность.
Не знаешь ты, сном тем объят,
Что снова беснуется нечисть
Нацистско-бандеровских банд.

Теперь ты общаешься с Богом,
Но было, что в юность твою
Ворвалась фашистская погань —
Её победил ты в бою.

И мы победим — будь уверен —
Шахтёрскую землю спасём!
Пришёл к монументу я в сквере,
Склонился над вечным огнём.

г. Стаханов, ЛНР

Марина БЕРЕЖНЕВА

* * *

Этот город, в котором поётся и дышится так,
Как, пожалуй, нигде в моей жизни ещё не дышалось.
Славный город, для многих друзей — негасимый маяк,
В твоей общей судьбе наших судеб немало смешалось.

Средь жемчужных степей и зелёных фруктовых садов,
Рукотворных вершин твоих сопок — твоих терриконов,
Ты живёшь — ты мечтаешь о мире, но всё же готов
И в бою отстоять своей чести святыя законы.

Город стойкий и сильный, Донбасса святая святых —
Мой Донецк — моя боль и мечта, озаренная светом.
Ты под снежным покровом сегодня устало притих —
Чтобы, всё пережив, расцвести уже будущим летом.

Я сегодня опять прогуляюсь по тропкам твоим —
По бульварам пройду, под пушистою шапкою снежной.
Чтоб ещё раз впитать и навек его сделать родным —
И тебе передать свою веру, отвагу и нежность...

г. Донецк, ДНР

Вячеслав ТЕРКУЛОВ

ДОМ. ВОЙНА

В нашем доме давно
не горит свет —
никого нет,
Только ставен скрип, только стекол блеск — неба силуэт.
Здесь когда-то плыл детский говорок, словно между строк,
А теперь — гарь, пустота стен, стоптанный сапог.
Мир сошел с ума много лет назад, много зим назад.
Мир искал путь, но нашел путь в безусловный ад.
Он раскрыл рот, чтобы рассказать, как не нужно жить,
Но, раскрыв рот, не нашел слов, и давай выть!

И хлестал дождь под протяжный вой по полям тел,
А потом снег
хоронил их,
безупречно бел.
Рушил города грохотом своим бессердечный гром,
А потом Мир наказать решил наш с тобой дом.

За мои слова «Я тебя люблю», за твои слова,
За вечерний чай, за ночной свет, на траве дрова.
За не ту речь, за не те дни, за не тот смех,
За чужой грех, и за мой грех, и за твой грех.
И стоит дом, пустотой глаз глядя в тот день,
Где идет дождь, где везде боль, где она всклень.
Нет моих рук на твоих плечах, нет твоих рук,
Только сердца стук, только сердца стук, только сердца стук...

г. Горловка, ДНР

Виктория ПОЛЯКОВА

* * *

Перемирие — профанация:
Гибнут дети от взрывов минных.
Я уже ненавижу нацию,
Ту, которой вчера гордилась.

ВОЗЛЮБИ! —
(Словно Каин — с нежностью?..)
НЕ КРАДИ! —
(Миллионы можно?!..)
От чего же ты «незалежная»?.. —
Под люстрацией Слово Божье.

* * *

Опять обстрел,
и страх — комом у горла...
Осенне-сер
многострадальный город.

В очередях
за хлебом, как в блокаду...
О, Горлов-град,
за что тебя из «Градов»?..

Сровнять с землей
иль скрыть до горизонтов...
Тот город мой,
где «вкалывал» Изотов,

Где шурфы шахт —
как братские могилы...
Жаль, ту войну
мы, правнуки, забыли...

И полетел
коричневой чумою
фашизм
над желто-синею страной.

Смотри, солдат,
до остановки сердца,
в глаза
тобой убитого
младенца.

Опять обстрел...

г. Горловка, ДНР

Иван НЕЧИПОРУК

* * *

Декабрьское тепло, как эликсир,
Нет веры в зиму, нервы на пределе.
И пусть смятенья с ветром улетели,
Мы с недоверьем ожидаем мир,
Под постоянным гнётом. На прицеле
У гаубиц, у САУ и мортир.

Уставший город, отряхнув тоску,
И смертный страх, живёт почти как надо,
Не думая, где грань любви и ада,
Какие козни нам опять соткут,
Каких осадков ждать? — огня иль града.
Когда минуты мира истекут...

* * *

Война ещё не пережита,
И слёзы сохнут в дневниках,
И гладь в реке ещё дрожит, но...
Но отступили боль и страх.

Война ещё не пережита,
Но многоточия пунктир,
Которым вдоль судьба прошита,
Несмело дарит веру в мир.

Война ещё не пережита,
Но время, как дитя спешит.
И день выводит на орбиту
Безумное желанье жить.

г. Горловка, ДНР

ЕВРОПА КОПАЕТ СЕБЕ МОГИЛУ

Европа гуманизмом копает себе могилу. Это очевидно для всякого здравомыслящего человека. Теперь уже русские женщины не говорят, как когда-то во времена железного занавеса в СССР: «Увидеть Париж и умереть». В Париже действительно можно умереть, приехав туристом.

«Всё лекарство — яд, дело только в дозе». Эта мудрость Гиппократа абсолютно применима для гуманизма в сегодняшней Европе. Ради гуманизма Французская революция рубила головы и взрослых, и детей. Сегодня ради гуманизма государство подвергает смертельной опасности своих граждан. В конечном счете масштабы трагедии могут многократно превзойти жертвы, к которым привела Французская революция ради гуманизма.

Сегодняшний рецепт гуманизма, в состав которого входят права человека и другие «ценности», считается единственно истинным и правильным и не подвергается сомнениям.

Гуманизм — это джинн, выпущенный из бутылки ради идеи свободы и счастья человека, начинает угрожать жизни человечества. Но европейцы принимают законы, согласно

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

которым всякие попытки загнать этого джинна в бутылку, уголовно наказуемы.

Что это такое, если не вредительство? Социально-государственный мазохизм?

В Европе господствует идеология постмодернизма. Постмодернизм — это дитя свободы и гуманизма. Это философское течение, целью которого является разрушение всех предшествующих ценностей человечества. Вот его аргументы: нет ни добра, ни зла, ни красоты, ни безобразия, ни автора, ни произведения, ни белого, ни черного и т.д. Больше всего классиков постмодернизма — выходцы из Франции.

Постмодернизм как социальное явление гораздо опаснее терроризма и гораздо страшнее. Это своего рода самоучитель по самоубийству белой расы и европейской культуры. Самое странное и страшное, что тема сохранения белой расы и традиционной европейской культуры табуирована.

Сегодня в Европе и США существует своего рода идеологическая инквизиция, которая вместе со спецслужбами ревностно оберегает «новые» европейские ценности — гуманизм, гомосексуализм, либерализм. Всё это делается якобы для сохранения свободы.

Европейцы и американцы стали рабами свободы. Это новый вид рабства, и отменить его сегодня никто не в состоянии. Всякого, кто хочет поднять вопрос об угрозе белой расе, ждут неприятности. Кстати, Россия в этом плане не исключение.

Возникает вопрос, кому это выгодно? Кто за этим стоит? Какие силы в этом заинтересованы?

Это исключительно актуальная и необходимая тема для исследования на государственном уровне. Но государственные научные центры по-прежнему занимаются переливанием из пустого в порожнее. Они думают о реконструкции верхней палубы, в то время как корабль идет ко дну.

Как не вспомнить в этом случае слова Ф.Ницше, сказанные им еще задолго до начала двух мировых войн: «Все на нашем пути скользко и опасно, причём лед, который нас еще держит, стал таким тонким. Там, где мы еще ступаем, завтра нельзя будет проходить никому».

Задолго до Ницше один английский мыслитель Френсис Бекон сказал: «Атеизм — это тонкий лед. По нему может пройти один человек, а целый народ рухнет в бездну».

Сегодня можно констатировать, что не один народ идет по тонкому льду, а идет всё человечество. И под тяжестью новых европейских ценностей это человечество может рухнуть в бездну.

Самый простой способ объяснить процессы, которые происходят в современном мире: терроризм, разложение ценно-

стей, разрушение традиционной сущности человека, в том числе и террор в Париже, — сатанизмом, приближением к апокалипсису. Но такое объяснение не устраивает многочисленных ученых, которые хотели бы увидеть логику в этом современном, уже неуправляемом хаосе.

В сущности, в мире идет война фактически на всех континентах. Глупо говорить о свободе и правах человека тому, кто хочет выиграть войну.

Самые первые неотложные меры по предотвращению всемирной катастрофы — это ограничение свобод и введение цензуры. Свобода сегодня становится причиной величайших бедствий, поэтому введение цензуры является первым и самым важным шагом любого европейского государства, если им управляют здравомыслящие люди. Цензура — это как почки в организме человека. Долго ли может организм прожить без почек, и что происходит с организмом, если почки начинают плохо функционировать. Он погибает.

В социальной жизни, искусстве и культуре цензура также необходима, как санэпидемстанция в торговле продовольствием. Продукт для желудка и продукт для души имеют то общее, что они не должны разрушать: первое — организм, второе — душу. Цензура в сегодняшних условиях — тема исключительно важная. Она назрела. И наиболее талантливые, одарённые, честные люди понимают это. Там, где есть цензура, там возможности терроризма уменьшаются во много раз. Цензура должна служить исключительно интересам белой расы и европейской культуры.

Валентин КАТАСОНОВ

ТЕНЬ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ

История возведения небоскребов в разных точках земного шара не столь уж и давняя. Первым небоскребом в мире считается 10-этажный The Home Insurance Building в Чикаго, построенный в 1885 году. В 1891 году был построен 11-этажный небоскреб в Сент-Луисе. В том же году над небоскребом в Чикаго надстроили еще два этажа, и он опять стал самым

высоким в США. К многоэтажному строительству побуждало то, что земля в американских мегаполисах быстро дорожала. По меркам XXI века те здания кажутся очень скромными. Что ж, есть повод лишний раз подумать о том, как быстро меняется мир.

К первым высоткам с полным правом можно отнести и Эйфелеву башню в Париже высотой почти 313 метров, сооружённую в 1889 году. Башня надолго стала недостижимым рекордсменом высотного строительства. В XX веке сенсацию произвели небоскребы в Нью-Йорке на Манхэттене. В 1930-е годы корпорацией Chrysler Corporation был возведен высочайший в мире небоскреб Крайслер-билдинг высотой 319 метров, а уже в следующем году появился новый рекордсмен — 102-этажный небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг высотой 443 метра.

Сооружение Эйфелевой башни и двух нью-йоркских небоскребов уже не диктовалось экономической необходимостью. Это были проекты, нацеленные на повышение престижа города, компании, государства. Затраты на нью-йоркские небоскребы до начала Второй мировой войны так и не окупились.

Эмпайр-стейт-билдинг держал пальму первенства в США до 1973 года, когда в эксплуатацию был введен Всемирный торговый центр (World Trade Center) — комплекс из семи зданий, спроектированный Минору Ямасаки. Архитектурной доминантой комплекса были две башни, каждая по 110 этажей: Северная (высотой 417 м, а вместе с установленной на крыше антенной — 526,3 м) и Южная (высотой 415 м). 11 сентября 2001 года комплекс ВТЦ был разрушен. После восстановления к 2014 году его основного корпуса новая высота Всемирного торгового центра вместе с антенной достигла 541 м.

Выявлена интересная закономерность: активизация высотного строительства обычно предшествует экономическим кризисам. После Крайслер-билдинг и Эмпайр-стейт-билдинг, которые появились в разгар мирового экономического кризиса 1929—1933 годов, эту закономерность продемонстрировали и многие другие высотные проекты.

Экономику возведения небоскребов следует отнести к сфере иррационального. Мотивация их строительства преимущественно не экономического характера. Даже применительно к американским мегаполисам сделаны расчеты, которые показывают, что окупаемость высоток начинает падать при высоте более 60 этажей. Тем более это справедливо в отношении многих других стран, где земля не столь дорога, как в США. Там разумным пределом является высота 50, 40 и ме-

нее этажей. Однако именно за пределами США сегодня наметился бум такого странного, иррационального строительства.

Особенно активны нефтедобывающие страны, накопившие в своих суверенных фондах сотни миллиардов долларов резервов. Сферы приложения инвестиций для суверенных фондов сужаются. США и другие страны Запада активно противодействуют покупке на их территориях активов реального сектора экономики, прикрываясь соображениями национальной безопасности. Запад дает зелёный свет лишь инвестициям в долговые бумаги своих казначейств, что на практике означает почти беспроцентное кредитование экономик стран «золотого миллиарда». Вот и остается у нефтедобывающих стран небогатый выбор: либо западные «казначейки», либо престижные небоскребы.

Сегодня первое место в соревновании по высотному строительству держат Объединённые Арабские Эмираты, где находится самый высокий в мире небоскреб Бурдж-Халифа, достигающий 828 метров. Однако пальму первенства может захватить Саудовская Аравия, заявившая о планах возведения в городе Джидде самой высокой башни в мире под названием Бурдж аль-мамляка («Башня королевства»). Jeddah Economic Company и Saudi Arabia's Alinma подписали документ о финансировании проекта на 2,2 миллиарда долларов. Дата завершения работ — середина 2017 года. Высота небоскреба будет составлять 1000 метров, площадь помещений — 5,3 млн. кв. м. К концу 2015 года строительство, для которого требуется около 80 тысяч тонн стали, дошло до 26-го этажа. Из окон высотного здания будет открываться потрясающая панорама на Красное море. Организаторы проекта признают, что строительство сопряжено с рисками: во-первых, морская вода может повредить основу небоскреба; во-вторых, для сооружений такого масштаба существует опасность ветровой нагрузки. Однако, несмотря ни на что, строительство продолжается в атмосфере нездорового азарта.

Появилось даже выражение «Вавилонская гонка». В неё включаются и другие нефтедобывающие страны. Так, о строительстве башни высотой под 1 километр заявил Азербайджан. Однако самым сенсационным стало сделанное в конце 2015 года заявление о строительстве небоскреба в Ираке, в городе Басре — крупнейшем нефтеперерабатывающем центре страны и одном из наиболее быстро развивающихся деловых центров Ближнего и Среднего Востока. Заявленная высота небоскреба — 1,1 км. Небоскреб будет состоять из 4 башен, соединенных между собой горизонтальными и верти-

кальными перемышками. Самая высокая точка с южной стороны покроеется «фатой» — солнечными панелями, которые преобразуют солнечную энергию в электрическую. Новая башня получит название «Невеста». Предполагается, что её строительство будет завершено к 2025 году.

Такого рода мегапроекты далеко не у всех вызывают восхищение. Многие специалисты, внимательно присматриваясь к конструкциям и оформлению небоскребов, давно обратили внимание на то, что их архитектура несет вполне определённую смысловую нагрузку. А именно: многие из этих сооружений напоминают образ знаменитой Вавилонской башни, о которой говорится в Священном Писании.

Вавилонская башня не имела отношения ни к экономике, ни к обороне, это был проект религиозного свойства: опыт самоутверждения человека как Бога, соперничества человека с Богом. В Книге Бытия читаем: *«Исказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя...»* (Быт. 11:4). Это был главный мотив строителей Вавилонского столпа, действовавших по повелению Нимрода — первого в истории правителя-богоборца.

Нимрод был посрамлён: Бог разрушил Вавилонскую башню. Её строители перестали понимать друг друга, заговорили на разных языках и были рассеяны по лицу земли. Сам Нимрод, по преданиям, во время разрушения башни погиб. Подтверждения этой истории люди черпали не только из Священного Писания, но и из многих других источников — хроник Иосифа Флавия, Геродота, археологических находок.

В христианском обществе те далекие события в Вавилоне всегда читались как урок и предупреждение. Строительство небоскребов настораживает и мусульман. Образованные мусульмане хорошо знают историю Вавилонской башни и Нимрода, а, кроме того, строительство величественных зданий относится в мусульманской традиции к малым признакам Судного дня. Сказано: когда пастухи начнут соревноваться в строительстве домов, это и будет знамением конца времён.

Вот почему символика башен «высотой до небес» выглядит зловещей, особенно проект небоскреба в Ираке: ведь именно на территории Ирака находятся руины Вавилона, и в этом смысле башня в Басре — римейк башни Нимрода.

И тут нельзя не задуматься о Европе. Одним из символов Евросоюза является здание Европарламента в Страсбурге, сооружение которого было завершено в 2000 году. Налогоплательщикам «единой Европы» это строительство обошлось в 12 млрд. долларов. Объект имеет вид недостроенного зда-

ния, и специалисты единодушны в том, что проект делался по известной картине Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (1563 г.). В результате в центре Европы появился «Вавилон-2». Постхристианская Европа довольно спокойно восприняла это вызывающее архитектурное новшество, редкие протесты даже не попали в СМИ. Штаб-квартиру высшего законодательного органа ЕС иногда называют «башней Евровавилона».

Не придётся ли «единой Европе» уже в ближайшее время расплачиваться за игру со зловещим символом? Ведь проект Евровавилона (Вавилон в переводе означает «смешение») дал трещину, толпы мигрантов нахлынули в Европу как раз из тех земель, где некогда возводилась Вавилонская башня. Воссоздавая этот символ, Европа может получить совсем не символическое столпотворение и смешение.

Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ

ИДЕОЛОГИЯ ПОСЛЕДНЕГО ХАЛИФАТА

Идея нового халифата зарождалась еще в Аль-Кайде. А то и раньше. Во всяком случае, уже в головах офицеров Бен Ладена в Ираке зародилось напряженное эсхатологическое сознание, основанное на ожидании скорого прихода Махди (мессии). Они ждали, что мусульманский мессия Махди вот-вот придет и наконец-то возродит напряженно чаемый ими халифат. И это будет полнейшая и окончательная победа ислама над «крестоносцами». Правда, этот новый халифат просуществует недолгое время. А потом разразится апокалипсис и наступит конец света. Еще в 2011 году один из лидеров будущего ИГИЛ аль-Аднани говорил о намерении со-

здать этот новый всемирный последний халифат перед наступлением апокалипсиса. Причем создать его необходимо как можно быстрее, «ибо осталось очень мало времени...» Аль Багдади прямо говорил, что исходит из предсказаний Порока: в 2013 году он заявил: «Наша цель — основать Исламское государство, которое не признаёт границ. И которое выполнит заветы Пророка».

А по утверждениям аль-Багдади, победа армии халифата над армиями Рима (т.е. «христиан-крестоносцев») произойдет неминуемо... Рим будет разгромлен, и халифат завоюет Европу. И весь мир. А дальше — апокалипсис...

Интересно то, что у греков, да и у нас, русских, учение о последних временах очень похоже на эти, скажем так, «пророчества». Только у нас, православных, естественно, все произойдет с точностью до наоборот. Чаемая картина примерно такая: в Сирии, в районе Алеппо, столкнутся различные армии. Потом в войну вступит Турция, и начнется война между Турцией и Россией. Дальше в войну против России вступит Европа и потерпит сокрушительное поражение. Турция развалится. Треть турок будет уничтожена, треть уйдет в глубины Азии, и треть примет Православие. Россия завоюет Константинополь и передаст его Греции. В России в это же время будет явлен Царь и будет восстановлена Монархия. Вокруг России славяне и все православные христиане объединятся в одну мощную и непобедимую православную Империю. И в ней наступит благоденствие. Потом придет антихрист. Ну а затем апокалипсис...

Этих предапокалиптических сценариев развития событий уже наступивших последних времен, по крайней мере, несколько. Есть сценарий американских еврейских и протестантских сионистов, т.н. «неоконов» (новых коганов), которые так же, как и имамы и боевики ИГИЛ, собираются уничтожить старый мир и на его месте построить не исламский халифат, а «Град на горе», в котором во главе с евреями и будет жить интеллектуальная элита человечества. Остальной, оставшийся после последней битвы мир будет стройными, прочипированными колоннами поклонятся этим новым, живым богам, где-то там, внизу, в долине, у подножия Горы. Есть также апокалиптическое учение протестантизма, которое сильно отличается и от исламского и католического проектов. Есть предсказания о последней войне и у православных. Причем, здесь тоже несколько отличаются русский и греческий варианты.

Во всяком случае, мы, православные русские, безусловно, верим в слова, сказанные преподобным Серафимом Саровс-

ким о том, что Россия после многих мук и сражений возродится еще более сильной, чем была. И будет твердой рукой ею править русский царь, которого неожиданно для всего мира явит нам Господь. Но перед этим будет война... Кажется, времена сбывания этих Серафимовых пророчеств — наступили. На это указывают и бои в Сирии, и события в Турции. Скоро всё в мире кардинально изменится. И вся Россия, весь русский народ, как и во время Великой Отечественной, сплотится в единый броневой кулак. А т.н. «пятая колонна» частью сбежит в Америку и Израиль, частью замаскируется под новых патриотов, а частью будет просто сметена священным гневом русского народа и железной волей русского Цезаря. И никто их тогда не спасет.

Интересные вещи по нашей теме войны цивилизаций замечает также Константин Затулин в «Известиях» (2 декабря 2015 года). Он пишет: «Эта страна и народ (Турция. — Ред.) будучи виновными в первом в истории XX века геноциде (армяне. — Ред.) никогда не мучились совестью и не проходили покаяние — ни на государственном, ни на общественном уровне. Можно приводить в пример Германию, прошедшую через денацификацию, можно самих себя, неоднократно кающихся и продолжающих беречь свою душу всё новыми и новыми призывами к покаянию, но только не Турцию». Ибо в Турции вопрос стоит не о покаянии, а об агрессивном османском самоутверждении — добавим мы.

«Да, мы «новые османы». Мы вынуждены заниматься соседними странами», — сказал в 2009 году тогда министр иностранных дел Турции Давутоглу. «Надо бы знать, — продолжает Константин Затулин, — что сулит и к чему стремится «неосманизм» или «пантюркизм» в отношении соседних стран, одной из которых является Россия».

«Наша борьба будет продолжаться, пока национальная Турция не создаст Великий Туран... Да хранит Аллах турок и возвеличит их» — это из текста клятвы «Серых волков», расстрелявших русского летчика из зенитного пулемета и в течение всего правления Эрдогана остающихся третьей политической силой в парламенте страны.

А что такое «Великий Туран?» — задает вопрос Константин Затулин. И отвечает: «На этот вопрос лучше всех в 2012 году в Стамбуле ответил наш евразийский союзник Нурсултан Назарбаев: «Между Средиземным морем и Алтаем живет более 200 млн. наших соотечественников. Если бы они объединились, мы стали бы большим и влиятельным в мире государством». Участники учрежденной в 1991 году Всемирной ассамблеи тюркских народов — Турция, Азербайджан, Казах-

стан и Киргизия — в 2009 году в Нахичевани объявили о создании Тюркского совета и его флага, который теперь является обязательным для всех стран — участниц после национального».

Всё это очень интересная и важная информация, которая только подтверждает, что, во-первых: народы начинают объединяться друг с другом по родственным, национальным, языковым и религиозным признакам, а во-вторых: в мире происходит несомненное возрождение империй, до этого как бы спящих, как, например, Турция, или интернациональных, как Советский Союз. Во всяком случае, мы видим попытку возрождения империи Карла Великого в форме Евросоюза, и Османской империи Сулеймана Великолепного в форме Великого Турана во главе с Турцией. Впрочем, последняя претендует на первенство не только среди тюркских народов, но и на лидерство во всем мусульманском мире. Так что идея пантюркистского Турана тут объединяется с идеей Всемирного Исламского Халифата... Именно это подчеркивает и Константин Затулин, когда говорит: *«Если Турция решила, отказавшись от идейного наследия Кемаля Ататюрка, строить Великий Туран и новую османскую империю путем исламизации государства и претензии на роль лидера всего мусульманского мира, то это и есть недвусмысленная угроза России, чьим историческим врагом на протяжении сотен лет и была Османская империя. Ведь турецкие султаны были по совместительству халифами всех мусульман. Так кто же, в самом деле, ближе к идее халифата — проходимец аль-Багдади в Ракке или Эрдоган в Анкаре?»*

По нашему мнению, вопрос явно риторический. Ибо за всеми терактами — в Египте, Париже и небе над Сирией, несомненно, стоит старый враг сербов, болгар, валахов и русских, возрождающаяся теперь старая Османская империя...

Но пока что перед нами не одно, а как минимум два поля битвы. Внешнее — со всей традиционной космополитической мафией, и внутреннее — со всё более наглежащей «пятой колонной», которая, конечно же, надеется победить и наконец-то уничтожить так ненавидимую ею традиционную русскую Россию...

Константин КОЛОНТАЕВ
Владимир ЮДИН

КТО РАЗВЯЗАЛ ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

(Беседа с историком, старшим научным сотрудником отдела «Истории Великой Отечественной войны» Музея героической обороны и освобождения Севастополя К.В. Колонтаевым)

— Константин Владимирович, как известно, в ноябре 1918 года завершилась Первая мировая война, начатая в августе 1914 г. по инициативе мирового финансового капитала и прежде всего его руководящего ядра в лице банковской семьи Ротшильдов. Какова была цель поджигателей этой всемирной кровавой бойни?

— Поживился на этой войне не только клан Ротшильдов, но и другие хищные акулы империализма, повязанные общей целью — подчинить себе весь мир. Целью Первой мировой войны было коренное политическое переустройство Европы, чтобы резко улучшить возможности дальнейшей эксплуатации европейских стран, в том числе России, финансовым капиталом. Для достижения этой цели предусматривалось: 1) ликвидировать все существующие в Европе большие государства, официально именовавшие себя империями

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

(Германия, Россия, Австро-Венгрия, Турция); 2) максимально ослабить монархические формы правления и распространить республиканские формы государственного устройства.

Ещё в 1910 г. русский политолог Н.Н. Беклемишев в своей книге «Невидимая империя», посвящённой политическим аспектам деятельности европейского финансового капитала, отмечал, что прежняя эксплуатация стран посредством монархических режимов и связанных с ними различных придворных клик вследствие их растущих appetитов и численности привела к росту разного рода «накладных расходов», а значит, падению прибыли. Поэтому у банкиров возникла потребность сменить систему правления в данных странах и уменьшить их размеры для облегчения эксплуатации и повышения нормы прибыли.

В общем, в результате Первой мировой войны эти две основные поставленные цели были достигнуты. Если в 1914 г. в Европе было только две республики: Франция и Швейцария, то в 1919 г. их стало около 20.

— То есть соответственно древнему как мир афоризму: разделяй сильных на слабых и властвуй над ними?

— Да, практически в одночасье распались все европейские империи, и из них выделилось множество небольших и слабых государств. Но при этом в результате Первой мировой войны произошёл и крайне неожиданный и неприятный для европейских банкиров, и прежде всего Ротшильдов, поворот событий. Их прежний младший партнёр или даже слуга — американский финансовый капитал и прежде всего финансовая группа Моргана — в ходе войны разбогател гораздо больше, чем их прежние хозяева, и начал теснить их по всему миру, претендуя на мировое первенство. Если до Первой мировой войны США были должны Европе 6 млрд. долл., то к концу ее Европа должна была США 10 млрд. долл.

Чтобы яснее можно было представить грандиозность этих цифр в то время, напомним, что доллар 1918 г. примерно равен 100 долл. 1999 г. Однако вторжение американского банковского капитала в мировую территориальную и экономическую делёжку не шло так гладко, как ему бы хотелось...

— С Вами, Константин Владимирович, нельзя не согласиться, так как мысль о подлинных истоках Второй мировой войны, то есть о неимоверных алчных appetитах мировых банкиров подтверждают многие русские и зарубежные исследователи. Так, А.Е. Кукина в своей книге «Провал американских планов мирового господства в 1917—1920 гг.» пишет, что борьба между европейским и американским финансовым капиталом в 1919—1922 гг. проходила с переменным

успехом. Например, после ухода в ноябре-декабре 1918 г. германо-турецких войск с Закавказья США начали готовить к отправке в этот регион 70-тысячную армию для овладения его нефтяными богатствами. Но англичанам удалось сорвать американские планы. В свою очередь, американцы в 1919 г. сорвали планы Японии, являвшейся в тот период экономической колонией Англии, расширить зону своей интервенции в Сибири и увеличить численность находившихся там японских войск.

— Основная борьба между европейским и американским финансовым капиталом развернулась на послевоенных международных конференциях и прежде всего на самой основной из них — Версальской мирной конференции 1919 г. В ходе этой конференции американский президент Вудро Вилсон выдвинул идею создания «Лиги Наций», которая, по мысли лидеров американского финансового капитала, должна была стать мировым правительством, управляющим миром в его интересах. Лига Наций была создана в 1919 г., однако захватить в ней руководящую роль США не удалось. Англия и Франция решительно воспротивились этому, после чего американцы демонстративно покинули Лигу Наций, и она весь период своего фактического существования (1919—1939 гг.) являлась наднациональным органом европейского финансового капитала. И вот теперь мы подходим к непосредственным истокам грядущей Второй мировой войны.

— Я полагаю, чтобы максимально учесть аспекты и причины её возгорания, не следует пренебрегать теми оценками и характеристиками, что давали «мировым буржуйам» коммунистические лидеры, что ещё больше убеждает нас в том, что ради огромных экономических и территориальных выгод мировой капитал и раньше, и теперь готов на любые агрессивные и безумные авантюры.

— С целью захвата ключевых позиций в мире США после своей неудачи на Версальской конференции стали обращать внимание на другие крупные страны мира, недовольные итогами Первой мировой войны. Таковых было 4: Германия, Италия, Россия и Япония. Относительно Германии и России американскую точку зрения сформулировал 15 января 1920 г. командующий американскими войсками в Германии генерал Г. Аллен. В своём дневнике он сделал следующую запись: «Германия является государством, наиболее способным успешно отразить большевизм. Расширение Германии за счёт России на длительное время отвлекло бы немцев на Восток и уменьшило бы тем самым напряжённость в их отношениях с Западной Европой».

Согласно американской точке зрения, сильная и в то же время находящаяся в американской финансовой зависимости Германия должна была стать главной вооружённой силой США в Европе.

— А стало быть, и сильнейшим противовесом СССР.

— Безусловно. Вначале США взялись за Японию, поскольку она была второй после США великой державой в Тихом океане, который американцы считали своим «озером». На проходившей 12 ноября 1921 г. — 6 февраля 1922 г. в Вашингтоне международной конференции по морским вооружениям американцы, пользуясь своим финансовым преимуществом, просто купили Японию у Англии. Англо-японский союзный договор 1911 г. был на этой конференции расторгнут, после чего Япония вошла в сферу влияния США.

Следующим этапом стала Италия. После известного «Похода на Рим» 28—29 октября 1922 г., организованного итальянскими фашистами, к власти пришёл Муссолини, начавший проводить крайне недружественную по отношению к Англии и Франции политику в Средиземноморье и Африке. Одновременно с этим американцы начинают практическую деятельность по завоеванию Германии. Как и в Италии, ставка делалась на совершенно новые политические силы, в данном случае на ещё практически никому не известную Национал-социалистическую рабочую партию Германии во главе с Гитлером. Один из видных послевоенных германских биографов Гитлера — И. Фест — отмечал, что именно с 1922 г. начинается финансирование Гитлера из разного рода анонимных источников в Чехословакии, Швеции и особенно Швейцарии. По его словам, «осенью 1923 г., накануне своего путча Гитлер съездил в Цюрих и вернулся оттуда, как он сам говорил, с чемоданом денег».

Но позиции Франции тогда в Германии оказались крепче, гитлеровский «пивной путч» с треском провалился, и повторить в Германии в 1923 г. итальянский блицкриг американцам не удалось. Им пришлось заняться выработкой долгосрочной политики в германском вопросе.

— Из сказанного Вами, Константин Владимирович, следует, что хитроумные планы американского финансового капитала простирались далеко за пределы Германии — на Восток, в советскую Россию. Фашистская Германия стала лишь плацдармом и силовым рычагом для крупной агрессии американского финансового капитала в СССР. Что же делалось в 20-е годы американцами в плане внутреннего разложения Советского Союза?

— В 1922—1923 гг. американцам удалось кое-что сделать для приобретения позиций и в руководстве СССР. Правда, тут долго искать не пришлось. Американцам с помощью своих больших денег и тут удалось прийти на всё готовое, а точнее — перекупить у европейского финансового капитала несколько ключевых фигур в СССР. Одной из таких фигур был не кто иной, как Л.Д. Троцкий, тесные связи которого в период 1917—1921 гг. с англо-французским капиталом не были большим секретом даже для обычных дипломатов и разведчиков.

Например, резидент германской военной разведки в Москве майор Хеннинг, действуя с группой подчинённых ему офицеров в качестве сотрудников германской экономической миссии, 24 мая 1918 г., за полтора месяца до эсеровского мятежа в Москве, давая подробную характеристику внутреннего положения в РСФСР, указывал на то, что, по его мнению, дни Советской власти сочтены, поскольку в ближайшее время в Москве по приказу Антанты произойдёт организованный левыми эсерами военный переворот, поддерживаемый частью большевистского руководства и особенно Троцким. По его мнению, «Антанта, как это теперь совершенно очевидно, сумела склонить часть большевистского руководства к сотрудничеству с эсерами. Так, прежде всего Троцкого уже можно считать не большевиком, а эсером на службе у Антанты».

Спустя неделю, 1 июня 1918 г., германский посол в Швеции Люциус сообщал в германский МИД о беседе с бывшим русским послом в Вашингтоне Р.Р. Розеном, который в её ходе указывал, что основным противником мирных отношений между Советской Россией и Германией в большевистском руководстве является Троцкий. Далее Люциус отмечал, что аналогичная информация имеется у него и из других источников. Именно этой сменой хозяев и объясняется резкая активизация Троцкого в 1923 г., после 2-летней предыдущей спячки, а также резкое ухудшение здоровья Ленина в 1923 г. и его последующая смерть в январе 1924 г.

Но пока основной целью США в Европе оставалась Германия. Сделав для себя кое-какие выводы из неудачи гитлеровского путча 1923 г., американцы решили привлечь к делу финансовой колонизации Германии также и Англию, с тем чтобы полностью изолировать Францию как главное препятствие в первой половине 20-х годов на пути проникновения в Европу. Экономическая колонизация Германии американским капиталом облегчалась тем тяжелейшим состоянием германской экономики и прежде всего тяжёлой промышленнос-

ти, которое сложилось к 1923 г. в результате проигрыша Германией Первой мировой войны и выплаты ею послевоенных репараций.

В 1914—1923 гг. не обновлялись основные фонды германской промышленности, и для её продукции были закрыты внешние рынки. В таких условиях послевоенное восстановление германского промышленного потенциала могло затянуться на неопределённо долгое время.

В январе 1923 г. в связи с задержками германских выплат послевоенных репараций франко-бельгийские войска заняли Рейнскую область Германии и установили контроль над находящимся на её территории Рурским промышленным районом. Эта оккупация ещё больше дезорганизовала экономику Германии, вызвала гиперинфляцию и рост безработицы. В стране начались массовые волнения, перераставшие в ряде территорий в восстания, руководимые коммунистами. На оккупированных французами территориях также начались вооружённые выступления, организуемые коммунистами и националистами. Заметьте: только НСДАП Гитлера отказалась участвовать в сопротивлении французской оккупации.

Уже к концу 1923 г. Франция со своей оккупацией Рура оказалась в чрезвычайно трудном положении. Репарации от Германии так и не поступали, а расходы на содержание оккупационных войск в Руре непрерывно росли. Одновременно с этим рос дипломатический и финансовый нажим на Францию со стороны США и Англии с требованием прекратить оккупацию.

— К слову, ветеран нашей контрразведки Вячеслав Геворков, исследующий историю Великой Отечественной войны, прямо пишет, что Форд давал каждый год Гитлеру на день его рождения 50 тыс. долларов, поэтому Гитлер знал, на каком базисе он сидит и потому крупных еврейских банкиров США не трогал. «Я хочу показать ключ к следующей войне», — пророчески пишет Геворков.

— Совершенно верно! Основным элементом так называемого «Плана Дауэса» (Чарльз Дауэс — крупный американский банкир, выдвинувший ряд предложений по урегулированию проблемы выплат репарационных платежей Германии) было предоставление финансовой помощи Германии от США и Англии в виде кредитов якобы для выплаты репараций Франции. В 1924—1929 гг. Германия получила по «Плану Дауэса» от США 2,5 млрд. долл., от Англии — 1,5 млрд. долл. (Примерно 400 млрд. долл. по курсу 1999 г.). Это дало возможность германской промышленности полностью переос-

настить свою материальную базу, практически стопроцентно обновить производственное оборудование и создать базу для будущего восстановления военного производства.

— Однако известно, что согласно «Плану Дауэса», возрождение германской промышленности также было рассчитано на реализацию её продукции на рынках стран Восточной Европы и СССР. Не вижу здесь логики в действиях американских банкиров. Неужто они хотели возродить советскую промышленную базу?..

— Логика тут есть! Советский Союз должен был стать аграрно-сырьевым придатком германского промышленного комплекса. Превращение Восточной Европы и СССР в рынки сбыта германской промышленной продукции, помимо прибылей американским банкам, ставшим фактическими владельцами германских промышленных концернов, решало ещё две основные для американцев задачи: ликвидация французского влияния в Восточной Европе и недопущение индустриализации СССР.

Один из соавторов и исполнителей «Плана Дауэса», германский банкир Шахт, подводя его итоги в 1929 г., с удовлетворением отмечал, что «Германия за 5 лет получила столько же иностранных займов, сколько их получила Америка за 40 лет, предшествовавших Первой мировой войне».

А далее всё пошло по нарастающей. К 1929 г. Германия обогнала Англию по объёму промышленного производства (12% общемирового) и заняла второе место в мире после США (44%). В 1929 г. американские инвестиции в Германии составили 70% всех иностранных капиталовложений, и большая часть из них принадлежала американской финансовой группе Моргана. Таким образом, на смену мировой финансовой гегемонии Ротшильдов пришла финансовая гегемония Морганов, которые до 1915 г. обслуживали интересы Ротшильдов в Северной и Южной Америке.

— Из Ваших слов, Константин Владимирович, следует, что Гитлер и его клика были всего лишь марионеткой в руках американских банкиров. Но как объяснить то, что фашистский рейх объявил войну не только Франции, Англии и СССР, но и самой Америке, которая его, по сути, породила и взлелеяла? Выходит, джинна выпустили из бутылки...

— Сейчас дойдём и до этого. В подтверждение мной сказанного приведу слова американского исследователя Ральфа Эпперсона, который так оценил итоги «Плана Дауэса»: «Без капиталов, предоставленных Уолл-Стритом, не существовало бы Гитлера и Второй мировой войны». В 1929 г. вся германская промышленность принадлежала фактически различным американским финансово-промышленным группам.

Принадлежавшая Рокфеллеру «Стандарт Ойл» контролировала всю германскую нефтеперерабатывающую промышленность и производство синтетического бензина из угля. Банковскому дому Моргана принадлежала вся химическая промышленность в лице концерна «И.Г. Фарбениндустри». Через принадлежавшую Морганам американскую компанию связи «ИТТ» они контролировали 40% телефонной сети Германии и 30% акций авиастроительной фирмы «Фоке-Вульф». Через «Дженерал электрик» Морган контролировал германскую радио- и электротехническую промышленность в лице германских концернов «АЭГ», «Сименс», «Осрам». Через «Дженерал моторс» Морган контролировал немецкий германский автомобилестроительный концерн «Опель». Генри Форд контролировал 100% акций концерна «Фольксваген».

К моменту прихода Гитлера к власти под полным контролем американского финансового капитала находились такие ключевые отрасли германской промышленности, как нефтепереработка и производство синтетического горючего, химическая, автомобилестроительная, авиационная, электротехника и радиоприборостроение, значительная часть машиностроения. Всего 278 фирм и концернов, а также ключевые банки, такие как «Дойче банк», «Дрезднер банк», «Донат банк» и ряд других.

— Позвольте всё-таки вернуться непосредственно к той опаснейшей угрозе, что в конце концов в результате этих западных политико-экономических игр нависла над нашей страной, ведь главная цель американских и подвластных им английских и германских банкиров была направлена против СССР, причём путём древнего как мир метода — загребать жар чужими руками...

— Говоря о значении «Плана Дауэса» в отношении СССР, с точки зрения американского и английского финансового капитала, министр иностранных дел Англии О. Чемберлен в феврале 1925 г. отмечал, что «Россия нависла, как грозная туча, над восточным горизонтом Европы — угрожающая, не поддающаяся учёту, но, прежде всего, обособленная». Поэтому, по его мнению, необходимо: «определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, за счёт России». Именно «безучётность» и «обособленность» СССР, его масштабные экономические успехи больше всего тревожили американских и английских банкиров.

Для преодоления этой «обособленности» в октябре 1925 г. в швейцарском городе Локарно открылась международная конференция с участием Англии, Франции, Германии, Италии, Бельгии, Польши и Чехословакии. Цели конференции опре-

делил госсекретарь США Ф. Келлог: «Конференция в Локарно, естественно, следовала за работой комитета Дауэса».

Хотя США формально не принимали участия в работе конференции, они руководили и направляли её работу. По этому поводу лидер Компартии Германии Э. Тельман отмечал: «Американские банкиры не участвуют в Локарно официально. Но американский финансовый капитал, рассматривающий Европу как большую колонию, весьма деятельно сотрудничал при осуществлении Локарно. Представители американского финансового капитала недвусмысленно дали понять, чего американский империализм желает в Локарно».

Таким образом, в обмен на дополнительные политико-юридические гарантии безопасности Франция фактически отказалась от своего влияния в Восточной Европе в пользу Германии. Страны «Малой Антанты» (Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция) были открыты для доступа Германии, а, значит, США. Кроме того, Франция потеряла возможность с помощью своих восточноевропейских сателлитов угрожать Германии с востока.

После того, как в Локарно были на американских условиях «решены» основные европейские противоречия, американский финансовый капитал решил обратить серьёзное внимание на СССР, чтобы покончить с его, по выражению О. Чемберлена, «обособленностью».

— В СССР, как известно, в это время шла ожесточённая борьба И.В. Сталина и его единомышленников с внутренней политической оппозицией. В ноябре 1925 г. вместо разбитого и изолированного Троцкого вдруг возникает так называемая «Новая оппозиция» в лице Зиновьева и Каменева, которая по своей политической программе ничем не отличалась от троцкизма, т.е. собиралась под прикрытием дискуссии «о невозможности построения социализма в отдельно взятой стране» покончить в интересах американских банкиров с этой самой «советской обособленностью». Отсюда становится понятным уже многожды доказанный факт враждебного для СССР «сотрудничества» этих «новых оппозиционеров» с иностранными банковскими магнатами...

— Советский Союз пытались бить по дипломатическим каналам с двух сторон — внутренней и внешней. Когда к исходу 1926 г. «Новая оппозиция» и воссоединившийся с ней Троцкий потерпели крах и утратили позиции в советском руководстве, а XV съезд ВКП(б) объявил о начале процесса индустриализации в СССР, американские банкиры начали кампанию силового давления на Советский Союз во внешнеполитической сфере. 23 февраля 1927 г. английский МИД

направляет СССР ноту с угрозой разрыва дипломатических отношений. В апреле 1927 г. китайская полиция в Пекине по указанию американского и английского послов берёт штурмом советское посольство и убивает несколько советских дипломатов. 27 мая 1927 г. в Лондоне английская полиция захватывает советское торговое представительство, после чего английское правительство объявило о разрыве дипотношений с СССР.

Однако это давление вызвало противоположные результаты. Осенью 1927 г. руководители «новой оппозиции» лишаются всех занимаемых ими к этому времени государственных и партийных постов, и начинается восстановление мощи Красной Армии путём наращивания её численности, улучшения работы военной промышленности и начала создания мобилизационных резервов.

— А что же Гитлер, осуждённый на некоторое время после провала «пивного путча», и его партия — позабыты-позаброшены? Выброшены из политической колоды мировых страгетов-банкиров?

— Гитлер вовсе не был забыт своими американскими покровителями. По мере того как в СССР теряли позиции сторонники «Плана Дауэса», американские банкиры вновь обратили внимание на новоиспечённого фашистского фюрера и его партию, которые после 1923 г. несколько лет пребывали в почти полном забвении, вроде припасённого козыря в международной политической игре.

С конца 1926 г., после очевидного провала троцкистско-зиновьевского блока и принятия XV съездом ВКП(б) курса на индустриализацию, т.е. превращение СССР в промышленно развитое, самодостаточное государство, к Гитлеру вновь начинает сочиться ручеек денег от различных германских фирм и банков, который превращается в водопад с конца 1928 г., когда в СССР начинается выполнение первой пятилетки и когда, спустя год, в конце 1929 г. из высшего политического руководства СССР устраняется последняя группа агентов влияния американского финансового капитала во главе с Бухариным, так называемая «правая оппозиция».

— Процесс привода Гитлера к власти, как известно, был тяжёлым и многоступенчатым, отражая в период 1928—1933 гг. колебания и надежды наиболее реакционной, антисоветски настроенной части банкиров США на то, что первая советская пятилетка провалится, и СССР, оказавшись после этого в глубоком политико-экономическом кризисе, станет для них лёгкой добычей и можно будет обойтись без сильной Германии. Могло бы случиться так, что затея американских бан-

киров привести Гитлера к власти с треском провалится. Ведь Вы говорите, что позиции коммунистов в Германии в эти годы были сильны, они с лёгкостью оттеснили бы нацистов на политическую периферию.

— Да, американские банкиры периодически меняли тактику привода Гитлера к власти в Германии, но к осуществлению своей главной цели — подчинению и разгрому растущей мощи СССР — неуклонно шли. Отличие было только в том, что если в 1923 г. американцы финансировали Гитлера непосредственно через швейцарские банки, то в 1926—1932 гг. это делалось через германские банки и промышленные концерны, которые к этому времени превратились в германские филиалы различных американских финансово-промышленных групп и прежде всего Моргана.

Весной 1930 г. в Германии от власти отстраняется коалиционное правительство, возглавляемое социал-демократом Г. Мюллером. Его сменило правительство Г. Брюнинга, состоявшее только из представителей правых партий. Так завершился период правления социал-демократов в Германии 1918—1930 гг. и началось постепенное свёртывание буржуазной демократии: так называемый «период президентских правительств» 1930—1933 гг. В июле 1930 г. Брюнинг распускает рейхстаг, хотя по закону его полномочия истекали только в 1932 г. Это было сделано с целью использовать недовольство населения экономическим кризисом и превратить нацистов в крупную парламентскую силу. Что и произошло. На состоявшихся 14 сентября 1930 г. выборах в рейхстаг нацисты получили 6 млн. 800 тыс. голосов избирателей (на предыдущих выборах 1928 г. — всего 800 тыс.) и 107 мест в рейхстаге (в 1928 г. — только 12 мест).

Этот весьма заметный успех нацистов вызвал положительный отклик у американской и английской прессы, принадлежавшей крупнейшим газетным магнатам того времени в США и Англии Херсту, Ротемиру, Бивербруку и ряду других.

Успех нацистов на выборах 1930 г. дал повод канцлеру Брюнингу начать переговоры с ними о вступлении в его коалиционное правительство. Но хозяева Гитлера считали, что этого делать не стоит. В рождественском номере 1930 г. одной из влиятельных германских газет был помещён вопрос «Как вы расцениваете участие Гитлера в правительстве»? Известный тогда в Германии историк Шюслер, отражая точку зрения подлинных хозяев Гитлера, ответил: «Слишком рано!» Далее он объяснил, что участие нацистов в коалиционном правительстве нерационально, поскольку ослабит нацистскую партию «из-за противоречия между идеей и действительнос-

тью», т.е. между социальной демагогией и реальной политикой, и тем самым затруднит нацистам последующий захват всей полноты власти.

В это же время аташе американского посольства в Берлине Д. Гордон сообщил госсекретарю Г.Стимсону: «Нет никакого сомнения, что Гитлер получил значительную финансовую поддержку от определённых кругов промышленников. Как раз сегодня до меня дошёл слух из источника, обычно хорошо информированного, что представленные здесь различные американские финансовые круги весьма активно действуют в том же направлении».

Осенью 1930 г. в США побывал председатель рейхсбанка Германии Шахт, обсуждавший со своими американскими коллегами детали предстоящего прихода Гитлера к власти. Спустя год, 11 октября 1931 г., в городе Гарцбурге состоялось совещание видных германских банкиров и промышленников совместно с представителями высшей аристократии и генералитета. На совещание был также приглашён Гитлер. Шахт довёл до сведения присутствующих мнение американцев о необходимости «наведения в Германии порядка», т.е. установления в стране диктатуры нацистской партии.

Дальнейшие события развивались сравнительно неторопливо вплоть до мая 1932 г., когда СССР объявил о выполнении пятилетнего плана и завершении в основном процесса индустриализации. Кроме этого объявления существовали и объективные данные, показывавшие американцам, что их надежды на возможный провал первой пятилетки не оправдались.

— Действительно, в СССР широко освещались крупные успехи первой пятилетки. Если в 1928 г. в страну ввозилось из-за рубежа, и прежде всего из США, Германии и Англии 81% необходимого количества продукции машиностроения и промышленного оборудования, то в 1931 г. этот показатель снизился до 17,8%. Получается, разница между двумя этими показателями, образовавшаяся всего за 3 года, означала фактический крах «Плана Дауэса» в отношении СССР?

— Именно так. После этого события, признав реальные технологические успехи СССР, ареопаг американских банкиров решил торопиться. События стали развиваться стремительно. В конце мая 1932 г. под давлением германских банкиров и аристократии, объединённых в так называемый «Клуб господ», ушло в отставку правительство Брюнинга и ему на смену пришло правительство Папена, формально не нацистское, но по сути профашистское, призванное непосредственно подготовить приход нацистов к власти. В середине ноября 1932 г. 17 крупнейших банкиров и промышленни-

ков направляют президенту Гинденбургу письмо с требованием назначить Гитлера рейхсканцлером. С этим же требованием в это же время к Гинденбургу дважды обращался бывший наследный принц кайзеровской Германии. 4 января 1933 г. на вилле банкира Шрёдера близ Кёльна состоялось очередное совещание германских финансистов, на котором было решено привести Гитлера к власти в течение ближайших нескольких недель, что и было сделано в конце января 1933 г.

Одновременно с установлением к концу января 1933 г. национал-социалистического режима в Германии был установлен национал-социалистический режим и в самих Соединённых Штатах Америки в лице президента Рузвельта и его «Нового курса».

— Такое прямолинейное утверждение вызывает некоторое сомнение. В нашем сознании ставить рядом фигуры Гитлера и Рузвельта — нонсенс! Да и внутренние режимы фашистской Германии и демократических США, казалось бы, несовместимы...

— Формально — да. Однако послушаем современников тех исторических событий. За несколько месяцев до официального вступления Рузвельта в должность члены администрации усердно изучали опыт режима Муссолини в Италии. Впоследствии бывший до Рузвельта президентом США Гувер, ознакомившийся с пакетом документов «Нового курса», вспоминал: «Я пытался объяснить им, что это чистый фашизм, что это простая переделка «корпоративного государства» Муссолини».

И действительно, между политикой «Нового курса» Рузвельта и Германии было поразительно много общего. Небывалая до этого при капитализме степень вмешательства государства в экономику, создание из безработных трудовых армий, выполняющих крупномасштабные строительные работы общегосударственного значения, главным образом по строительству дорог, уничтожение психбольных в Германии и их стерилизация в США... Единственным отличием было сохранение в США многопартийности и формальной демократии.

— Известно, что, создавая в лице гитлеровской Германии очаг будущей войны в Европе, американские банкиры обеспечивали аналогичный очаг и в Азии, беря в кольцо СССР со стороны агрессивной Японии.

— В годы Первой мировой войны Япония добилась господствующего экономического положения в Китае. Но в 1922 г. на Вашингтонской конференции американцы заставили японцев уйти из Китая. Однако после этого ещё 5 лет американцам не удавалось на равных соперничать в Китае с Анг-

лией и Францией. Американское влияние в Китае стало быстро расти после прихода к власти 12 апреля 1927 г. правых националистов во главе с Чан Кайши. К 1930 г. по сравнению с 1914 г. американские капиталовложения в Китае выросли в 3 раза, правительственные займы и финансовая помощь — в 6 раз.

Однако к началу 1930 г. американцы серьёзно разочаровались в режиме Чан Кайши. Ему не удалось восстановить единство страны путём ликвидации коммунистов и генеральских феодальных клик. Сокрушительный разгром войск Чан Кайши в Маньчжурии войсками советской Дальневосточной армии в ноябре—декабре 1929 г. показал невозможность его использования как средства внешнего вооружённого давления на СССР.

Поэтому американцы стали срочно искать на Дальнем Востоке новую силу, которая могла бы навести порядок в Китае для того, чтобы сделать его территорию пригодной для размещения там своих капиталов и силового воздействия на СССР извне. Поскольку внутри Китая такой силы не оказалось, было решено искать её за его пределами.

Выбор пал на Японию, которая после её вытеснения из Китая в 1920—1922 гг. Англией, Францией и США, нуждалась в рынках и капиталах для своей бурно развивающейся промышленности. Таким рынком мог быть только Китай, а капиталы находились в США.

— Этому есть документальное подтверждение?

— Их несколько. Приведу лишь одно. Позицию США в предстоящей войне Японии с Китаем президент США Гувер сформулировал следующим образом: «Мы должны указать, что Китай оказался не в состоянии обеспечить должный порядок внутри страны, который предусматривался договорами. Значительная часть Китая оказалась под влиянием китайских коммунистов, сотрудничающих с Россией. Правительство Маньчжурии оказалось в руках авантюриста, не признающего китайского правительства, а Китай не принимает никаких мер, чтобы заставить его подчиниться. На этой территории царит анархия, что совершенно недопустимо».

За те полтора года, в течение которых происходила оккупация Маньчжурии Японией, американские поставки и финансовая помощь Японии составили 182 млн. долл. По нынешнему курсу это более 9 млрд. долл.

— Стало быть, американские политиканы вели подготовку ко Второй мировой войне — и прежде всего против Советского Союза — на два фронта, на Западе руками Гитлера и на Востоке руками милитаристской Японии?..

— Как признают авторы советской 12-томной «Истории Второй мировой войны», «до середины 1939 г. Япония вела внешнюю политику, согласованную с США». Насколько велика была эта согласованность, можно судить по тому факту, что в 1933 г. по приказу из США Япония и Германия почти одновременно вышли из Лиги Наций. В 1937 г. Япония по приказу из США начинает новую войну в Китае с тем, чтобы подорвать в нём позиции англо-французского капитала и расширить сферу американского влияния в Китае за счёт Англии и Франции.

Чтобы парализовать возможное вмешательство СССР на стороне Чехословакии и обеспечить Мюнхенский сговор, по приказу из США Япония 29 июля 1938 г. организовала вторжение на советскую территорию в районе озера Хасан трех пехотных дивизий и механизированной бригады. В мае—августе 1939 г. широкомасштабный советско-японский вооружённый конфликт на реке Халхин-Гол в Монголии преследовал цели отвлечь силы СССР из Европы накануне нападения Германии на Польшу и заставить Советский Союз принять германское предложение заключить пакт о ненападении, которое и последовало в разгар боёв.

— Отмеченное Вами, Константин Владимирович, убедительно перечёркивает измышления современных западных недругов и некоторых «наших» либеральных историков и публицистов, будто Советский Союз заключил «предательский» пакт о ненападении с Гитлером за спиной у «демократического» Запада... На самом деле это была объективно вынужденная мера, ведь задача отвлечения советских сил из Европы в этот период была в целом выполнена. Как гласят советские документальные источники, в первой половине 1939 г. численность советских войск на Дальнем Востоке должна была по плану вырасти на 57 тыс. человек, а фактически увеличилась на 345 тыс. И это в преддверии очевидной войны с фашистской Германией...

— США щедро финансировали Японию для сковывания СССР на Дальнем Востоке. Только в 1938 г. финансовой группой Моргана Японии было предоставлено займов на 125 млн. долл. А общая американская помощь Японии в 1937—1939 гг. составила 511 млн. долл.

Торговый атташе посольства США в Японии, побывав в 1937 г. на японско-китайском фронте, признавал: «Если кто-либо последует за японскими войсками в Китае и увидит, сколько у них американского снаряжения, то он получает право думать, что следует за американской армией» (И. Попов, «Япония», М., 1940, с. 94).

— Нельзя не отметить хитроумное мастерство американских банковских стратегов по издавна отработанному ими умению хватать каштаны из огня чужими руками, да ещё при этом набивать свою мощную несметными капиталами на крови и страданиях миллионов людей... Ведь «традиции» такой изуверской политики, называемой ими «защитой собственных национальных интересов», до сих пор активно воплощаются в жизнь и также по сей день направлены главным образом против России. Вспоминаю в этой связи, как впоследствии растерзанный необузданной яростной толпой лидер Ливии Муаммар Каддафи гневно бросил в американские уши в 2009 г. на 64-й сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединённых Наций: «Вы породили Гитлера, не мы! И вы же устроили Холокост!» Он был абсолютно прав.

— Да, прав. Главное агрессивное русофобское детище США — Гитлер выращивался американским финансовым капиталом и, надо признать, не безуспешно. Едва только Гитлер был приведён к власти, как США тут же начали использовать его как таран для подрыва позиций европейского финансового капитала. В октябре 1933 г. Германия выходит из Лиги Наций. В январе 1934 г. между Германией и Польшей заключается договор о ненападении, в результате которого Польша из сферы англо-французского влияния перешла в сферу германского, а значит, и американского влияния.

В ответ начинаются попытки заигрывания европейского капитала с СССР. В конце 1933 г. СССР получает приглашение вступить в Лигу Наций и в 1934 г. вступает в неё. В 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна в Москве следует отказ от политики прямого захвата власти коммунистами в европейских странах и возникает идея блока компартий с различными леволлиберальными реформистскими силами, получившая практическое оформление в виде так называемых «народных фронтов». В том же 1935 г. заключается военно-политический союз между Францией, СССР и Чехословакией, направленный против Германии.

В ответ на это Германия по приказу из США в марте 1936 г. вводит войска в демилитаризованную Рейнскую область. На то, что данный ввод войск не был личной инициативой Гитлера, указывают и многие западные историки. Так, один из них, Б.Л. Гарт писал: «Менее всего Гитлер хотел развязать ещё одну мировую войну. Гитлер, несмотря на свою беспринципность, длительное время проявлял исключительную осторожность в осуществлении своих целей. Военные руководители проявляли ещё большую осторожность. Когда в марте 1936 г. Гитлер решил занять войсками Рейнскую демилитаризованную область, он был вынужден учитывать интересы США, которые в то время были настроены весьма враждебно по отношению к Германии».

таризованную зону, его генералы были встревожены этим решением. В результате их протестов в начале в Рейнскую зону было направлено несколько символических подразделений».

В ответ на приход летом 1936 г. к власти правительства «Народного фронта» в Испании и Франции последовал организованный немецкой разведкой по указанию из США мятеж генерала Франко, а затем германо-итальянская интервенция в Испании. А в Африке фашистская Италия с целью подрыва английского влияния, опять-таки по указанию из Вашингтона, в 1935—1936 гг. оккупировала Эфиопию. На Дальнем Востоке с аналогичной целью в 1937 г. Япония начинает завоевание Китая.

Этот компромисс и заигрывание клана Ротшильдов с СССР завершился в 1937 г. Сигналом завершения стал приход к власти в ноябре 1937 г. в Англии правоконсервативного правительства Чемберлена.

Причиной конца этого процесса было, с одной стороны, мощное внешнеполитическое давление США в период 1935—1937 гг., о котором говорилось выше, а с другой — разгром в СССР в 1936—1937 гг. военно-политического антисталинского заговора. И хотя руководители заговора ориентировались на США и Германию, европейские банкиры надеялись, что в случае свержения Сталина им тоже кое-что перепадёт.

— Как в данном политическом раскладе Вам видится военно-политический антисталинский заговор в СССР, который решительно отрицают либеральные историки и политологи, утверждая, что его якобы инспирировал Сталин с целью окончательно разделаться с остатками оппозиции в стране?..

— Что касается самого заговора, то о его подготовке в зарубежной печати писали ещё в начале 1930-х годов. Например, в органе русской белогвардейской военной эмиграции, журнале «Часовой», в одном из номеров в начале 1931 г. об этом писалось следующее: «По сведениям лица, прибывшего с юга России, в Красной Армии наблюдается несомненное брожение. В армии коммунисты ведут энергичную агитацию против Сталина. Сейчас эта агитация стала почти открытой. К противосталинской агитации агенты ГПУ относятся чисто формально, стараясь не замечать её. Привлекается к ответственности главным образом мелкота, а средние и высшие агенты власти, агитирующие против Сталина, остаются в стороне».

Говоря об этих же процессах, Молотов отмечал: «Не думайте, что Сталин поверил какой-то фальшивке, переданной через Бенеша. Тухачевский, которого мы хорошо знали,

был расстрелян, потому что был военной силой правых Рыкова и Бухарина. А государственный переворот без военных не обходится».

К этому можно добавить интервью историка, бывшего сотрудника разведки КГБ СССР Арсена Мартиросяна, в котором он, в частности, сказал: «В 1937—1938 годах ликвидировали лишь видимую верхушку заговора военных, а до второго и третьего эшелона заговорщиков не докопались. По соображениям государственной безопасности Сталин вынужден был жёстко пресечь развязанную Ежовым вакханалию репрессий, в том числе и против военных. Идея государственного переворота в СССР на фоне военного поражения разрабатывалась в высших армейских кругах Советского Союза с 1926 года. В 1935 году на стол Сталина лёг доклад ГРУ, в котором был чётко расписан этот сценарий. Затем и НКВД представил соответствующие доказательства. Потому-то и последовал 1937 год». В этом же интервью рассказано о «плане Тухачевского» по полному разгрому Красной Армии в июне 1941 года...

— Вернёмся, Константин Владимирович, к нашей исходной теме: как американский финансовый капитал готовил Гитлера к войне против СССР.

— С ноября 1937 г. европейский финансовый капитал ищет компромисса уже не с СССР, а с США и Германией за счёт СССР. Выражением этой политики стал Мюнхенский сговор: «Мюнхенский сговор был, по существу, пактом о ненападении между Германией и Италией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Немалую, если не ключевую роль в мюнхенской сделке сыграли США. Так, американский посол в Англии Д. Кеннеди в беседе с германским послом в Лондоне Дирксеном 13 июня 1938 г. прямо сказал, что «в экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также Юго-Востоке Европы».

Дальнейшим шагом на пути капитуляции Англии и Франции перед Германией и США стала Испания. В 1938 г. под нажимом Англии и Франции правительство «Народного фронта» Испании объявило о выводе из страны интернациональных бригад и советских добровольцев, которые были единственной боеспособной силой республиканской армии. А в феврале 1939 г. под влиянием Англии и Франции в Мадриде правые социалисты и анархисты произвели, как известно, кровавый военный переворот, в результате которого республика распалась, и в марте 1939 г. Франко установил контроль над всей территорией страны. После этого Испания вслед за Италией и Германией стала ещё одним американским плацдармом в Европе.

— Ныне историки часто говорят, что не только вооружённая с головы до ног фашистская Германия, а, по существу, вся Европа воевала против СССР. Насколько справедливо это утверждение?

— Всецело справедливо. Но при этом не будем забывать, что именно американская финансовая элита всемерно способствовала этому. Гитлер был исполнителем их воли. В 1938 г. США благосклонно отнеслись к капитулянству Англии и Франции перед Германией, так как последняя была весьма слаба тогда в военном отношении, и поэтому мирный захват Австрии и особенно Чехии с её второй по объёму производства военной промышленностью в Европе были жизненно важны для Германии в целях последующего начала войны в Европе. В результате захвата Чехии в период с ноября 1938 г. по март 1939 г. Германия получила 469 танков, 1582 самолёта, 2175 полевых и 500 зенитных орудий, 785 миномётов, 43 878 пулемётов, 1 млн. винтовок. Этого оружия было достаточно для вооружения 40 дивизий. В 1938 г. на одних только заводах чешского концерна «Шкода» было произведено оружия больше, чем во всей Великобритании.

После того как Германия к весне 1939 г. обрела необходимый военный потенциал, США начали стремительно развязывать Вторую мировую войну и, прежде всего, войну Германии против Англии и Франции с тем, чтобы выкинуть их с рынков Латинской Америки и, в свою очередь, овладеть рынками их колоний. Вопрос о рынках для американцев к концу 30-х годов стоял очень остро. В 1937 г. США, занимая 7,1% территории и имея 6,5% населения мира, производили 41,4 мировой промышленной продукции и имели 62% мирового запаса золота на сумму 28 млрд. долл. Вполне естественно, что, обладая подобной мощностью, США уже тогда претендовали на мировое господство.

— Существует версия, будто, став президентом США, Рузвельт избавил страну от экономической депрессии, повёл её по пути экономического развития и социального процветания, т.е. якобы совершил великое «американское чудо». Но в таком случае зачем США нужна была очередная мировая бойня?

— Я бы не стал идеализировать Рузвельта. Он также «слеплен» американским финансовым капиталом, как все прочие президенты США. «Новый курс» Рузвельта или, проще говоря, американская разновидность «национал-социализма», так и не привёл к долговременной экономической стабилизации. В 1937 г. США вновь оказались в пучине кризиса, и в 1939 г. загрузка промышленных мощностей составляла 33%

(в разгар кризиса 1929—1933 гг. — 19%). Оценивая обстановку в США в 1939 г., один из ближайших советников Рузвельта П. Тагуэлл отмечал следующее: «В 1939 г. правительство не могло добиться никаких успехов. Впереди лежало открытое море до того дня, когда в Польшу вторгся Гитлер. Туман мог развеять только могучий ветер войны. Любые другие меры, которые были во власти Рузвельта, не принесли бы никаких результатов».

Конкретным публичным сигналом Гитлеру начинать действовать стало отклонение 19 мая 1939 г. Конгрессом США поправки об отмене закона о нейтралитете США.

— В ряде исторических источников утверждается, что главную вину за мюнхенский сговор несут Англия и Франция, а США якобы тут ни при чём...

— Сознательное лукавство или наивное заблуждение. Что касается тайной дипломатии, то в 1939 г. США категорически отвергли настойчивые предложения Англии и Франции благословить второй Мюнхен, на этот раз за счёт Польши. США дали ясно понять, что они против любого мирного пути разрешения германо-польского конфликта, подчёркивая, что, если Англия и Франция не объявят войны Германии в случае её нападения на Польшу, то они лишатся всякой американской помощи. Американский посол в Англии в 1938—1939 гг. Джозеф Кеннеди позднее так вспоминал об этом: «Ни французы, ни англичане никогда бы не сделали Польшу причиной войны, если бы не постоянное подстрекательство из Вашингтона. Летом 1939 г. президент непрерывно предлагал мне подложить горячих углей под зад Чемберлену».

Американский историк Ч. Тэнзилл по этому поводу писал следующее: «Президент вовсе не хотел, чтобы война, которая начнётся в Европе, закончилась так быстро, что США не успели бы вмешаться. В сентябре 1938 г. против Гитлера могли выступить французская, английская, русская и чешская армии, которые раздавили бы его довольно быстро. К лету 1939 г. обстановка коренным образом изменилась. Россия заключила договор с Германией, чешская армия исчезла. Война, начавшаяся в 1939 г., могла затянуться до бесконечности».

— Слушая Вас, Константин Владимирович, порой создаётся впечатление, что, не будучи в абсолютной экономической, политической и финансовой зависимости от банкиров США — подлинных поджигателей Второй мировой войны, Гитлер вовсе не совершил бы свой «Дранг нах Остен», если бы его усиленно не подталкивал агрессивный русоненавистник дядя Сэм...

— Нет, это ошибочное впечатление. Я исхожу из конкретных объективных исторических фактов. Жажда фюрера осуществить свой завоевательный поход на Восток была неудержимой, о чём он писал ещё в своей книге «Майн кампф». Но он не был таким уж оголтелым, глупым и «бесноватым», как пишут во многих источниках, и хорошо понимал несвоевременность своей авантюры, реально сознавая, что Германия ещё недостаточно сильна для победоносного похода на Восток. «Вначале Гитлер не собирался завоевывать Польшу. Он был готов какое-то время принять её в качестве младшего партнёра, при условии, что Польша вернёт Германии принадлежащий ей выход к Балтийскому морю и тем самым соединит с Германией по суше Восточную Пруссию». Достаточно хорошо посвящённый в планы Гитлера генерал Манштейн указывал, что до марта 1939 г. в главном командовании сухопутных войск Германии не существовало плана стратегического развёртывания войск для нападения на Польшу.

И «вдруг», «внезапно» Германия активизируется. В конце апреля 1939 г. Германия расторгает договор с Польшей о ненападении. Затем с германской стороны следует отказ соблюдать англо-германское морское соглашение 1935 г. и выдвигается требование возврата германских колоний, захваченных Англией и Францией в Первой мировой войне. И, наконец, 22 мая 1939 г. между Германией и Италией заключается военно-политический союз «Стальной пакт».

— Выходит, банкиры США, с одной стороны, довольно искусно стравливали Гитлера с западноевропейскими странами, а с другой — с Советским Союзом. Потому, очевидно, Гитлер и не испугался воевать на два фронта, рассчитывая на американскую поддержку?

— Именно так! Под давлением США в конце марта — начале апреля 1939 г. Англия и Франция взяли на себя обязательства быть гарантами независимости Польши, что означало автоматическое объявление войны Германии в случае её нападения на Польшу. Одновременно с весны 1939 г. правящие круги США начали предпринимать энергичные попытки для обеспечения невмешательства СССР в предстоящую войну Германии с англо-французским блоком. С этой целью в мае 1939 г., с одной стороны, Германия начинает забрасывать СССР различными мирными предложениями, а с другой — на Дальнем Востоке, также в мае 1939 г., Япония начинает в Монголии войну с СССР для того, чтобы сделать германские мирные предложения более «привлекательными и весомыми».

— Дальнейшее хорошо известно. Советско-германский договор о ненападении был заключён 23 августа 1939 г., за

неделю до нападения Германии на Польшу и за 10 дней до объявления Англией и Францией войны Германии...

— Однако заключение этого договора стало одновременно и первым серьёзным сбоем в разработанном американцами сценарии Второй мировой войны. Япония, потерпевшая серьёзное поражение в войне с СССР в мае-августе 1939 г., которую она вела по приказу США, и брошенная своей союзницей Германией, заключившей мирный договор с СССР, опять-таки по приказу из США, что также стало известно японцам, была страшно возмущена американским вероломством. Осознав опасность дальнейшего следования в фарватере внешней политики США, она решила принять участие в начинающейся Второй мировой войне самостоятельно. Это объясняется тем, что в отличие от германских банкиров и промышленников их японские коллеги, хотя и были должны американцам, но являлись не только юридическими, но и фактическими собственниками своих банков и концернов.

— Как же отреагировала «элитарная демократическая общественность» США на весть о войне в Европе?

— Начало войны 1—3 сентября 1939 г. было встречено в высших сферах США с плохо скрытым ликованием. Влиятельная «Нью-Йорк таймс» 9 октября 1939 г. утверждала, что отныне «слово из Вашингтона будет играть решающую роль при установлении мира в Европе». Спустя 20 дней в той же газете Джон Форстер Даллес (в дальнейшем госсекретарь США) выступил со статьёй, в которой предрекал, что после окончания войны в Европе руководство миром перейдёт в руки США, т.е. американский финансовый капитал будет владычествовать во всём мире.

Чтобы побудить Англию и Францию к более энергичной войне с Германией, американский конгресс 3 ноября 1939 г. принял закон, разрешающий им приобретать в США за наличный расчёт всё необходимое для ведения боевых действий, что, по сути, отменяло прежний закон о нейтралитете.

Однако, отчётливо понимая крайнее лицемерие и фальшь своих американских «партнёров», Англия и Франция, да и Германия тоже, всю осень и зиму 1939—1940 гг. явно не желали плясать под их дудку — воевать по-настоящему и вели так называемую «странную войну». Это очень не понравилось США, которые устами своего тогдашнего госсекретаря Сэмнера Уоллеса сказали, что «конечная победа может быть обеспечена только длительной и отчаянной войной, которая приведёт Европу к полному экономическому и социальному крушению». В это же самое время газета «Нью-Йорк гералд трибюн» в номере от 19 марта 1940 г. прямо призывала прави-

тельство США «следить, чтобы для интересов США не возникло угрозы из-за появляющихся в определённых кругах Европы каких-либо мирных предложений».

Но этот призыв явно запоздал. В феврале 1940 г. госсекретарь Уоллес совершил длительную поездку в Европу, посетил Англию, Францию и Германию. В Берлине он, очевидно, сделал германским правителям настолько серьёзное внушение, что через несколько дней после его отъезда Гитлер срочно встретился с Муссолини и объявил ему о решении в начале ближайшей недели наступать на Западном фронте, что и началось 15 апреля и завершилось в середине июня 1940 г. полным крушением Франции и созданием угрозы дальнейшему существованию Англии.

Таким образом, летом 1940 г. американские планы по отношению к Западной Европе были выполнены: Франция фактически исчезла с карты мира, Англия превратилась в страну, чьё дальнейшее существование определялось объёмами американской помощи. В августе 1940 г. США подписали договор с Канадой о совместной обороне, который означал, что эта самая крупная по территории британская полуколония переходит в сферу влияния США. После этого единственной крупной державой в мире, находящейся вне сферы влияния США, оставался СССР.

— Здесь, Константин Владимирович, хотелось бы более чёткого Вашего разъяснения смысла внешнеполитического замысла США в отношении нашего государства. Ведь мы с американцами были союзниками в борьбе с гитлеровской Германией...

— Смысл замыслов США в отношении СССР заключался в том, чтобы вернуть Советский Союз к реализации «плана Дауэса», а для этого было необходимо деиндустриализовать его, вернув на уровень 1925 г. В этом, собственно говоря, и заключалась суть германского плана «Барбаросса», согласно которому немецкие войска оккупируют европейскую часть СССР, вплоть до предгорьев Урала и лишат его тем самым 80% промышленного потенциала. То есть в результате германской оккупации европейской части СССР его промышленный потенциал должен был сократиться в 4—5 раз и тем самым вернуться примерно к тем показателям, какие он имел в 1925 г. накануне начала осуществления первого пятилетнего плана.

— Какие конкретные документальные свидетельства того, что решение о нападении Германии на СССР принималось не в Берлине, а в Нью-Йорке, Вы могли бы привести?

— Таковых свидетельств существует великое множество! Сами авторитетные американские историки С. Митчелл и Д. Мюл-

лер, в частности, пишут, что главнокомандующий вермахтом фельдмаршал Кейтель только в марте 1941 г. узнал о планах Гитлера напасть на СССР, т.е. за 3 месяца, что является немисливо коротким сроком для подготовки операции такого уровня. Узнав, Кейтель не на шутку встревожился и спешно составил меморандум, в котором обосновал свои возражения против этих планов, и пошёл с ним на приём к Гитлеру, который в ответ устроил ему дикий разнос. После этого Кейтель подал прошение об отставке. Гитлер категорически отказался её принимать и потребовал от Кейтеля безусловного подчинения.

Вслед за Кейтелем своё отрицательное отношение к планам войны с СССР выступили: командующий немецкими войсками в Восточной Пруссии (в дальнейшем командующий группой армий «Север») фельдмаршал Лееб, командующий германскими войсками в Польше (в дальнейшем командующий группой армий «Центр») фельдмаршал Бок, начальник экономического управления вермахта генерал-лейтенант Томас и ряд других высокопоставленных военачальников.

Поведение Гитлера в конфликте с руководством армии по поводу планируемой войны с Советским Союзом явственно свидетельствует, что эти планы не были его собственными. Поскольку элементарная логика правителя государства, тем более государства диктаторского, требует того, что в случае отказа подчинённого выполнить поставленный приказ, для начала его надо, как минимум, отстранить от занимаемой должности. Гитлер, встретив довольно энергичные возражения подчинённых, не только не делает этого, но даже не принимает их собственных прошений об отставке, устраивая вместо этого истерику. Такое поведение Гитлера, согласитесь, свидетельствует о том, что он сам, как минимум, ничего не мог сказать по существу против этих возражений, если даже в глубине души был согласен с ними. А это означает, что планы были выработаны не им, а сам он служил лишь передаточным звеном для их доведения до непосредственных исполнителей.

— И всё-таки, слушая Вас, Константин Владимирович, я хочу возразить Вам в той части нашей беседы, где Вы решительно утверждаете: дескать, сам Гитлер войны с СССР длительное время не желал. Но ведь о необходимости военного расширения Германии за счёт восточных территорий и прежде всего территории Советского Союза он постоянно заявлял публично и писал ещё в своей «Майн кампф»? Не логичнее ли было бы говорить о полном совпадении интересов американских банкиров с авантюристическими планами Гитлера?

— Если вдуматься, одно не противоречит другому. И уж, безусловно, я очень далёк от мысли представить Гитлера этаким невинным агнцем в руках жаждущих мирового пожара США и американских банкиров. Вместе с тем, о том, что Гитлер очень осторожно и осмысленно готовился к мировой войне, особенно с таким гигантом как СССР, понимая всю глубину последствий в этом случае для себя лично, свидетельствует его попытка затянуть её начало. Поэтому он, явно не согласовав свои действия с руководством США, послал своего первого заместителя и доверенное лицо Гесса в Англию на переговоры. Причём сама форма его отправки свидетельствовала о чрезвычайности ситуации.

Полёт Гесса 10 мая 1941 г. стал очевидной попыткой Гитлера избежать на определённое время войны с СССР и выйти из-под контроля США путём заключения мира с Англией, создания на его основе англо-германского союза и затем на его базе своеобразной «Европейской империи» в противовес США. Но отказ английских правящих кругов, находившихся к тому времени под полным контролем США, принять эти предложения заставил Гитлера смириться с той ролью, которую американцы приготовили ему. На это указывают данные, содержащиеся в статье Ф.Д. Волкова «Неудавшийся прыжок Рудольфа Гесса» в журнале «Новая и Новейшая история», 1968, №6, с. 107—120.

— В связи с этим возникает вопрос, кому же, если не фюреру, реально принадлежала полнота власти в нацистской Германии и какова была в действительности нацистская иерархия?

— По данным исследователя Л.Н. Гаранина, реальным руководителем нацистской Германии был председатель рейхсбанка и министр экономики Шахт. Его первым заместителем был Геринг. На долю же Гитлера были выделены представительско-пропагандистские функции: «До прихода к власти Гитлер довольно долго жил на деньги Геринга, который вёл себя по отношению к нему довольно свободно, подсмеиваясь над его пуританством и вегетарианством. Геринг был доверенным лицом германских банкиров в НСДАП и сам занимался игрой на бирже. Геринг был инициатором и организатором поджога рейхстага. Он же вопреки воле Гитлера организовал 30 июня 1934 г. «ночь длинных ножей», в ходе которой был уничтожен Рем и другие члены НСДАП, верившие в антикапиталистическую демагогию нацизма. В марте 1938 г. Геринг руководит аншлюсом Австрии. Среди нацистского руководства Геринг наиболее негативно относился к СССР и постоянно подчёркивал своё отрицательное отно-

шение к пакту о ненападении, начиная с момента его заключения в августе 1939 г.».

— Логика Ваших суждений и приведённая Вами в их подтверждение убедительная документальная фактура, Константин Владимирович, очень интересна, хотя и довольно неожиданна для сложившегося стереотипа мышления у целого ряда историков и политологов, которые первой фигурой в нацистской иерархии видят всё-таки Гитлера и никого иного. После начала войны Германии с СССР сценарий дальнейшего хода событий осенью 1941 г. с циничной простотой изложил, как известно, сенатор-демократ Гарри Трумэн (с 1944 г. вице-президент США, с апреля 1945 по январь 1953 г. — президент США): «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах». Как говорится, то, что у Рузвельта было в голове, то у Трумэна — на языке...

— Осознание Гитлером последствий авантюры, в которую его втянули США, после происшедшего разгрома в декабре 1941 г. немецких войск под Москвой привело его в бессильную ярость, результатом чего стало объявление войны США сразу же после японского удара по Пёрл-Харбору, хотя реально вести войну с США Германия не имела никаких возможностей вплоть до высадки американских войск в Северной Африке летом 1942 г.

— А если бы после первоначальных успехов в войне с СССР Германия начала терпеть поражение? Тогда бы политическая многоходовка американских банкиров потерпела крах?..

— Американская дипломатия многоветвиста и хитроумна. Финансовый капитал никогда не кладёт яйца в одну корзину. У него на этот поворот событий имелся соответствующий вариант действий, который заключался в следующем: 1. Военный переворот и устранение с политической арены Гитлера, Гимлера и ряда других широко известных одиозных фигур. 2. Формирование «демократического» германского правительства и под этим предлогом оказание давления на СССР с требованием, чтобы его войска прекратили движение в направлении Восточной Европы.

Реализацией этого варианта стало покушение на Гитлера и попытка военного переворота в Берлине 20 июля 1944 г.

— Если бы Гитлер погиб в результате взрыва бомбы, военный переворот в Берлине был бы удачен и к власти пришло бы коалиционное правительство из представителей социал-

демократов, а также центристских и умеренно-правых партий, существовавших до прихода нацистов к власти, не думаю, чтобы Сталин поддавался давлению США, СССР согласился бы на мирные переговоры и наши войска остановились бы на прежних своих границах. Не для того в нашем Отечестве было пролито столько людской крови и произведено разрушений, чтобы останавливаться на полпути. Цель правительства СССР и всего народа была едина — добить зверя в его логове в Берлине.

— Что ж, Владимир Александрович, позвольте и мне порассуждать в таком же стиле. После убийства Гитлера новое правительство в Германии сразу бы открыло Западный фронт американско-английским войскам во Франции и было бы признано западными союзниками. После чего из Вашингтона в Москву, от союзника Рузвельта к союзнику Сталину было бы послано тёплое и дружественное письмо с призывом по такому прекрасному случаю, как свержение гнусного тирана Гитлера и прихода к власти в Германии демократических сил, остановить войска Красной Армии на линии советско-германской и советско-румынской границы по состоянию на 1 января 1941 г., поскольку новое германское правительство изъявило скорейшее желание вывести немецкие войска из оккупированных ими стран Восточной Европы и передать контроль над ними их бывшим правительствам, находящимся в лондонской эмиграции, каковые уже пакуют чемоданы, готовясь к посадке в самолёты.

Но если бы СССР всё-таки не внял и продолжал бы продвижение на Запад, как Вы говорите, то США на самых законных основаниях могли бы, как минимум, объявить об оказании Германии широкомасштабных военных поставок для отражения «советской агрессии» против ставшей в одночасье демократической Европы во главе с Германией или, как максимум, объединить свои и германские войска в боевых действиях против Красной Армии. Даже всемогущий Сталин не мог не считаться с мировой русофобской силой...

Однако механизм реализации этих «крутых» американских планов оказался чересчур сложным и, как следствие, произошёл его неизбежный сбой. Гитлер остался жив, а Красная Армия победоносно вошла в Восточную Европу и даже взяла Берлин, что весьма обесценило американское лидерство в послевоенном мире. Вместо одной сверхдержавы в послевоенном мире в лице США их оказалось две: США и СССР.

Это обстоятельство, как мы хорошо знаем, и определило в дальнейшем, в период 1946—1990 гг., американскую политику в мире, приведшую к трагедии крушения СССР..

— Спасибо, Константин Владимирович, за столь интересное, глубокое и широко обоснованное документально интервью. Его актуальность в контексте современной международной глобальной политики и агрессивного поведения американского банковского капитала несомненна. С документов Нюрнбергского трибунала нынче, что называется, «сдувают пыль».

Недавно в Москве прошла Международная конференция «70-летие Нюрнбергского трибунала: историческое значение и проекция в современность». В ряду выступлений его участников красной нитью проходила очень важная, актуальная и поучительная мысль: нынче мы знаем подлинных поджигателей двух мировых войн, но нам известны имена и тех, кто способен развязать третью мировую катастрофу. Важнейшая задача мирового прогрессивного сообщества — остановить преступников, не дать погибнуть человечеству в новой ядерной катастрофе.

На передней скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе должны были сидеть и понести справедливое суровое наказание не только гитлеровские головорезы из ближайшего окружения Гитлера, но прежде всего те, кто стоял у истоков Второй мировой войны, т.е. американские финансовые воротилы, раздувшие её всепожирающий пожар, породившие и взлелеявшие Гитлера, направившие его на СССР и другие мирные страны, нажившие баснословные капиталы на крови и огромных людских страданиях. Эти хищные и ненасытные акулы империализма — кланы Рокфеллеров, Морганов и прочие представители американского финансового и промышленного капитала, истинные хозяева Гитлера вовсе не отказались от своих опасных планов глобального подчинения и управления миром. Увы, если и можно было видеть представителей элитарного американского сообщества на историческом Нюрнбергском процессе, то в строгих чёрных мантиях судей...

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук, академик РАН

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЛЫ

*Доклад на 25-й научно-практической конференции
«Филология и школа»*

Современная школа по содержанию и уровню образования, по результатам воспитания в целом не обеспечивает должных базовых системных знаний, культурных навыков и уровня образования, необходимого гражданам независимой державы.

Несоответствие школы её задачам в том, что действующие программы не ориентируют на ряд необходимых знаний, в том числе — на некоторые важнейшие духовно-нравственные понятия и нормы. Иные корневые представления о реальном мире в школе преподаются неполноценно. Это происходит вследствие тоталитарного повреждения («реформирования») гуманитарной сферы школьных «стандартов» и прежде всего — неразумного, ненаучного и стратегически опасного снижения содержательности и уровня изучения родного слова. Это удар по всей системе образования. Поэтому основная и насущная задача школы — восстановить в сознании учащихся природную роль слова и словесности: это

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

лежит в основе приобретения полноценных знаний и определяет культурный уровень учащихся.

Нынешняя политика в области образования (прежде всего в отношении к слову и словесности) на деле ведёт к деградации уровня сознания, к последующей невротизации и снижению жизнеспособности учащихся, к умалению образованности и культуры. В прессе несколько лет назад было отмечено, что за время обучения в школе здоровье ребёнка ухудшается в 4—5 раз...

Несмотря на упорное противостояние такой разрушительной политике в школьном деле — в масштабах государства не произошло до настоящего времени никаких изменений к лучшему. Против нашего образования «работают» силы международного, надгосударственного масштаба, «пятая колонна» недругов России, толпа чиновных невежд, лишённых знаний и всякого чувства ответственности. Наше сопротивление лишь замедлило организуемое «сверху» уничтожение полноценной школы. И всё-таки это было достойное противостояние! Ведь не сопротивляться разрушению отечественного образования — значит занимать безнравственную и антикультурную позицию.

В статье академика РАО Ю.Г. Круглова, опубликованной во 2-м выпуске Трудов «Филология и школа» (2008 г.), было ясно сказано, что «всяческими способами (и прежде всего — финансами) поддерживаемые инновации, активно внедряемые в учебный процесс, уничтожают существующую уже два столетия плодотворную традицию в школе... Суть же этих «экспериментов» в российских условиях (может быть, о ней не догадываются сами экспериментаторы) — вытеснить из литературного образования основополагающую для школы классическую русскую литературу». Сегодня это очевидно.

После т.н. «года литературы» нелишне напомнить, что вся русская классика одухотворена идеями созидания и утверждения «разумного, доброго, вечного», что в ней содержится неповторимый опыт переживания и осознания окружающего, «совмещено» множество запечатлённых словом прочувствованных и осмысленных сведений, догадок, мнений, чувств и оценок реальности. Она отличается сокровенным чувством слова. Только читая отечественную классику, можно достойно овладеть русским литературным языком. Иного пути нет..

Классика умеет говорить о жизни всё как есть, передаёт глубины потрясающей правды, не опускаясь до вульгарного натурализма и не нарушая эстетических границ подлинно человеческого видения. В русской классике отражается ха-

рактика народа: волевая духовная энергия его соборности, остро переживаемое чувство чести-совести, сострадания, милосердия, жертвенная готовность стоять за справедливость, неистребимая убежденность в окончательной победе правды и добра.

Классика наследует национальные идеалы и традиции, она всегда «связана с почвой» и потому — плодотворна. Классика служит истине и красоте, утверждает прекрасное, высоко почитаемое, что освящено созидательной любовью и служением добру (для жизни всех и каждого), человеку, Богу.

Русская классика проникнута истинной всепроникающей красотой, отзывающейся в окончательном смысле всех принадлежащих ей произведений, если только присмотреться к ним и в них вникнуть.

Истинная красота — не дань вкусу, но объективный идеал прекрасного. Прекрасное же — это согласованность с законами мироздания, с его гармонией, оно — **естественно**, соприродно миру; оно — **духовно**, то есть устремлено к надобыденному идеалу; оно — **проникнуто любовью**; оно имеет свои закономерные пределы в содержании и форме, то есть **определённо** (бесформенное — уродливо, безобразное — безобразно); оно — **целостно-совершенно**, то есть воплощает органическое единство содержания и формы, цельность и завершенность. Но главное — оно следствие любви, которою создан и держится мир.

Классика утверждает высшие ценности истины, добра и красоты, величие достойных человеческих дел и устремлений. Русская классика (даже в её явно «светских» произведениях) имеет несомненным истоком свет Христовой истины. Она непременно и неизменно утверждает радость бытия.

Классика учит благоговению перед святыней и святостью. Ведь иному современному человеку, не потерявшему способность по-человечески мыслить, всё ясней, что зачастую «он живёт без святыни, и что жизнь без неё будет невозможно вынести». Но у нас есть путь к спасению. Путь этот — вдумчивое чтение классики: она поможет обрести человеческое достоинство и подлинное счастье, ощущение духовной радости, благодатного стояния в истине, спокойную совесть и пронизательно-одухотворённое видение мира.

«Русская литература, — писал известный филолог С.А. Венгеров, — всегда была одной из тех святынь, в общении с которой человек становился чище и лучше... Русская литература — центральное проявление русского духа, фокус, в котором сошлись лучшие качества русского ума и сердца». Русская классика утверждает истинное и человеческое, гну-

шается «художественной» мерзости, вульгарности и пошлости. Поэтому отвращаются от неё кошунники и нечестивцы.

Предшествующие поколения (тому много примеров) не просто изучали русскую классику, но жили ею. Дстойно усвоенная классика становится на всю жизнь предметом для осмысления, переосмысления и духовного роста. Без знания русской классики не может быть ни знания подлинной России, ни культурного человека в России.

Классика вечна!.. Классике во многом обязаны мы тем, что есть хорошего в нас, в нашем народе, с его добродетелями и его победами. И, конечно, — самой большой победой XX века — разгромом фашистских орд в Великой Отечественной войне. Победу в этой войне одержала и русская классическая литература, занимавшая в то время достойное место в образовании.

Прошло 70 лет. И сегодня нас пытаются «понемножку» лишиться этого достояния (о, как коварно это «понемножку!»), стремятся умалить его значение, ограничить внимание и доступ к запечатленным словом истинно прекрасным произведениям великой русской культуры. Неужели отступим хоть на полшага назад в святом деле противостояния невегласам, мракобесам или откровенным врагам и предателям непревзойдённого наследия нашего народа, агентам информационной войны, желающим отнять у молодых поколений подлживыми предложениями наши духовные богатства, источник нашего разума и духовной силы?! Защитить наше наследие — дело чести и совести каждого истинного гражданина России!

В школьные годы ученики знакомятся с очень разными сочинениями, и это естественно, но изучать нужно произведения, обладающие высокой художественной ценностью. Только это создаёт предпосылки для воспитания истинного вкуса и непрременных качеств духовно и нравственно здоровой личности. Нельзя стать образованным человеком в России, не зная достойно русскую классическую литературу.

Значение классики понимали и представители противостоявшей нам «закулисы». Полстолетия назад верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг, оценивая гуманитарные достижения школы в России XX века, писал: «Сила нации заложена в её искусстве, музыке и литературе в такой же степени, как в её физике и электронике. Тот, кто полагает, что великая поэзия или знание классической литературы не являются существенными не только для качества, но и для жизнеспособности

нации и её культуры, — пренебрегает уроками прошлого»... Всё это отлично понимали наши недруги. Умный Отто фон Бисмарк заявлял: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя». К этому и были не на словах, а по существу направлены реформы образования.

И вот за четверть века хорошо организованного, квалифицированного и системного разрушения, осуществляемого через командные образовательные учреждения мы потеряли литературу как научный предмет школьного образования. В созданных «реформами» условиях почти невозможно научиться главному: вчитываться в книги, верно и полноценно осознавать художественный мир произведения.

Но прежде ещё была «забыта» коренная педагогическая задача: осмысленное изучение слова. Здесь нелишне напомнить, как определяли нормальные условия для преподавания родного языка выдающиеся филологи. «Родной язык, — писал академик Ф.И. Буслаев, — должен стать центром всего преподавания во всей школе... в том отношении, чтобы всякий урок и притом по всякому предмету был в то же время уроком и упражнением в правильном употреблении родного языка. Язык этот должен быть воздухом, которым дышит и живёт вся школа. При этом, само собою разумеется, преподавание основных предметов должно быть поставлено в самую тесную связь с преподаванием родного языка. По твёрдому нашему убеждению, это единственно возможный путь к глубокому и серьёзному изучению родного языка и к достижению столь необходимого процветания родной речи».

Учитель, не воспитавший в своих учениках чувства слова, уважения к слову, благоговения перед ним, не сумевший подвести к мысли о сущности слова, — такой учитель не выполнил своей основной задачи.

Положим, публичное употребление непечатной брани — явный признак языкового невежества школьников. Сквернословие не только оскорбительно по отношению к святыням, но и пагубно, ибо наносит внешне незаметный, но реальный вред не только духовному миру произносящего и окружающих, но их «материальной сущности». Словесник обязан растолковать всё это.

Ученики должны знать об исследованиях волнового генома речи, нашего соотечественника П.П. Гаряева, должны отдавать себе отчёт, что озвучивание названного рода слов разрушает биополе человека, значительно увеличивая возмож-

ность негативного воздействия на организм внешней среды и даже вызывает генные мутации, способствующие вырождению. Они должны услышать от нас и то, что духовный вред публичной непечатной речи значительно превосходит многие известные негативные воздействия на личность. Ибо, говоря словами Ф.Я. Шипунова, «слово произнесённое или событие запечатлеваются во всех точках Вселенной и навсегда». Массовое сквернословие — мощное средство подрыва духовных сил народа и культуры, оно неизбежно разрушительно отзывается на его судьбе. Кстати, нередко — и на судьбе кощунника-сквернослова. Наверное, филологи знают об И.С. Баркове. Талантливый поэт истратил свой незаурядный дар на скабрёзно-непечатную поэзию. Его конец удивительно символичен: «в пьяном угаре падение в выгребную яму с последующим захлёбыванием нечистотами»...

У школы отняли ключ к человековедению. Мы лишились нормальных условий для того, чтобы обучать молодёжь полноценно, исторически мыслить; то есть мыслить по-человечески... Ибо историческое бытие и историческое мировосприятие — один из непререкаемых признаков человека. Художественный образ может быть правильно понят только на путях исторического его рассмотрения. Об этом постоянно напоминали видные учёные и педагоги. «История литературы, — писал В.Я. Стоюнин, — должна беспрестанно обращаться за исторической обстановкой, за правильным и ясным освещением своих литературных фактов к другим историям народной жизни... иначе потеряется цель истории литературы, которая обнимает все словесные произведения, изображающие жизнь и характер народа, и которая состоит в тесной связи с жизнью народа, как внешнею так и внутреннею». Необходимо объяснять, — замечает другой выдающийся русский методист-словесник В.И. Водовозов, — «связь литературных явлений, их историческую последовательность, без которой знание литературы не может быть ни цельным, ни существенно полезным».

Художественная литература — живое и целостное, эстетически ориентированное воспроизведение в предметно-образной словесной форме мысленного, чувственного и духовного опыта — вся проникнута историей. Историзм в отношении к словесности — это свойство художественного образа запечатлевать и обнаруживать взаимосвязь, последовательность, закономерность и логику развития во времени характеров, общественных обстоятельств, идей, духовных устремлений, настроений и т.д.

В этом отношении чтение художественной литературы — это движение исторического мышления: от исторически осмысленного и уточнённого художественным текстом слова — к образу, исполненному живого исторического содержания. Верно понять героя или событие (равно как и приблизиться к верному пониманию) можно только тогда, когда они соответствуют историческому содержанию и смыслу, предопределяемым авторским текстом. Поэтому анализ текста (на том или ином уровне, в той или иной форме) — необходимый этап на пути к содержанию, смыслу и тайнам художественного произведения, которое возникает из текста в нашем представлении и образует зримую картину, за которой и **прозреваются** читателем открытия и откровения исторической жизни. Без ощущения образа времени, отражённого в произведении искусства, невозможно в целом понять и его «вневременной» смысл. Вне истории нет науки о литературе и её понимания. Вместе с тем, говоря словами М. Бахтина, «отношение автора к изображаемому всегда входит в состав образа».

Обессточены ныне и предпосылки образного укоренения в сознании учащихся духовно-нравственных истин, ибо это обеспечивается только полностью и целостностью картин, запечатлённых в художественных произведениях.

В сущности же, утрачена возможность преподавать школьникам базовые филологические знания на культуuroобеспечивающем уровне, в том числе и знание русского языка как языковой картины мира. «Реформаторы» сделали всё, чтобы это стало недостижимым... Фактическое уничтожение в школьном преподавании раздела «развитие речи» — в начальной школе и в последующих классах, а также информационный беспредел, в котором школьнику легко заблудиться в трёх соснах духовно-нравственных понятий, требует от учителя исторических знаний и опыта убедительной наглядности: что такое честь, ответственность, культура, святость и т.п.

Примеры преходящи. Но только литература может в должной мере обеспечить овладение целостным видением явления. Только слово, *соединяющее* в художественном образе — *созерцание, познание, переживание и разумение* действительности способно подвести к восприятию целостности жизни в полноте её осознания. Художественный образ, художественная мысль обретает истинное содержание и органический смысл только в целостном произведении, поставленном в исторический контекст, в неразрывности с творческой биографией писателя.

Сегодня условия для этого в школе отсутствуют. Программы по словесности преступно сокращены. Нанесены удары и по высшему образованию специалистов-филологов. При современном состоянии преподавания литературы учащимся почти невозможно овладеть грамотным отношением к литературе, достичь её понимания. Вынужденный дилетантизм в ознакомлении с произведениями часто граничит с невежеством. «Приблизительность» и условность освоения основополагающих понятий разрушает всякую возможность опоры на науку: ключевые понятия литературоведения неясны сегодня подавляющему большинству учащихся. Не ясна им и природа истинного искусства, которое есть не обычный труд, но творчество и служение, поиски пути к открытию истины и *высшему откровению*...

Такое осознание является предпосылкой возрастания полноценной личности. И наша задача — сохранить в сознании деятелей просвещения смысл полноценного гуманитарного образования.

Наша задача по мере наших сил — помочь словесникам в тяжелейших условиях организованного унижения учителей, препятствования их первостепенным обязанностям посредством загрузки их канцелярской работой и изощрёнными бюрократическими нагрузками, путём навязывания им вредных и безусловно антинаучных «подходов». Мы должны понимать: всё это средства ведущейся против нас информационной войны, в которой наши враги действуют по А. Даллесу и, бросая «всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей», квалифицированно, продуманно и успешно внедряют в систему образования фальшивые ценности, вытравливают и, отодвигая существенное, навязывают под видом «новаций» и пресловутой «толерантности» массовую псевдокультуру, которая призвана изображать «самые низменные человеческие чувства», «хамство и наглость, ложь и обман, предательство, шовинизм и вражду народов».

Мы, словесники, обязаны возглавить возвращение к истинным созидательным началам духовной жизни нашего народа, принимая во внимание светлую сущность нашей веры и благотворный характер культуры. Нужно прежде всего обратиться к себе и посмотреть пристально и прямодушно, каковы мы есть на самом деле по отношению к тем безусловным неколебимым *идеалам*, которые мы на словах исповедуем, а в обыденной жизни забываем.

Мы бываем удовлетворены своим «добропорядочным» житием, не желая или не умея осознавать, насколько оно

далеко от истинно достойного. Я не имею в виду жизненных подвигов: это для большинства из нас, грешных, недоступно по немощи нашей. Я говорю о вещах обыденных, ежедневных: о мыслях наших, которые мы не судим, как должно, о словах, которые оскорбительны для Истины, о делах, которые обличают всех, кто притворяется праведником, но не способен к служению и жертве. Духовное рабство заставляет иных покорно опускать голову перед громадой тоталитарной лжи в образовании и цинично молчать там, где необходимо во весь голос заявить: «это ложь» или: «это преступление»...

25 лет публично и цинично разрушают наше образование, а мы всё ещё постыдно употребляем слово «реформы». Совершено и продолжает совершаться грандиозное преступление государственного масштаба, содеянное по хорошо разработанному сценарию, который реализуется по вине многочисленных предателей. И многие из нас — молчат!

Вернусь к филологии. Мы должны учить читать с разумением и восхищением истины. Этому должно научиться, чтобы остаться Человеком в условиях расчеловечивающей цивилизации и всплесках поношений и издёвок над нашим родным и святым — чужаков и пакостников, лишённых совести...

Бывает, что для человека, не обогащённого гуманитарными знаниями, непонятно, зачем что-либо *изучать*, когда всё и так налицо: и герои, и обстоятельства, и события. Так думают те, кто забывает, что он имеет дело с *искусством*, а значит, с творческим сопряжением характеров, обстоятельств, событий, отражённых в произведении. Для понимания художественного произведения необходимо ответить на вопросы: что изображено, как изображено, почему именно так?..

Неосмысленное произведение классики предстаёт перед сознанием неискущённого читателя подобно полному набору деталей несобранной машины. Для того, чтобы машина заработала, нужно поставить все детали на их место, верно соединить их, заполнить бак топливом и «запустить двигатель» понимания. Это возможно только с опорой на исторические знания, на основе исторического мышления. Тогда произведение оживёт, т.е. предстанет перед нами как целостный образ, озарённый авторским пафосом. Только после этого можно будет верно его понять и оценить. Нынешнее «изучение» литературы в школе — это, как правило, не «езда в неизвестное» художественного мира произведения, не открытие прекрасного, а словно рассматривание груды деталей полусобранной машины, не способной ни к какому движению.

Настоящий учитель по смыслу и значению своей деятельности выше любого начальствующего чиновника педагогической администрации, и он, специалист-филолог, а не чиновник-бюрократ должен решать, как именно преподавать литературу. Да здравствует учитель! Сегодня он — на передовой сражения за Россию, за наше будущее! Наша задача — вдохновить и вооружить учителей-словесников основами филологических и педагогических наук, вопреки распространяемому иными «образованцами» невежеству, прикрытому названием «инновации».

Главная достойная цель всех честных работников средней и высшей школы — восстановить полноценное образование в России и добиться общероссийского возвращения к плодотворным традиционным духовным ценностям и созидательным культурным нормам обучения и воспитания будущих поколений.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2015 г.

(Сентябрь — декабрь)

Уже дети спрашивают Путина: что происходит с национальной валютой? 1 сентября он прилетел в Сочи в образовательный центр «Сириус». К нему подошёл 11-летний ученик и смело спросил: «Почему рубль стремительно обесценивается и почему нельзя это остановить?» — «Потому что это полезно для нашей экономики, — как обычно, ответил президент. — Дешевеет наш экспорт и сохраняется золотовалютный запас. К тому же мы не можем использовать нерыночные методы... Тебе это понятно?» — спросил Путин у мальчика. «Понятно», — ответил он.

Даже детям становится понятно, что страну возглавляют, мягко говоря, какие-то странные люди. Здравоохранение у них с каждым годом улучшается — при тотальном сокращении медучреждений и бесплатного медобслуживания. Образование у них растёт — при ежегодном уменьшении сельских школ и бюджетных мест в вузах. А экономика при бесконтрольном,

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

«рыночном» обесценивании национальной валюты — оздоравливается... Как говаривал А. Райкин, «ребята, вы хорошо устроились...»

25 лет капитализма в России всё еще никак не отрезают этих заигравшихся в рынок «ребят» во власти. Они всё еще надеются выиграть у рыночных напёрсточников.

* * *

После всех рукопожатий с Владимиром Владимировичем Вальцман-Поросенко 2 сентября, в день 70-й годовщины окончания Второй мировой войны, призвал весь мир объединиться в борьбе против России. «Российская агрессия представляет угрозу не только для Украины, но и для всего цивилизованного мира. Кровавые уроки Второй мировой войны не должны быть напрасными. Остановить агрессора можно только объединенными усилиями, как это было 70 лет назад», — заявил он в «Обращении к мировому сообществу». Правда, этот кровавый недоумок почему-то не уточнил, **кто именно** остановил 70 лет назад объединенного против СССР агрессора. И хотя Владимир Владимирович, утверждал, что «на руках Петра Алексеевича крови нет», всё же теперь ему всё сложнее будет при встрече с Поросенкой застенчиво улыбаться и пожимать ему руку. Однако скидки на газ, уголь и электричество для нэзалэжной от России, без всяких сомнений, останутся в силе.

Но с другой стороны, это т.н. «мировое сообщество» всё более убеждается, с каким патологическим дегенератом они имеют дело.

* * *

Когда-то я писал в «Протуберанцах»: «Бог не играет в кости». В том смысле, что напрасно надеяться переиграть высшую справедливость. Грязные дела не останутся безнаказанными.

Когда натовская Европа с Америкой бомбила Ирак и Ливию, когда она поддерживала т.н. «сирийскую оппозицию» в виде исламистских головорезов, обезглавливающих христиан под видеокамеру, когда она аплодировала казням С.Хусейна и М.Каддафи, то и думать не думала, чем вся эта кровавая мерзость обернется для нее самой. Но Бог не играет в кости. Население повергнутых в хаос, разрушенных и объятых войной Сирии, Ливана и Ирака, спасаясь от вскормленных Америкой исламистских каннибалов, хлынуло в свободную и кичашуюся благополучием Европу. Сотни тысяч беженцев. И Европа взвыла. Она была уверена, что все ее грязные дела сойдут ей с рук. Ей казалось, что там, на Ближнем Востоке,

живут не люди, а бесчувственные куклы, что с ними можно творить всё, что угодно. Но оказалось, что там — тоже люди, которые хотят жить, работать, есть, пить, растить детей...

Такого нашествия людей другого цвета кожи Европа никак не ожидала. Евросоюзное единство рухнуло в одночасье. Шенгенское свободное передвижение застопорилось, и страны «единого Европейского союза» стали окружать себя трехметровыми заборами и колючей проволокой... И начали показывать пальцем на Германию: мол, она возглавляет Евросоюз, вот пусть туда мигранты и убираются... И это только пока еще цветочки, это только начало большого **европейско-го хаоса**, спланированного Израилем и Америкой.

Но куда теперь деваться несчастной Украине? Теперь у Европе ей точно места не будет...

Венгрия уже обрушила на ближневосточных и североафриканских беженцев войска, полицию, слезоточивый газ и дубинки. Лишь бы не пропустить их на свою территорию и далее в Европу. Но что было бы, если бы нечто подобное по отношению к мигрантам позволила себе Россия? Какой вой стоял бы по всей Европе и в США! Как бы клеймили Россию в Совете Европы и в ООН за нарушение прав человека! А тут — никаких тебе протестов со стороны демократической общественности...

Россия приняла на свою территорию более двух миллионов беженцев из Украины. И — ни металлических ограждений на границе, ни колючей проволоки. Я говорю исключительно о беженцах, гонимых войной и хохлятско-нацистским беспределом. Хотя на границе со Средней Азией высокие ограждения были бы вполне уместны.

15 сентября Поросенко объявил о новых санкциях против России. В этот же день глава Газпрома Миллер предложил Киеву дополнительные скидки на газ. «Чудны дела Твои...»

Европейцы под прикрытием США надеялись безнаказанно побомбить ближневосточные государства, враждебные Израилю, и жить дальше как ни в чём не бывало, — спокойно, мирно и сыто. Но трагический хаос Ближнего Востока, спланированный в США и созданный при участии европейских вояк, вместе с украинским хаосом очень быстро начал перекидываться на благополучную, зажавшуюся, извратившуюся и уверенную в своей непогрешимости старушку-Европу. Этот хаос, также спланированный в США, неизбежно перерастёт в глобальный европейский кризис, выход из ко-

того будет только в одном-единственном варианте — в большой войне. Европа, естественно, не хочет никакой войны, однако Америка загоняет ее в тупик. И чтобы не развалиться, не взорваться изнутри, не захлебнуться в терроре и исламском беспределе, ей придется окунуться в новую войну.

И кто придет спасти европейцев от нового истребления и нового варварства? Думаю, ответ очевиден. Бог действует через людей. Наказание Европы хоть и делается руками Америки, но по воле Провидения. Мало ей было исторических уроков, мало. Значит, уроки надо время от времени закреплять в памяти.

Ублюдочные поляки разрушили памятник своему освободителю — русскому генералу Черняховскому. Это значит, вновь русским освободителям предстоит спасти их от умопомрачения. Двоечников по истории и географии не исключают из школы, их оставляют на второй год, чтобы заново зубрили науку. Кто знает, может, еще и будет толк. Если же опять толку не будет, то история легко обойдется без них... Сколько раз исчезала Польша? И кто ее каждый раз восстанавливал? Может, уже хватит?..

* * *

Похоже, в нынешнем украинском правительстве нет ни одного нормального человека. Абсолютно все — моральные уроды и умственные дегенераты. Впрочем, нормальный человек в этом паноптикуме просто не смог бы находиться.

20 сентября Киев объявил об экономической блокаде Крыма. До этого уже более года Порошенко и Яценюк кричали о необходимости жесткой блокады Донбасса. Между прочим, экономическая блокада — это и есть один из основных признаков фашистского режима. Но у дегенератов и режим такой же — фашистско-дегенеративный. До моральных уродов, находящихся у власти, по-видимому, не доходит, что своей «блокадой» Украина блокирует исключительно саму себя.

И уже ничем нельзя помочь, когда месть от бессилия и тупой злобы застилает глаза и блокирует мозги.

* * *

Всё руководство республики Коми во главе с губернатором Гайзером оказалось членами преступного мошеннического сообщества. Как ни странно... Уголовные дела возбуждены аж против 19 человек из администрации Коми. А до этого за решёткой оказался губернатор Сахалина Хорошавин. Можно еще вспомнить не менее десятка арестованных или уволенных за недоверие мэров крупных городов, список

которых возглавил с позором изгнанный со своей должности г-н Лужков.

В Интернете появились сообщения о том, что, мол, дело Гайзера — это оправдание власти перед народом за разваленные дела Сердюкова и Васильевой. Как знать, может быть... Но если вдуматься, всё это крайне опасно, и за страну становится просто страшно.

Дело в том, что сама общественно-экономическая система, в которую втащили страну в 1991 году, порождает это воровство и эту коррупцию. Практически во всём, в чём обвиняют Гайзера, можно обвинять любую администрацию любого региона РФ, в том числе и Москвы. Сама «экономическая», частнобанковская, т.е. ростовщическая система вынуждает разворовывать госбюджет.

В советское время ВСЕМ нынешним губернаторам грозил бы (в лучшем случае) длительный тюремный срок, а в худшем — расстрел. И одно из двух — или Путину понадобится новый Ежов с его «рукавицами» (что маловероятно), или сама система, рухнув, погребет под собой и страну, и ее кремлёвских менеджеров.

* * *

Фашизм, нацизм и шовинизм Европы за последние двести с лишним лет главным своим остриём были направлены в сторону России. Нет, не против коммунистов в XX веке была настроена Европа, не против СССР, не против Сталина, но исключительно против России, какой бы она ни была. Отнюдь не советская идеология, не советский т.н. тоталитаризм, но только наша территория, наши богатства и наш мужественный, непокорный народ вызывали в европейских умах зависть, страх и ненависть. И сколько бы Россия ни спасала Европу от ее самоубийственного фашизма и нацизма, ущербность ее в своем коммунальном чистоплюйстве никогда не позволит ей дорасти до осознания морального над ней превосходства русской жертвенности и русского сострадания.

* * *

Ну вот и пришло время, когда страны Евросоюза начали огораживать себя металлическими заборами и колючей проволокой. Возможно, доживем мы и до того времени, когда по этой проволоке пустят ток высокого напряжения. А их хваленая «свобода передвижения» ошетинится стволами автоматов и мордами немецких овчарок. И ничего нового под солнцем. Европейская «свобода» всегда заканчивается одним и тем же: «Хальт! Хенде хох! Шнелле, шнелле!»

* * *

Уже совершенно ясно, что нынешние телевидение и радио существуют только ради рекламы, потому что исключительно за счет нее они и существуют. А то, что транслируется между рекламой — лишь дополнение к ней, чтобы люди не отключались от телевидения и радио.

* * *

Нет, не случайно соединились, нашли друг друга, сошлись в одном месте два еврейских маразматика: Вальцман-Поросенко и Сабакашвили. Украина сейчас — самая благодатная почва для процветания махровой, безбашенной русофобии, и эти два закомплексованных, раздраемых злобой отморозка, словно сбегавшие из дурдома истеричные психи, готовы, брызжа слюной, с утра до ночи лаять на Россию. Два пиндосских «прежидента», две побитые дворяжки, разбившие морды и сломавшие зубы о русский сапог. Как ни удивительно, но у русофобов всегда одна и та же позорная судьба.

* * *

Оставив Донбасс в «единой и неделимой» Укропии, Путин решил повоевать в Сирии. Защищать мирное население донбассцев от киевских карателей и бандеровских террористов с помощью российской авиации он не пожелал. Однако население Дамаска ему почему-то оказалось дороже. Может, потому, что «исламское государство» (ИГИЛ) стало угрожать Израилю? Воевать же с киевской еврейской хунтой ему было непозволительно...

ДНР и ЛНР так и остаются в качестве непризнанных, «самопровозглашённых» республик в составе нацистской Украины. Той самой одуревшей Украины, которая держит их в голодоморской блокаде. И погибшие, и покалеченные, и осиротевшие, и выжившие на Донбассе теперь должны радоваться военным успехам путинской авиации на сирийских полях сражений...

Одной из целей уничтожения воинских формирований «исламского государства», по словам Путина, является снижение или даже остановка потока ближневосточных беженцев в Европу. Но вот двухмиллионный приток беженцев в Россию из Украины почему-то не вызывал аналогичных действий со стороны Кремля...

* * *

Как и ожидалось, после всех громогласно-пародийных заявлений, в том числе и на сессии Генассамблеи ООН, о

«государстве-агрессоре» Путин вновь пожал руку Вальцману-Поросенко. Да, в Париже, на встрече нормандской четверки, они обменялись таки рукопожатием. Правда, Поросенко после этой встречи выглядел как побитая собачонка. Как ни тужился он улыбаться и обниматься с Олландом и Меркель, всё же в конце концов, поджав хвост и не проронив для журналистов ни слова, не солоно хлебавши вернулся в Киев в надежде на поддержку вашингтонского хозяина.

В Париже Украину и ЛДНР вновь обязали выполнять т.н. «минские соглашения» и развести тяжёлое вооружение. ЛДНР, подчиняясь более указаниям из Москвы, нежели уговорам Парижа, тяжёлую технику отвели. Поросенковская Украина — нет. Она всё ещё мечтает «освободить от террористов Донбасс».

Уже абсолютно ясно, что Европа про Украину не желает ничего ни знать, ни слышать. Нахлебавшись проблем с беженцами с Ближнего Востока, украинские притязания стали для нее лишней обузой и надоевшей пустозвонной болтовнёй. Как говорится, своих проблем полон рот. К тому же Европа со страхом увидела, как может действовать штурмовая российская авиация, когда у нее развязаны руки. И на этом фоне вся двухгодичная украинская истерика по поводу «российской агрессии» выглядит не просто смешно, а крайне и беспросветно глупо. Похоже, понимают это и за океаном, вынужденные с зубовым скрипом глотать слюну, глядя на то, как наши штурмовики уничтожают тех, кого Пентагон и ЦРУ столько лет пестовали и вооружали. Ясно, что долго терпеть они это не смогут. И вскоре, конечно же, найдется повод для защиты армии ИГИЛа с американской и натовской стороны.

А в Киеве уже возмущены «российской агрессией» в Сирии, и укропско-бандеровская пропаганда вовсю вопит о поддержке исламских террористов, противостоящих «русским варварам». Ну как же, духовно своих обнаружили...

* * *

Советник министра внутренних дел Украины Антон Геращенко выступил с предложением публикации в Интернете любой информации о наших летчиках, воюющих в Сирии, чтобы боевики и агенты ИГИЛа могли совершить месть по законам шариата. Думается, что на следующей встрече нормандской четверки Владимир Владимирович вновь не преминет пожать руку своему «украинскому партнёру» «Петру Алексеевичу». Дипломатический протокол превыше всего... Нет чтобы плюнуть, а лучше — дать в рожу!

Но с другой стороны, наши лётчики, а заодно и морские офицеры Каспийской флотилии могли бы передать хохлоблюдку Герашенко большой *крылатый* привет, чтобы сытое мурло этого «советника» моментально похудело... По закону возмездия.

* * *

Уже через неделю работы нашей боевой авиации по террористам «исламского государства» выявились его союзники и спонсоры: Украина, Турция, Саудовская Аравия, Катар, США, Англия... Уж очень недовольны они этой работой!

* * *

Наши обожаемые власти решили для начала лишить работающих пенсионеров ежегодной индексации пенсий. Красавцы! И не нужно, просто излишне рассказывать им «сказки» о том, что пожилые люди работают не только на себя, но и на страну, которая на каждом шагу их грабит.

Однако на этом солнцеликие власти останавливаться не собираются. Они глубокомысленно пришли к выводу: если человек пенсионного возраста работает, значит, пенсию ему выплачивать не обязательно. Мол, он и так проживет — на зарплату. А долгий труд этих людей на государство можно отправить коту под хвост. Да, очень умные менеджеры пришли у нас во власть. Никогда еще таких умных не было. Их догадливости позавидовать можно. Ну как нам не радоваться и не аплодировать самым в мире солнцеликим и рейтинговым менеджерам во власти?! Ведь сэкономленные на пенсиях денежки уйдут не куда-нибудь, а в американские банки — в «Фонд будущих поколений»! Это ли не повод в очередной раз почувствовать себя счастливыми?..

Пожилые люди всю жизнь работали и продолжают работать на *это* государство, а оно именно по этой причине решило их еще разок грабануть.

* * *

Газета «Завтра» стала самой пропутинской газетой в РФ. Но для чего же так стелиться перед главой государства!.. Даже перед царем русские писатели так не стелились: понимали, что это просто неприлично — заниматься лизоблюдством по отношению к власти. Но Проханова можно понять: финансирование администрацией президента Изборского клуба, возглавляемого телешоуменом Прохановым, заставляет его отвечать большой и страстной любовью к Путину. А еще кто-то утверждает, что у телевизионных патриотов любовь не продается...

Украина в свое время получила от России Крым и Донбасс. Казалось бы, будь на Украине нормальные руководители, страна должна была бы испытывать искреннюю благодарность к северному соседу и его народу. Но получилось наоборот. Никого так не ненавидела Украина, как Россию. Политическое и экономическое предательство, интриги, бесконечные претензии, оскорбления, какие-то дурацкие санкции — это то, чем платила «нэзалэжная» бывшему старшему брату. Бывшему — потому что мы, как поют ее хлопцы в вышиванках, «больше не братья». Старшему — потому что страна с названием Украина появилась не более ста лет назад. Но жизнь человеческая устроена так, что за ненависть, за предательство и за тупую спесь надо платить.

Нет, не Россия, а Провидение руками ее врагов всё устроило так, чтобы незаслуженно полученные подарки были возвращены дарителю. Не умеешь ценить братскую щедрость и бескорыстие — пеняй на себя. Крым, Донецк и Луганск из Украины ушли. Она потеряла крупные южные города — Севастополь, Феодосию, Ялту, Симферополь, потеряла большую курортную часть черноморского побережья. И они уже никогда не вернуться к ней. Халява, доставшаяся ей от советской власти, ныне яростно ненавидимой ею, как пришла, так и ушла по воле высшей справедливости. Не умеешь, не хочешь быть благодарным братом — оставайся у своего разбитого корыта и пожинай позорные плоды своего жалкого и ничтожного существования.

Вальцман-Порошенко запретил авиасообщение Украины с Россией. Такого дурака еще надо было поискать. Когда тупая, алкогольная злоба застилает глаза, можно в приступе истерики самого себя кастрировать. Или назло маме (России) отморозить уши. Обама хлопает в ладоши. Что бы свиноподобному придурку еще такое придумать, чтобы заставить Хусейна Барака Обаму прыгать от счастья? Осталось одно: отказаться от российского газа, угля и электричества и (назло маме) заморозить самостийную и нэзалэжную во имя зуропэйского соития. Неужели еще кто-то сомневается, что Украина — це Эуропа?

Россия бомбит ИГИЛ в Сирии. Наверное, правильно делает, что бомбит. Реальный боевой опыт всегда полезен. И то, что Америка нервничает, — тоже хорошо. Но ИГИЛ — давно уже в России. В количестве не меньшем, чем в Сирии. И число их

ежедневно увеличивается: радикальные исламисты прут сюда из Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа десятками тысяч. Пока мы бомбим Сирию, они «бомбят» наши города: режут, грабят, травят, устраивают диверсии, вербуют наемников... ФСБ и полиция кого-то отлавливают, но попробуй их распознай среди тысяч, ежедневно прущих к нам бесконечным потоком. И никто не знает, сколько среди них уже готовых «иглоловцев» или сочувствующих им. Они здесь наращивают свою силу. И в один «прекрасный» день сирийский ужас вдруг окажется у наших дверей. И телевизорные головы запричитают: как же так, как мы это допустили, куда смотрели власти?.. Но пусть кремлевско-белодомовские улыбчивые менеджеры не ищут себе оправданий, что, мол, их не предупреждали...

Нет, это, конечно, впечатляет, когда в теляшике наши «Сушки» и «Миги» бомбят ИГИЛ в Сирии...

* * *

Вот это и случилось. 31 октября Америка отметила свой сатанинский праздник «хэллоуин» уничтожением над Египтом нашего пассажирского лайнера. Уничтожением, унёсшим жизни 224 человек. Подготовленные и вооруженные «американскими партнерами» исламские террористы сделали свое грязное дело по указке вашингтонских хозяев. Так Белый дом отомстил нам за освобождение Сирии от своих головорезных выкормышей и за неподчинение санкциям. В Америке, Европе и бандеровской Украине в этот день был настоящий праздник.

Прокремлёвские СМИ нам еще долго будут морочить голову «множеством версий» крушения воздушного судна. Но пока они ни разу не вспомнили недавние слова госсекретаря США Джона Керри о том, что очень скоро российские самолеты начнут падать...

* * *

Продолжается активное запудривание мозгов российскому обывателю. Но факты выпирают, как шило из мешка. Перед падением на землю скорость нашего уничтоженного лайнера мгновенно снизилась с 800 км в час до 150 км в час. Такое возможно только при внешнем воздействии на самолет или при взрыве на борту. Тела погибших находят в радиусе 8 км от места падения воздушного судна. Такое возможно только при разрушении самолета в воздухе. При каких-либо неисправностях бортовых систем он падает целёхоньким. Но все телерадиоболтуны из кожи вон лезут, чтобы всем внушить, что теракта не было.

До сего дня российскому населению нравились показанные по ящику бомбометания наших штурмовиков по пози-

циям игиловцев в Сирии. Но если Кремль признает факт теракта в небе над Египтом, то отношение населения к нашему участию в сирийской войне может измениться... Вот и вернется прокремлёвские СМИ, чтобы пудрить всем мозги всяческой глупостью.

* * *

Ноябрь начался с траура. Но уже на следующий день вернулись на экраны эстрадная вакханалия, кричащая реклама, ток-шоу Соловьева с участием украинских дегенератов и бесконечные ментовские боевики с горами трупов и лужами крови. Никакие трагедии у нас не действуют ни на власти, ни на телерадиобизнес, ни на эстрадно-попсовый гогочущий кагал. Обычная российская реальность.

* * *

Через неделю после авиакатастрофы в небе над Синаем Путин подписал распоряжение о запрете всех полётов гражданской авиации в Египет. А из Египта начали возвращать наших туристов спецрейсами отдельно от багажа. Это говорило о том, что Кремль уже не сомневался в теракте на борту аэробуса А-231. Но прямо сказать об этом — не хватало морального духу. Потому что иначе, вслед за этим признанием, на безгрешные кремлевские власти ложится вина за гибель наших людей в небе Египта.

Почему рейсы наших самолетов на Синай были прекращены только после того, как случилась эта трагедия или, по-русски говоря, когда клюнул в известное место жареный петух? Что, разве это сложно было предугадать, когда мы начали бомбить в Сирии базы игиловцев? И если уж не озаботились отменой туда туристических авиарейсов, то почему не наладили строжайших мер безопасности в египетских аэропортах? После официального признания Кремлем теракта на А-321 вопросы эти возникнут логически и будут направлены напрямиком в сторону президента и всех служб государственной безопасности. И не потому ли Кремль вместе с перекормленными рекламой СМИ до сих пор упорно продолжают рассказывать басни про разные «версии»?..

Можно не сомневаться, что и после запрета полётов в Египет российские туристы, обожатели жаркого солнца, с прежним пофигизмом ринутся в Турцию... Пока не клюнет тот же самый жареный петух...

* * *

Это просто поразительно. Российские власти вроде бы воюют с терроризмом — международным и внутренним. От-

лавливают и ликвидируют (правда, при отсутствии закона о смертной казни) исламистских террористов то в Москве, то на Северном Кавказе... И при этом упорно, даже как-то самозабвенно держатся за имя жуткого, кровавого террориста и зверского садиста — Петра (Пинхуса) Лазаревича Войкова (Вайнера). Держатся как за нечто для них святое, неприкасаемое, если даже не ритуальное.

С приходом во власть в 90-е годы гайдари-чубайсовских демократов были переименованы станции московского метро, носившие имена многих советских партийных деятелей: Дзержинского, Свердлова, Кирова, Жданова, Ногина, Щербакова, писателя Горького... Казалось бы, при чём тут было имя Лермонтова, но даже название станции «Лермонтовская» не пожалели. Как тут не задаться вопросом: кто-нибудь из властей держащих мнения москвичей спрашивал, когда переименовывали эти станции метро? Кто-нибудь из чиновников московской мэрии заикался о финансовой дороговизне этих переименований? Но вот уже много лет деятели культуры, церковные иерархи, москвичи в своих коллективных письмах просят, уговаривают этих самых чиновников и даже требуют от них убрать из московской топонимики имя террориста, карателя, злодея, организатора убийства царской семьи П.Войкова — и в ответ долгое время было глухое, безразличное молчание. Когда же молчать стало просто неприлично, из мэрии последовал убийственный аргумент: «Москвичи против переименования станции «Войковская»... Причём ответ этот ошарашивал своей наглостью: словно бы в Москве состоялся референдум по этому вопросу... Но оказывается, как заявили мэрские чиновники в свое оправдание, был проведён некий опрос... Кто и кого спрашивал — никому не ведомо. Последовал, естественно, и еще один убийственный аргумент: «Это дорого».

Кто спрашивал москвичей, когда переименовывали «Ждановскую», «Кировскую», «Щербаковскую», уж не говоря о «Лермонтовской», и сколько это стоило, — теперь, само собой, не имеет значения. Но вот как только речь заходит о «Войковской» — власть прямо в лицо меняется... И сразу же находится море аргументов против этого решения. Поистине ритуальное для них имя... И сколько бы русофобствующие либералы ни носились с псевдоостанками «царской семьи», убийца святых мучеников остаётся их неприкасаемым кумиром. И власти — их моральные союзники.

Оказывается, имя цареубийцы, на самом-то деле, очень дорого нашим властям!

Уж не знаю, понимают ли в Кремле или нет этот дикий абсурд, что, воюя с нынешними террористами, кремлёвские

небожители увековечивают других, прежних, не менее бесчеловечных и кровавых.

* * *

Педерасты из «Шарли Ебдо» дважды опубликовали карикатуры на взорванный в небе над Египтом наш пассажирский самолет А-321. То есть карикатуры на 224 варварски убитых человека. И какова же была реакция Франции на это мерзкое непотребство? А ее не было. Франция отнеслась к этому безразлично и толерантно.

А теперь вспомним реакцию Европы на Беслан и «Норд-Ост». Сколько там в общей сложности погибло людей? Более пятисот. Европа отнеслась к этим зверствам со злорадной усмешкой и с претензиями к нам за слишком жесткое применение силы к чеченским террористам. И никаких цветов к нашим посольствам толерантные и свободолюбивые европейцы не приносили. Мол, мы сами повинны за «национально-освободительную войну» в Чечне.

Террористическая атака на Париж 13 ноября этого года поставила Европу в полнейшее недоумение и моральный тупик. Франция в этот же день перекрыла государственную границу и отменила занятия во всех образовательных учреждениях. Говорят, у страха глаза велики. Но здесь был даже не страх, здесь была настоящая паника. Чего, собственно, и добивались террористы. Франция 14 ноября даже отказалась от участия в международных переговорах по Сирии.

Интересно будет посмотреть, как откликнутся на парижские теракты педерасты из «Шарли Ебдо»?..

В очередной раз посмотрим, какова будет реакция и наших властей. По всей видимости, как обычно, они опять ограничатся заявлениями и разговорами об «усилении мер безопасности». Центральные СМИ непременно объявят свое излюбленное: «Преступность национальности не имеет». А сочувствующие игиловцам единоверцы и их идеологические соратники будут, как и прежде, бесконечным потоком прибывать к нам со стороны Кавказа и Средней Азии. Ну как же российскому бизнесу обойтись без дешевой рабсилы? И толерантность у нас никто не отменял... А господа ромодановские непременно останутся на своих соответствующих должностях...

Москвичи понесли цветы к французскому посольству. А жареный петух в это время высматривает новую жертву.

* * *

17 ноября нам наконец объявили самоочевидное: наш самолет над Египтом погиб в результате теракта. Кто бы мог

подумать... После семнадцати дней телерадиодолбёжки об изношенности и неисправности бортовых систем А-321.

31 октября, когда, как сговорившись, все центральные электронные СМИ взахлёб рассказывали доверчивому российскому обывателю о 18-летнем стаже самолета, об «усталости металла» и трещине в хвостовой части, в тот же день мне без малейших сомнений было ясно, что это — теракт, о чём я сразу же написал в Фейсбуке и в своих «Протуберанцах». Более того, я сказал, по чьему заказу этот теракт был совершён адептами «исламского государства». На что получил массу возражений как в Интернете, так и в личном общении со знакомыми. А теле- и радиоведущие в эти прошедшие 17 дней не раз объявляли в эфире: «Пора прекратить нагнетать обстановку и голословно утверждать о каком-либо воздействии на авиалайнер!» И даже авиационные «специалисты», приглашенные в эфир, как малые дети, продолжали рассказывать о трещине в соединении хвоста с фюзеляжем... Хотя **абсолютно все** факты, детали и свидетельства этой катастрофы говорили о том, **что** в конце концов и было признано официально. Видимо, руководство электронных СМИ знало, каких «специалистов» надо приглашать... Но с сегодняшнего дня эти самые «авиационные специалисты», после выступления Путина, в своих уверенных комметариях развернулись на 180 градусов, как будто и не было их пустых многодневных разглагольствований о старом, развалившемся в небе самолете.

И вот теперь опять же с подачи президента все говорящие в ящике головы начали гадать, кто заказчик этого теракта и где его искать, чтобы жестоко покарать. Но в день теракта, 31 октября, я об этом сказал тоже. И сейчас есть смысл повторить ту мою запись в день трагедии в египетском небе:

«Вот это и случилось. 31 октября Америка отметила свой сатанинский праздник «хэллоуин» уничтожением над Египтом нашего пассажирского лайнера. Уничтожением, унёсшим жизни 224 человек. Подготовленные и вооруженные «американскими партнерами» исламские террористы сделали свое грязное дело по указке вашингтонских хозяев. Так Белый дом отомстил нам за освобождение Сирии от своих голворезных выкормышей и за неподчинение санкциям. В Америке, Европе и бандеровской Украине в этот день был настоящий праздник.»

Прокремлёвские СМИ нам еще долго будут морочить голову «множеством версий» крушения воздушного судна. Но пока они ни разу не вспомнили недавние слова госсекретаря США Джона Керри о том, что очень скоро российские самолеты начнут падать...»

* * *

СМИ сообщили о закупках боевиками ИГ оружия на Украине. Задержанный в Кувейте главарь игиловской группировки сознался, что приобретал оружие на Украине, а после переправлял его в Сирию через территорию Турции. Но кто снабжает Украину оружием и деньгами? Известно кто — США. А Турция — член НАТО. Однако наша власть всё ищет спонсоров, сообщников и вдохновителей терроризма. Нынешняя Украина — это часть т.н. «ИГИЛа», точнее говоря, она стала структурой международного терроризма, контролируемого Вашингтоном, с которым якобы по всему миру борется Америка. Но СФ, Госдума и президент РФ упорно добиваются создания коалиции с США и Европой в борьбе с этим самым неуловимым «международным терроризмом».

Представьте себе наивного пастуха, решившего вступить в союз с волками для защиты своих овец...

* * *

Украина в конце ноября перекрыла подачу электричества в Крым. Электричества, которое она почти задаром получает от России. Вместе с дармовым углём и газом.

Это следовало ожидать. И чтобы не допустить блокады Крыма, достаточно было позволить ополчению разгромить укропов после Дебальцева. И никакой хунты уже не было бы. Но тогда, после Дебальцева, кремлянам очень хотелось пообниматься с «партнёрами» в Минске. А ведь их предупреждали: Крым без победы Новороссии останется в изоляции. Не вняли. И теперь — отрываются в Сирии. Грехи замаливают.

За прошедший год можно было подать свет хоть на Луну. Но весь год переговаривались в Минске, надеясь на благородство и благоразумие «украинских партнёров».

Но санкции, конечно же, всеми на свете «партнерами» введены против России.

* * *

Год назад состоялся визит Путина в Турцию. Сколько там было объявлено совместных планов, сколько было сказано красивых слов, сколько было заснято камерами широких улыбок!.. Расставаясь, Путин и Эрдоган чуть ли не целовались.

И вдруг — сбитый турками наш боевой самолет... Без команды из Брюсселя, а еще точнее, из Вашингтона Эрдоган на это никогда не пошел бы. И Обама сразу, в этот же день защитил его, заявив, что Турция имеет на это право. Ну и руководство НАТО на своем экстренном заседании, само собой, заняло сторону Турции.

Я всегда говорил о том, что Турция — враждебное нам государство. Более того, вся ее история — это летопись государственного терроризма. Но открыто враждовать с нами ей нет никакого смысла, это против ее государственных интересов. А уж тем более идти на военный конфликт с русскими самостоятельно она никогда бы не решилась.

И над Египтом, и теперь над Сирией наши самолеты уничтожены по прямому указанию из Вашингтона. Точный адрес — Белый дом. Это был приказ, и Турция как член НАТО была обязана подчиниться.

Жизнь упорно заставляет Кремль разорвать любовные отношения с Западом. И сколько бы Кремль ни сопротивлялся, жизнь все равно окажется сильнее.

* * *

Натовцы сбили российский штурмовик, выполнявший боевую операцию по ликвидации международных террористов. А «умеренная сирийская оппозиция» убила нашего катапультировавшегося летчика. То есть нам в очередной раз сделали жесткую антивирусную прививку против коалиции с плотоядными шакалами и против всяческих разговоров о сотрудничестве с т.н. «конструктивной сирийской оппозицией». Подобные прививки, как выясняется, нам действительно необходимо делать регулярно, т.к. российские власти заражены смертельным вирусом либерализма и при ослаблении действия антивирусных прививок склонны к патологическим расслаблениям и тяге к опасным для государственного организма противоестественным «партнерским отношениям».

Антивирусные прививки могут быть различными — **очень** болезненными и не очень. Но для заражённой либерализмом российской власти их действие чем болезненнее, тем эффективнее, потому что слабыми прививками крайне трудно переломить тягу этих топ-менеджеров к объятиям, рукопожатиям, улыбочивым словоблудиям и разнообразным коалициям с бешеными, жаждущими нашей крови «партнёрами».

* * *

Все новости по всем каналам телевидения идут как под копирку. Такого даже в СССР не было. То есть все новости на ЦТ формируются в одном месте и рассылаются по центральным каналам. Вот это и есть тоталитарный режим.

* * *

Даже если Россия вступит в настоящую войну со всем западным миром, нам всё равно между новостями о ведущихся

боевых действиях будут впаривать по ящику весёленькую рекламку про стиральный порошок «Ариэль», духи CAMEL, средство от простатита и т.д. Подумаешь, война какая-то... Реклама превыше всего!

* * *

По всей стране умирают люди от отравленного алкоголя. Через зомбоящик показали несколько подпольных заводов по изготовлению смертельного суррогата, на которых круглосуточно «трудились» выходцы из Средней Азии. Показали и спокойно переключились на другие новости. Сколько этих заводов действует на всей территории РФ и в какие торговые точки они завезли (и продолжают завозить) этот яд — неизвестно. Налицо глобальная диверсия. Перед Новым годом! Но вместо того, чтобы звонить во все колокола и объявить через СМИ о чрезвычайной опасности, власти решили не нагнетать ситуацию и сделать вид, что ничего страшного не происходит.

Уже совершенно ясно, что необходимо **срочно** брать производство алкогольной продукции в руки государственной монополии. Об этом русские организации и патриотическая пресса настойчиво говорят уже более 20 лет. Теперь уже мало и поздно об этом говорить — кричать надо через каждые пять минут во всех электронных СМИ. Но вместо этого в них через каждые три минуты орёт тошнотная реклама или гогочут чёрт знает о чём галдящие дикторы.

Ясно и то, что Россия подверглась террористическим атакам по всем направлениям. Мы предупреждали об этом много раз и много лет. Продовольственная безопасность в стране нарушена просто катастрофически — практически ВСЕ торговые предприятия принадлежат выходцам с Кавказа и из Средней Азии. И теперь, когда Россия вступила в открытую войну с международным терроризмом (всем известна этническая принадлежность и идеология этого терроризма), оставлять продовольствие и алкоголь в тех руках, в чьих она находится, — верх безрассудства и государственной безалаберности. Если — не сознательного вредительства.

* * *

Наш сбитый штурмовик заставляет Кремль идти на жёсткий разрыв отношений с Турцией. «Помидорами она не отделается», — заявил Путин в своем декабрьском послании Федеральному собранию. По этому поводу Министерство обороны провело брифинг для военных атташе зарубежных стран и иностранных журналистов, на котором продемонстрировало снимки из космоса и видеосъемки с наших беспилот-

ников, показывающие непрерывный поток автоцистерн с нефтью, идущих в Турцию с территорий, контролируемых боевиками ИГИЛа. Этот круглосуточный поток движется прямым ходом на турецкие нефтеперерабатывающие заводы. То есть всему миру было показано, как Турция взаимодействует с террористическим «исламским государством». И когда российские бомбардировщики начали уничтожать эти идущие в Турцию фургоны с нефтью, а также игиловские нефтехранилища, президент Эрдоган решил показать зубы и отомстить — разумеется с позволения (или по приказу) Вашингтона.

Да, на этом брифинге Турция была разоблачена как покровительница и сообщница международного терроризма. На нём было ясно и чётко об этом сказано. Но почему-то дальше этого наши военные эксперты не пошли.

А ведь напрашивался вопрос: куда уходит эта дармовая нефть? В Турцию? Но зачем ей столько нефти? И куда точно таким же потоком идут нефтеналивные танкеры из турецких портов? Ответ прекрасно известен, он лежит на поверхности — в Америку. Однако Кремль об этом пока помалкивает. Возможно, выжидает подходящего момента.

Ведь Турция всего-навсего — посредник, исполнитель в этой давно разработанной операции. А истинными организаторами и покровителями международного терроризма являются США. Да-да, в основном им идет эта дармовая нефть. Ради нее они оккупировали и уничтожили Ирак и Ливию, ради нее они создали и вооружили ИГИЛ, чтобы разрушить Сирию. Ради нее они залили кровью Ближний Восток, породив страдания миллионов беженцев.

Американцы теперь выгораживают опозорившуюся Турцию и открещиваются от своих связей с «исламским государством». Но неужели они развязали войну в Ираке, Ливии и Сирии, чтобы нескончаемым потоком дармовой нефти пользовалась исключительно Турция?..

И, возможно, следующий брифинг для военных атташе будет посвящен именно этой теме. Если, конечно, Обама или Керри вновь не позвонят в Кремль или в МИД и о чём-нибудь не договорятся...

* * *

Ну вот и подтверждение сказанному выше. 7 декабря американская авиация нанесла бомбовый удар по позициям сирийской армии. После чего боевики ИГИЛа перешли в наступление. То есть США не просто пособники международного терроризма, а сами являются главным террористическим государством.

* * *

Турция сбита наш военный самолет и теперь угрожает нам экономическими санкциями. Красавцы! А давно ли мы были друзьями?.. Путин год назад в Стамбул обниматься ездил...

Но чем мы теперь можем ответить ей? Да ничем, кроме помидоров и визового режима. Турция от нас никак не зависит. К тому же за ней стоят США и НАТО. А за нами, случись что, никто не пойдет. Все струсят или тихо отвернутся в сторонку. Вот что сделали с нами Горбачев, Ельцин и путинско-медведевские менеджеры.

Прозападная ориентация, «общеловеческие ценности», плюрализм, демократия, толерантность во все времена обрачивались для России развалом, провалом, разрухой, грабежом, обманом, коварством, предательством и т.н. «ножом в спину», который всегда лежал наготове. Стоило нам лишь развязать варежку в надежде на «взаимопонимание и сотрудничество», как этот нож без промедления оказывался у нас в спине. К сожалению, каждый раз после залечивания раны мы опять начинали стремиться к улыбочивым рукопожатиям, к безвизовому режиму и взаимопониманию с нашими «западными партнёрами»...

И всё же ответить на скорые турецкие санкции нам уже будет нечем. Ну разве что сбросить на Анкару атомную бомбу...

* * *

Вот и еще один урок демократии и толерантности: 8 декабря Совет директоров МВФ снял запрет на кредитование стран с просроченной суверенной задолженностью. Сделано это нашими «западными партнерами» в ущерб России, чтобы Украина имела право не выплачивать государственный долг России (3 млрд. долларов), срок выплаты которого истекает 20 декабря. Теперь даже после объявления дефолта США и МВФ смогут и дальше, не нарушая собственных запретов, кредитовать Украину до бесконечности. А Украина, в свою очередь, может до бесконечности не возвращать своих долгов. Естественно, Совет директоров МВФ вовремя подсуетился после подсказки из Белого дома. Чего не сделаешь, чтобы нагадить «партнерам» из России!..

* * *

У Николая Второго было пять семей-двойников. Они специально были созданы после убийства Александра Второго. Жили в разных городах России. В Петербурге их было две, и они одновременно выезжали, когда выезжал куда-то настоящий Николай с семьей. (У Сталина тоже были двойники.)

Под Екатеринбургом была убита и захоронена одна из этих семей. Именно ее останки и перезахоронены в Санкт-Петербурге. Материал об этом напечатан в «МГ» (№3, 2016). Останков подлинной семьи не существует, они уничтожены полностью и нигде не были захоронены.

Несколько деталей: уже установлено, что в «черепе Николая» из екатеринбургских останков все зубы целые. Но известно, что у настоящего Николая на зубах были пломбы. К тому же на черепе Николая был шрам от удара саблей, полученного в Японии. На черепе из екатеринбургских останков этого шрама нет.

Соплеменники екатеринбургского и Санкт-Петербургского злодеяний продолжают издеваться над царской семьей, Россией и русским народом.

* * *

Нескончаемый позор Украины. Каждый Божий день позор этот множится и мерзее. Каждое слово, каждое движение дегенеративных петрушек из паноптикума под названием «киевская власть», словно по какому-то абсурдистскому сценарию, только усугубляет, опошляет, отупляет этот уже необратимый позор. И что бросается в глаза — сами лица, точнее говоря, личины этого непотребного паноптикума, **абсолютно все**, не вызывают ничего, кроме отвращения, брезгливости или, в лучшем случае, кривой усмешки. Порошенко, Яценюк, Аваков, Саакашвили, Клишкин, Ляшко, Тягнибок, Наливайченко... Они уже сами готовы загрызть друг друга, облить помоями, засунуть в мусорный бак... Они публично, на заседаниях т.н. «правительства» и т.н. «рады» обзывают друг друга ворами, коррупционерами, гастролерами, преступниками... Позор этот остановить уже невозможно, потому что каждый из них действительно вор и преступник, и каждый из них об этом прекрасно знает.

Оторвавшись от России, Украина только и могла впасть в этот позор. Так как без России она потеряла всяческий смысл существования — исторический, моральный, национальный и территориальный. Украина как государство, вне России, никому не нужна, даже себе самой. Она стала принадлежать внешним и внутренним мерзавцам, которым плевать на население этой территории. (Европейские дельцы уже вывозят украинский чернозем.) Украину ждет новый голодомор под вопли отмороженных дебилов: «Хероям слава!» Блокада Донбасса, блокада Крыма отольются ей горькими слезами, т.к. в реальности очень скоро превратятся в блокаду Украины.

Позорные разборки киевского властного паноптикума с гомерическим хохотом наблюдают Европа и Америка, в Интернете они бьют рекорды просмотров и издевательских комментариев. Об этом ли мечтала Украина, когда добивалась «незалежности»? Но она к этому пришла, потому что ни к чему другому она прийти не могла.

Народ, который терпит позорную власть, недостоин ничего, кроме собственного позора.

Еще одно «интересное кино». ВВС Израиля нанесли ракетный удар по пригороду Дамаска. Целились по позициям ливанской «Хезболлы», воюющей с ИГИЛом на стороне сирийской армии. Погибли мирные граждане, а также один из лидеров «Хезболлы».

Но напрашивается естественный вопрос: а для чего мы разместили в Сирии хваленую систему С-400? Для надувания щёк? Или опять не ожидали «удара в спину»? Или, может, Израилю Кремлём разрешено бомбить что угодно и где угодно? Вот бы спросить на очередной пресс-конференции у Путина...

20 декабря в Волгограде взорван целый подъезд девятиэтажного дома. Все девять этажей обрушились. Причем прозвучало три мощных взрыва. Стопроцентный теракт, который власти, как обычно, пытаются скрыть и заболтать примитивными версиями. СМИ эти версии с налета подхватывают и топорно вдалбливают в телевизорные головы.

В первый день в новостях дикторы, как зацикленные, повторяли свою обычную туфту про утечку газа, хотя ни газовой, ни пожарные еще и в дом проникнуть не могли из-за сильного пожара, чтобы установить хоть какую-то вразумительную причину. Но в СМИ, как видно, уже была дана команда — долдонить об утечке газа. На следующий день, когда грамотным людям стало ясно, что от утечки газа такой мощности взрывов (причем трех подряд) и таких разрушений быть не могло, по ящику начали мямлить про какой-то взорванный газовый баллон, который никто в глаза не видел, части которого так и не были обнаружены при разборе завалов, но который, по незыблемому убеждению всех галдящих СМИ, просто обязан был существовать и обязан был взорваться.

Вспомним, как после гибели нашего пассажирского лайнера в Египте эти же самые всезнающие СМИ целых две неде-

ли убеждали нас в неисправности самолета и в трещине в его хвостовой части (ее, трещину, даже крупным планом нам по зомбоящику впаривали). Так бы они и дальше нас дурили, если бы спецслужбы не вынуждены были признать теракт.

Под Воронежем неделю назад в очередной раз сожгли вместе с людьми психоневрологический диспансер. Ну и, конечно же, всезнающие СМИ тут же наперегонки бросились втюривать свою излюбленную версию про его величество Непотушенный Окурок. Да-да, тот самый пресловутый Непотушенный Окурок, гуляющий по всей стране и участвующий во всех подобных поджогах. Непотушенный Окурок, которого никто не видел, но про который знают абсолютно все, кто причастен к информационной долбёжке. Действительно, зачем искать исполнителей нового пожара, зачем выяснять, кому был выгоден этот пожар, когда есть нескораемый, никем не отвергаемый и всех успокоивший мифический Непотушенный Окурок? Уже через день про эту трагедию никакие СМИ больше не вспоминали, как будто ее и не было.

Вот и вполне ожидаемый после нашего вмешательства в Сирии волгоградский теракт будет так же заболтан телевизиорной версией о «взрыве газа». И через пару дней зомбоящик о нём намертво забудет. А чего, спрашивается, вспоминать, если никакого теракта не было?.. Им так спокойнее...

* * *

Для меня *«Год литературы»* закончился завершением издания шеститомного Собрания сочинений. У меня это действительно большое событие — может, самое важное в жизни. Но кого это волнует из организаторов *«Года литературы»*? Государство к изданию этого Собрания не имело никакого отношения и не раскошелоилось ни на копейку. Удалось мне это неподъемное дело (каждый том в среднем по шестьсот страниц) исключительно с Божией помощью. Ничто другое здесь и не могло помочь (несмотря на распиаренный властями *«Год литературы»*). Так что в заслугу власти можно поставить только пустозвонный разговор в течение прошедшего года о существовании в нашей стране литературы. Ну что ж, спасибо и на этом. Хотя бы пока еще это слово не забыли на фоне телевизиорных кумиров эстрады и спорта. О существовании литературных журналов они уже успели забыть. И журналы выживают вопреки власти и т.н. *«Году литературы»*.

Владимир ЮДИН (Тверь),
доктор филологических наук, профессор

ПОЭТ ХОТЕЛ ЖИТЬ

В течение 2015 г. на различных российских телеканалах демонстрировали широко разрекламированный многосерийный художественный телефильм «Есенин», излагающий конспирологическую версию жизни и смерти великого русского поэта. Не скрою, в надежде узнать что-то новое, доброе и чистое о поэте я старался внимательно фильм смотреть и размышлять над его достоинствами и недостатками. Однако, предельно разочаровавшись в своих надеждах, скоро пришёл к печальному выводу: бессмысленное это занятие — полемизировать с либерально мыслящими автором романа Виталием Безруковым и режиссёром Игорем Зайцевым, по лекалам которых изготовлен сценарий одноимённого фильма, избрана его концепция и расставлены смысловые акценты.

Конечно, у каждого своя голова на плечах, и каждый волен «судить» по-своему историческую эпоху, её персонажей, в том числе яркую личность и трагическую судьбу Сергея Александровича Есенина. Но как важно при этом сохранить в памяти поколений его образ чистым и незамутнённым, отринув всевозможные злые домыслы и вымыслы, которые сопровождают и извращают имя Есенина вот уже многие десятилетия. Увы, к ста-

ДОСЬЕ "МГ"

рым мифам теперь добавились новые, и создатели фильма постарались их активно раскрутить. Я понял: в наше время глубина есенинского образа, тем более в неолиберальной интерпретации, всё ещё остаётся непостижимой. «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье», как глухо поэтично выразился сам Есенин.

Очень сомнительна художественная версия образа Сергея Есенина, ведь телезритель ищет в нём прежде всего жизненную достоверность, а вместо неё в фильме то и дело концентрируется внимание зрителя на экстравагантных выходках Поэта (они, признаю, имели место быть у Есенина, но далеко не в таком гигантском количестве, как показано в телесериале). Актёр С. Безруков явно теряет чувство меры, сводя сущность эмоционально-экспрессивных импульсов Поэта к его, дескать, ярко выраженной болезненной рефлексии, вольно или невольно культивируя тем самым давний злобный миф о Есенине — «горьком пьянице» и «неудержимом скандалисте»...

Дальше — больше. На экране чуть ли не в каждой сцене мы видим Есенина не только склонным к безудержным запоям и скандалам, но и человеком, патологически экзальтированным, болезненно эпатажным в самых повседневных жизненных ситуациях, что также очень далеко от правды. Реальный Сергей Есенин, по свидетельствам современников, отнюдь не отличался необузданным нравом, в чём хотя бы нас убедить создатели фильма, напротив, в жизни был необычайно доброжелательным человеком.

Переходящие из серии в серию бурные сцены кровавых драк и обильных застольных возлияний прямо-таки обескураживают. Невольно ловишь себя на мысли: да когда же это Поэт умудрялся писать свои прекрасные стихи и поэмы, если, как нам показывают, он только тем и занимался, что денно и нощно буйствовал и «не просыхал»?..

А теперь коснусь более существенных вопросов, непосредственно связанных с обстоятельствами последних дней жизни поэта и его загадочной гибели.

Прошло уже 90 лет, как случилась кровавая трагедия в гостинице «Англетер», а светлая память о Есенине не угасла и, уверен, не угаснет, несмотря на длительное замалчивание и даже одно время строгий запрет на его светлое имя и творчество, а также всё ещё продолжающуюся дискредитацию его личности и дискриминацию творческого наследия некоторыми современными литературными и прочими критиками, поддерживающими ложную версию о самоубийстве поэта.

Телезритель, конечно, не мог не заметить, что красной нитью через сериал «Есенин» проходит сюжет уже из нашего времени — поиск подлинных причин гибели поэта подпол-

ковником милиции в замечательном исполнении актера Михайлова. Художественно-историческое время то и дело ретроспективно перемежается с современностью, убеждая нас в том, что загадочная гибель Есенина — не такая уж далёкая, канувшая в веки история, она тесно взаимодействует с нашими днями. Более того, версия убийства поэта до сих пор кое-кем решительно отвергается, а потому вопрос обретает острую научно-познавательную злободневность.

Короткая, но чрезвычайно насыщенная творческая жизнь Есенина, как лучезарно светящаяся комета, пронзила своим светом времена и пространства, высветила его провидческим талантом кроваво-трагический хаос революционных разрушений, глубочайших внутренних смятений и душевных надрывов, эхом отозвалась в последующие десятилетия огромными социальными катаклизмами.

Террор и жестокие репрессии оказались тяжелейшим испытанием как для Есенина, так и для всего русского народа и других коренных народов России. Поистине, как цинично выразился Л. Троцкий (достаточно убедительно сыгранный артистом Хабенским), России выпала роль «вязанки хвороста в костре мировой революции»...

Возможно, подтолкнуло к созданию т/с «Есенин» и то важное обстоятельство, что за последние годы в российской печати стали появляться хранившиеся десятилетиями в спецхранах под грифом «секретно» или «не выдавать» материалы о трагической гибели Поэта, и, естественно это не могло не повысить остроты внимания к его творческому наследию и роковой судьбе.

Существуют, как известно, две версии смерти Есенина: первая — официальная, на протяжении десятков лет безапелляционно утверждающая его самоубийство через повешение, и вторая, убедительно, на наш взгляд, доказывающая преднамеренное убийство Поэта с последующей имитацией самоповешения.

Версия о самоубийстве впервые была высказана в акте участкового милиционера Н. Горбова, составленном в гостинице «Англетер» в день гибели, а на следующий день в записи акта смерти, взятом В. Эрлихом (считавшимся другом Есенина) в загсе, и в акте судмедэксперта А. Гиляревского, констатировавшего наступление смерти от асфиксии при повешении.

В этот же день (29 декабря 1925 г.) в «Красной газете» было опубликовано небольшое сообщение об этом происшествии. Версия о самоубийстве Есенина была активно поддержана и распространена в средствах массовой информации статьями-некрологами властителей России того времени — Л. Троцкого, Н. Бухарина, А. Луначарского, Л. Сосновского. В дальнейшем эта версия поддерживалась деятелями пролеткульта

(РАПП), в воспоминаниях и мемуарах различных авторов, а также в академическом литературоведении и даже в «научном» есениноведении...

В статье Троцкого «Память Сергея Есенина», опубликованной в партийной газете ЦК ВКП(б) «Правда», редактором которой был Николай Бухарин, на фоне сдержанных формальных похвал высказано чёткое, клеймящее заключение: «Поэт погиб потому, что был не сроден революции...», «поэт не от мира сего...», «к смерти Есенин тянулся почти с первых годов творчества» и, наконец, «...умер поэт. Да здравствует поэзия!» Но не сказано, какая именно поэзия должна здравствовать. Из статьи можно понять, что русской поэзии до сих пор не было и нужно создавать революционно новую, пролетарскую поэзию — лакействующую прислужницу большевистской власти.

Кстати, о какой литературе и журналистике помышлял Троцкий, чётко высказано им в сцене телефильма «Есенин», в которой Лев Давидович с елейно-слащавой улыбочкой пытается убедить Есенина возглавить новый литературный журнал и печатать в нём всё, что тому ни пожелается, «кроме порнографии и контрреволюции».

Есенин не был таким наивным несмышлёнышем, чтобы тут же не «раскусить» провокационное предложение партийного босса: ему почти открыто было предложено стать управляемым придворным поэтом и журналистом, дабы напрямую обслуживать кремлёвскую головку того времени и, разумеется, в первую очередь лично самого Троцкого. На что гордый и независимый поэт, конечно же, согласиться не мог ни за какие партийные коврижки, а потому мгновенно стал персоной нон-грата и был обречён...

Отмечу также, что некролог опубликован 19 января 1926 года и вслед за ним были тотчас прекращены расследования гибели поэта и публикации в печати материалов об этой непонятной трагедии. Одновременно с этим началась кампания по пропаганде версии о его самоубийстве и навешиванию всевозможных ярлыков, легенд и экзотических вымыслов. Бухарин в «Злых заметках», опубликованных в той же «Правде» в январе 1927 года, написал в грубом и тенденциозном стиле злую ложь, извращающую сущность необычайно яркого творчества поэта, ввёл в обиход расхожий ярлык — «есенинщина» и призвал «дать залп по ней», надо полагать, из всех подвластных ему идеологических орудий...

Залп был дан незамедлительно по всем направлениям. Указом Сосновского, ведавшего издательскими делами, была запрещена публикация всех произведений Есенина; запрет продолжался до 1950-х годов.

Нарком просвещения Луначарский вроде бы начинал за здравие, но кончил, как говорится, за упокой: выступая пе-

ред учителями, дал жёсткую установку: «Обыкновенно, когда подходят к Есенину, к его поэзии, прежде всего стараются устанавить, что он сам хулиган, сам пессимист, сам упадочник. Это односторонняя и для нас маловыгодная позиция. Мы этим замалчиваем кое-что из того, что нужно для борьбы с «есенинщиной»... Мы должны сказать, что с самого начала Есенин по существу не представлял собой той первоклассной величины, того, так сказать, сокровища общественно-го, каким его пытались сделать... Меркнет и его талант, меркнет, как потухшая лампа, в которой нет керосина».

Не стали себя ждать и широкие идеологические, методологические и пр. государственные «меры», дискредитирующие и, по существу, уничтожающие творчество великого русского поэта. Комиссариат просвещения запретил изучение его творческого наследия в школах и вузах. Был закрыт музей Есенина в Москве, созданный по инициативе его жены С.А. Толстой в 1926 году, а С.М. Эйзенштейн, С.В. Шток и Г. Янушкевич, положив в основу сценария вышеупомянутые «Злые заметки» Бухарина, приступили к созданию кинофильма под самоговорящим названием — «Против есенинщины».

Наконец, в усилившейся антиесенинской пропаганде на поэта было навешано столько оскорбительных невежественных ярлыков и разной злопыхательской клеветы, что их даже неудобно повторять. Для примера лишь приведу цитату из статьи Б. Розенфельда в «Литературной энциклопедии», изданной в 1930 году: «Богема и принимавший всё более острые формы наследственный алкоголизм (!) привели Есенина к гибели. Под влиянием тяжёлых психических заболеваний он окончил жизнь самоубийством».

Из более поздних источников, расследовавших причины гибели поэта, следует, что для укрепления официальной версии были репрессированы наиболее осведомлённые свидетели трагедии Есенина. Среди них оказались милиционер Н. Горбов, судмедэксперт А.Гиляревский, застрелилась на могиле Есенина Галина Бениславская, погибла Айседора Дункан, повешен или повесился Г.Устинов, исчез В.Назаров, управляющий гостиницей «Англетер», убита Зинаида Райх и расстрелян В.Мейерхольд, несостоявшийся постановщик есенинской поэмы «Пугачёв». В 1937 году расстреляны поэт и друг Есенина Н.Клюев и восемнадцатилетний сын Георгий. Наконец, отметим неожиданную, явную преждевременную смерть таких друзей Есенина, как Д. Фурманов (1926 г.), испохабленный образ которого нам преподнесли недавно в российском телесериале «Страсти по Чапаю», и В.Брюсов (1924 г.) — вскоре после активной и успешной защиты Есенина на суде по провокационному обвинению его Сосновским в пресловутом антисемитизме...

Кровавым репрессиям, как известно, подверглись многие русские поэты, выходцы из крестьян, по праву считавшие Есенина своим учителем и лидером в поэзии.

Эрлих уехал в Англию, а Мариенгоф, написав лживый «Роман без вранья» (по меткому определению друга Есенина, великого скульптора С.Т. Коненкова, «Роман вранья»), перестал писать и печататься... Тут надо отдать должное стараниям создателей телефильма «Есенин»: они не поскупились на чёрные краски, изображая Мариенгофа с одной стороны личностью неординарной и даже талантливым поэтом-имажинистом, а с другой — откровенным негодяем, присвоившим творческие гонорары Есенина, что дало полное основание Сергею Александровичу заклеить бывшего «друга» откровенной «сволочью»... Всё это в полной мере соответствует действительности.

Литературовед Ю.Прокушев в книге «Все мы дети России» (М., 1990) излишне самоуверенно утверждает: «Стоит ли ворошить прошлое: вспоминать, что было после смерти поэта в двадцатые-тридцатые годы, что происходит в пятидесятые и позднее. Ведь справедливость восстановлена. Истина очевидна».

Такая постановка вопроса о трагическом конце Есенина по меньшей мере не только преждевременна, но и лишает возможности установить объективную истину, очистить поруганную память о поэте от лженаучных наветов и вымыслов. К сожалению, возглавлявшийся Ю.Прокушевым «Есенинский комитет» сделал безоговорочный вывод о том, что нет «каких-либо оснований для подтверждения версии об убийстве Есенина».

В кратких информационных сообщениях В.Радзишевского в «Литературной газете» от 7 июля и С.Берестова в «Комсомольской правде» от 14 июля 1994 г. перечислены с тенденциозным акцентом «криминальные версии» о том, чем и как убивали поэта, и ни одного слова не сказано о тяжести и характере нанесённых травм, о том, когда они были нанесены — до или после наступления смерти. Авторы пишут: «Экспертиза посмертных фотографий и масок Есенина подтвердила, что повреждений в области лобной кости нет и рукописный текст стихотворения «До свиданья, друг мой...» выполнен самим Есениным... живой кровью», которой «потребовалось две (!) капли»...

«Эти заключения не имеют научного, особенно медицинского обоснования, они извращают сущность фактов», — решительно настаивает Фёдор Александрович Морохов, доктор медицинских наук, историк-литературовед из Санкт-Петербурга (см.: Морохов Ф.А. Память учит и обязывает. Правда и ложь об убийстве поэта. Ярославль, 1995).

Творчеством Сергея Есенина Ф.Морохов увлёкся ещё в студенческие годы. А когда уже в конце 1970-х — начале 80-х

годов в печати были опубликованы засекреченные ранее документы, фотографии, проливающие свет на внезапную смерть поэта, учёный всерьёз заинтересовался обстоятельствами гибели Есенина. Он собрал и перечитал всё, что имеет хоть малейшее отношение к данной теме: воспоминания и свидетельства современников, документы судебно-медицинской экспертизы, материалы следствия, побывал в бывшей гостинице «Англетер», познакомился с фотографиями, сделанными в тот трагический день 29 декабря 1925 года, обследовал посмертную маску поэта. Благо, жил Фёдор Александрович в Ленинграде буквально в сотне шагов от здания, в котором и располагалась эта гостиница.

Все собранные материалы Ф.Морохов проанализировал не только с точки зрения историка-литературоведа, но и как крупный специалист — патолофизиолог. Он пришёл к однозначному и твёрдому выводу: Есенин был убит с последующей имитацией самоубийства. «Об этом свидетельствуют странгуляционная полоса (след от петли), проходящая не на шее, под подбородком, впереди правой ушной раковины к левой; тяжёлые травмы (глубокая вмятина на лбу в области переносья, предположительно от удара рукояткой нагана, выбитый глаз, рана на тыльной стороне правого предплечья), которые на основе законов патофизиологии имеют прижизненное происхождение», — пишет исследователь.

В 1987 году, выступая с докладом на ежегодных Есенинских чтениях в Ленинграде, Фёдор Александрович обнародовал свою версию преднамеренного убийства Есенина. Изложение его доклада было опубликовано в газете «Труд». С того дня началась тяжёлая борьба видного русского учёного с теми оппонентами, кто придерживается «навязанной нам властями», как считал Фёдор Александрович, официальной версии о самоубийстве поэта. Он выступил с большими обстоятельными статьями в литературно-публицистических журналах «Молодая гвардия» и «Русь», печатался во многих еженедельниках, массовых изданиях. К 130 его специальным трудам по медицине и психологии за последние годы добавилось больше десятка внушительных, содержащих мощную доказательную базу публикаций по есениноведению. По меньшей мере странно и печально, что имя Ф.А. Морохова и его работы ни разу не прозвучали в телесериале «Есенин», были явно проигнорированы...

Мне довелось немало лет не только знать Ф.А. Морохова, но и читать его замечательные разножанровые работы, близко общаться с ним в Санкт-Петербурге на его квартире в доме по ул. Декабристов, по многу часов беседовать на литературные и другие темы, в том числе о творчестве и загадочной смерти Сергея Есенина. Далее я передаю слово председателю Петербургского отделения Фонда российской куль-

туры, действительно академику Петровской академии наук и искусств Ф.А. Морохову.

«Судебно-медицинский и патофизиологический анализ, обобщение всех установленных травм и ранений в плане их прижизненного или посмертного происхождения и тяжести позволяет утверждать, что «вдавленная борозда», глубиной 0,3—0,5 сантиметра, с угловым дном, не могла образоваться от давления цилиндрической трубой. Ожога ладони не отмечено. На четыре сантиметра выше борозды, на лобной кости отчётливо виден параллельно идущий валик, что можно считать отломанной костной пластинкой, верхним её краем, а нижний, вдавленный край образует борозду. На маске и фотографиях хорошо видно повреждение переносья с ямкой под бровью в углу глазницы, что и убедительно трактуется некоторыми исследователями как входное отверстие от пули. Правильное объяснение этого факта лежит на совести судмедэксперта.

На фотографиях, которые хранятся в Пушкинском доме, хорошо видна горизонтальная рана на тыльной стороне правого предплечья с разошедшимися краями, почти до округлой формы, над глазницей большой синяк, отмеченный в акте Горбова. На посмертной маске отчётливо виден отёк век, распространившийся на щеку. **Все эти травмы могли возникнуть только на ж и в о м ещё теле Есенина. Подчеркнём их прижизненное происхождение** (выделено мной. — В.Ю.).

Объективный анализ приведённых данных позволяет сделать вывод о том, что Есенину был нанесён сильный удар в область переносья твёрдым прямоугольным предметом. Потом уже, после наступления смерти, коченеющее тело было привязано к трубе отопления верёвкой «за шею с правой стороны». Об этом можно судить по странгуляционной борозде, проходившей впереди правой ушной раковины, под подбородком и левой ушной раковиной, и теряющейся позади её где-то на голове, повёрнутой лицом к стене».

Если принять на веру невероятное, продолжает Ф.А. Морохов, что Есенин даже с такими тяжёлыми травмами сумел залезть под самый потолок высотой не меньше четырёх метров и самостоятельно привязать себя верёвкой к вертикальной трубе, приняв при этом описанное положение, то при наступающем умирании и общем расслаблении мышц (релаксации) тело его выскользнуло бы из полупетли, державшей его за подбородок, и упало бы на пол.

Таким образом, специальное медицинское расследование, проведённое Ф.А. Мороховым, убедительно опровергает «самоубийство» Сергея Есенина и неопровержимо доказывает, что он б ы л у б и т.

В автобиографии 1924 года Сергей Есенин написал о себе, о своём нелёгком жизненном пути и творчестве: «Мне пока

ещё рано подводить какие-либо итоги себе. Жизнь моя и моё творчество ещё впереди». Более того, с его двойником-собеседником, сильным и опасным врагом — чёрным человеком, он вступает в непримиримое единоборство в борьбе за жизнь. Прочтём окончание гениальной поэмы, которая полна метафор и философско-психологических обобщений, поэтических откровений и художественных образов:

*Чёрный человек,
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится.
Я взбешён, разъярён,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...*

Как известно, в литературоведении придаётся особое значение как факту, подтверждающему бесспорную версию о самоубийстве поэта, якобы его предсмертное стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Ф.А. Морохов не без оснований ставит под сомнение то, что это стихотворение написано рукой Есенина, да ещё якобы его собственной кровью...

То, что стихотворение написано рукой Есенина, утверждали в своих воспоминаниях только Эрлих и Е.Устинова. Произведение было опубликовано в «Красной газете» 29 декабря 1925 г. на второй день после смерти Есенина. Там же было сказано, что оно адресовано Эрлиху. Но ведь хорошо известно — Эрлих никогда другом Есенина не был!.. «Милым другом» поэт называл своего идейного единомышленника, крупного поэта той эпохи Николая Клюева. В этом можно легко убедиться, перечитав их большую переписку. В-третьих, до настоящего времени окончательно не установлено, когда и как стихотворение попало в Пушкинский дом и в редакцию данной газеты.

«Мне представилась возможность видеть это стихотворение при дневном и электрическом освещении, — пишет Фёдор Морохов. — И у меня возникли сомнения, отмеченные выше. Цвет букв похож на цвет фиолетовых чернил. Буквы сравнительно большей величины, чем обычный почерк поэта, толщина их недостаточно ровная, без утолщений и неизбежных клякс, которые должны быть при написании свежей кровью, как известно, свёртывающейся в белковые сгустки. Написание 38 слов, имеющих 194 буквы и 14 знаков препинания между ними, без клякс от сгустков свежей крови трудно представить — это практически невозможно».

Пронзительный трагизм судьбы Есенина, его неожиданная ранняя гибель в расцвете поэтического дарования и ак-

тивной творческой деятельности не являются только его личной трагедией, тесно связаны с трагичностью судьбы России и русского народа.

В русской национальной поэзии и литературе Есенин, как и Лермонтов, Гоголь, Достоевский, другие духовные светочи русского национального самосознания, неповторим и выходит за пределы установившегося понятия о гениальности. Я не могу согласиться с теми деятелями позитивистского либерального лагеря, которые высокомерно «позволяют» занять «крестьянскому» поэту отведённую ему, «достойную» его нишу, ибо Есенина нельзя поставить ни в какой ряд деятелей искусства и культуры, он у н и к а л е н в русской поэзии, как уникальны по-своему Пушкин, Некрасов, Тютчев и вся прекрасная классическая плеяда отечественных творцов слова.

Провидческий гений Есенина проявился не только в поэтическом слове, но и в прозе, драматургии, публицистике. Он не утратил, а обрёл новую жгучую злободневность в наше вихревое, нелёгкое время развала России и её тяжкого прозрения, трудного духовно-нравственного становления. Поездив по Европе и Америке, Есенин, с присущей ему прямоотой и открытостью, с тонкой художественной образностью и публицистической остротой выразил своё отношение к загранице. В автобиографии он писал: «Мне нравится цивилизация. Но я очень не люблю Америку. Америка — это тот смрад, где пропадают не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов предпочесть наше серое небо и наш пейзаж... Это не то, что небоскрёбы, которые дали пока что только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и других».

О Есенине ещё в двадцатые годы минувшего века искусственно подогревался грязный миф, будто он беспросыпный пьяница и несусветный дебошир, и, согласно роману Мариенгофа, даже конченный алкоголик. К сожалению, этот клеветнический ярлык поддерживают некоторые современные литературоведы и публицисты.

Скажем и мы: да, Есенин выпивал и пьяным бывал, но это происходило, как правило, в компаниях почитателей и доброхотов-приятелей на различных встречах, особенно в заграничной поездке по Европе и Америке с А.Дункан, которая и сама была, чего греха таить, весьма пристрастна к алкоголю. Однако ни в одном медицинском документе, ни в одном воспоминании, исключая Мариенгофа, не отмечено ни одного признака, характеризующего наркотическое пристрастие Есенина к алкоголю. «Он не страдал алкогольной потребностью, так называемой физической зависимо-

стью от алкоголя, у него не было, как у пьяниц, потребности в рюмке опохмеля и многодневных запоев, присущих алкоголикам, — пишет Фёдор Морохов. — Наоборот, он понимал свою слабость в противодействии компаниям его поклонников и почитателей выпить за его счёт. Когда надо, сила воли у него побеждала, он был вполне адекватен и мог контролировать себя».

Жёстко осуждая себя в последние годы жизни, Есенин твёрдо решил расстаться с вредной слабостью. Так, в письме к Г. Бениславской в 1924 году он писал: «Назло всем не буду пить, как раньше... Вообще хочу всех привести в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают... Всё это было прощанием с молодостью. Теперь будет не так».

В Ленинград Есенин приехал с большим желанием жить по-новому, осенённый вдохновляющими большими творческими планами, с твёрдым решением создать свой литературный журнал. Отмечу также, что за последние два года жизни Есенин написал более ста произведений, которые являются наиболее идейными и высокохудожественными. В стихотворении «Пушкину» он так выразил своё оптимистическое настроение и жажду жизни:

*Но обречённый на гоненье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть...*

К сожалению, в телефильме о Есенине почти отсутствуют сцены, из которых можно было бы узнать, как поэт создавал свои поэтические шедевры, что являлось источником его необычайного творческого вдохновения. Иначе сказать, тонкая и многообразная творческая стихия гениального русского Поэта осталась вне внимания создателей фильма.

Ни слова не сказано в фильме о Есенине — глубокоом теоретике художественного слова. Как-то получилось так, что в исследованиях о нём говорят и пишут преимущественно как о великом поэте, оставляя в тени его талант прозаика, публициста и литературного критика. А ведь он и в этих качествах необычайно велик: его самобытная проза, захватывающие литературно-публицистические эссе, статьи, письма и заметки восхитительны и оригинальны, глубоки своим содержанием, поражают новизной эстетических открытий и философскими обобщениями. Из таких произведений хотелось бы отметить «Ключи Марии», «Быт и искусство», «О пролетарских писателях», письма Г. Панфилову, Иванову-Разумнику и многие другие.

Триумф поэтического мастерства и трагедия жизненного конца Сергея Александровича Есенина до настоящего вре-

мени, на мой взгляд, объективно не раскрыты; к сожалению, всё ещё извращается память о нём как о нашем немеркнущем национальном гении. А пора бы тщательно очистить её от клеветы и наветов, злых наслоений и лженаучных интерпретаций, пустивших глубокие корни ещё в роковые двадцатые годы. Поэту уже 120 лет, и его величайший, ещё не до конца оцененный вклад в русскую и мировую литературу — огромен.

Николай БРАУН

КАЗНЁННЫЙ ДЕГЕНЕРАТАМИ

(Еще одна версия)

(Беседа с Николаем Николаевичем Брауном, поэтом, общественным деятелем, бывшим политзаключенным)

— Николай Николаевич, вы считаете, что Есенин умер при допросе?

— Да, точнее — в результате пыток при допросе. Именно к такому выводу пришел мой отец — поэт Николай Леопольдович Браун, лично знавший Сергея Есенина. В декабре 1925 года он вместе с другими писателями выносил его тело из гостиницы «Англетер».

— Николай Николаевич, когда и при каких обстоятельствах ваш отец познакомился с Сергеем Есениным?

Он был знаком с Николаем Гумилевым, Николаем Клюевым, Павлом Васильевым, Иваном Приблудным, Алексеем Ганиным. Петром Орешиним. С Сергеем Есениным отца познакомил Клюев.

Встречи Брауна с Есениным не могли быть частыми — они жили в разных городах, Сергей Александрович преимуще-

ственно в Москве. В Петрограде-Ленинграде бывал наездами. Об их близком знакомстве говорит тот факт, что Сергей Александрович подарил отцу автографы двух своих стихотворений: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут» и «Мне осталась одна забава: пальцы в рот — и веселый свист!». Они каким-то чудом уцелели во время блокады, не пропали при обысках, и сейчас хранятся в моем архиве.

У отца была замечательная память. Но он намеренно не писал воспоминаний, не хотел даже слышать об этом. Только в середине 60-х он впервые рассказал мне, уже взрослому, о том, как выносил убитого Есенина из «Англетера». Оказавшись в мордовских политлагерях, я на свидании обратился к отцу с просьбой написать о Есенине. Рассказать все как было. В надежде, что после освобождения опубликую его воспоминания за рубежом. У меня был большой срок — 10 лет (ст. 70 УК РСФСР), который я отбыл до конца. Отец прислушался к моей просьбе, выполнив ее частично. Воспоминания он написал, но заведомо только то, что могло быть опубликовано в советской печати.

— *В связи с чем в тот роковой для Есенина декабрьский день 1925 года Браун-старший оказался в «Англетере»?*

— В редакцию «Звезды», где в то утро были только Николай Браун и Борис Лавренев, из «Англетера» позвонил Павел Медведев. Он попросил их прийти, сообщив, что Есенин покончил с собой. Писатели должны были увидеть Есенина мертвым и подтвердить версию суицида. О том, как Есенин покончил самоубийством, в гостинице рассказали Медведев, Фроман и Эрлих. Но и они, как оказалось, ничего своими глазами не видели. Им тоже «рассказали». Покойный был уже приготовлен для демонстрации. Однако первоначальные фотоснимки, которыми мы сегодня располагаем, обнаруживают совсем иное. У Есенина были изрезаны, похоже, бритвой, руки. Но не поперек, а вдоль. Как при пытке. Левый глаз запал. Две пробоины — чуть выше переносицы и одна — над правым глазом. А ведь Николай Леопольдович говорил мне о «глубоко проникающей ране под правой бровью», которая была «смертельной», о «синяке под левым глазом», о «следах побоев». Отец в голодное время, в 1919 — 1920 годах, чтобы выжить, работал санитаром «скорой помощи». Он неплохо знал анатомию. Трупов он видел много, среди них попадались и висельники. Но у Есенина не было ни посинения лица, ни высунутого языка. «Есенина нужно было выносить, — рассказывал отец, — я взял его, уже окоченевшего, под плечи. Волосы рассыпались мне на руки. Запрокинутая голова опала — были сломаны позвонки». В книге Мельгунова «Красный террор в России» упоминаются специальные удавки для ломки позвоночников, имевшиеся в ЧК.

Удавка могла быть применена и здесь. Чем и как был пробит лоб Есенина? Такой вопрос возникает при взгляде на одну из посмертных масок, где в проломе над переносьем две дыры. В ЧК имелись для этой цели молотки с острыми концами-клювами. Могли ли раны Есенина быть огнестрельными? Я спрашивал Николая Леопольдовича, не был ли Есенин застрелен. Ответ был краток: «Он был умучен!» Двойная вмятина над переносьем могла быть от удара его же револьвером, к тому же у нагана на середине рукоятки внизу — ушко из стали.

Поэтесса Ида Наппельбаум говорила мне, что ее брат Лев помогал милиционеру, стоявшему на стремянке, снимать повешенного Есенина с отопительной трубы. Теперь уже широко известен тот факт, что шея покойного была обмотана веревкой несколько раз.

При повешении у человека расслабляются все органы. Никакой врач не поверит, что перед ним самоубийца, если мочевого пузыря не опорожнися. И на полу и на диване, куда положили тело Есенина, было сухо.

Браун с Лавреневым категорически отказались подписаться под протоколом, где говорилось, что Есенин покончил с собой. Протокол был составлен даже на первый взгляд неумело, примитивно. Но под ним уже стояли подписи сотрудников ОГПУ Вольфа Эрлиха и Павла Медведева, секретаря Союза писателей Михаила Фромана и поэта Всеволода Рождественского. Николай Леопольдович тут же упрекнул последнего: «Сева, как же ты мог под этим подписаться! Ты же не видел, как Есенин петлю на себя надевал!» Он ответил: «Мне сказали — нужна еще одна подпись».

Проведенное в 1990-е годы писателем Виктором Кузнецовым частное расследование показало, что подпись милиционера Николая Горбова — явная фальсификация. Как и заключение Гиляревского, на которое сторонники версии самоубийства ссылаются как на главное доказательство. Гиляревский был медиком дореволюционной школы и хорошо знал, как в таких случаях составляются документы. Но здешнего медэксперта не приглашали. Зато пригласили из Москвы мастера ретуши фотографа Моисея Наппельбаума, чтобы к делу подшить уже отретушированные снимки покойного Есенина.

— *Николай Николаевич, вы считаете, что чекисты «перусердствовали»?*

— Скорее всего. Так считал и отец. Труп был в пыли, в волосах был песок. Браун решил, что Есенина в номер «Англетера» принесли. «Откуда?» — спросил я. «Вероятно, с допроса...» Здесь необходимо напомнить: в этот период Есенин был под следствием (13 спровоцированных тогдашней Лубянкой

уголовных дел). Даже на просьбу наркомпроса Луначарского прекратить преследование московский судья Липкин ответил, что на этот раз приговор будет исполнен! Таким образом, по моему мнению, и был исполнен приговор, замаскированный под самоубийство, чтобы снять подозрение с исполнителей.

Художник и поэт Василий Сварог, автор посмертного портрета-рисунка Сергея Есенина, сделанного с натуры, в своих воспоминаниях тоже написал, что труп был весь в пыли: сложилось впечатление, что он был принесен в номер завернутым в ковер. Кстати, воспоминания Сварога — еще одно доказательство того, что Есенин приехал в наш город жить, а не заканчивать жизнь самоубийством. У поэта было огромное желание увидеть первый том своих сочинений, подготовленный к печати, а в ближайших планах — выступить с чтением своих стихов. А поскольку Сварог был еще виртуозным гитаристом и у них с Есениным был опыт совместных выступлений, они заранее сговорились о вечере мелодекламации, где Сварог сопровождал бы чтение стихов.

«Англетер»... Какую версию ни возьми, все, от начала до конца, вымысел! В декабре 1925 года Сергей Есенин в подведомственной ОГПУ гостинице не жил! Ни в одном из списков не значился. Но представьте: в гостинице остановился бы и жил, например, Маяковский, или Блок, или «король поэтов» Игорь Северянин. Это стало бы сенсацией! А тут Есенин со всеми чемоданами — постоялец-инкогнито под шапкой-невидимкой! В дни партсъезда да еще в канун Нового года. И никто о нем не слышал!

— *Даже в те бесправные времена пытка поэта при допросе должна была иметь хоть какие-то основания.*

— С чекистов головы бы сняли, если бы они позволили Есенину уйти за границу, тем более во время работы XIV съезда партии. Близкие друзья его уже были расстреляны или умерли под пытками, как, например Алексей Ганин, создавший, по фиктивной версии Лубянки, «Орден русских фашистов». По делу «Ордена» только в Москве в марте—апреле 1925 года казнили 6 человек, остальных приговорили к различным срокам заключения.

Алексей Ганин недолгое время был женат на сестре Есенина Кате до ее брака с Василием Наседкиным. Он, конечно, очень хотел, чтобы Есенин переправил за границу его тезисы, в которых называл большевистскую власть властью «изуверов-садивов». Ганин считал, что его тезисы должны предостеречь правительства других стран от коммунистических революций. Не случайно Сергей Есенин перед отъездом из Москвы в Ленинград дома у своей бывшей жены Анны Изрядновой сжигал бумаги в кухонной плите. Среди них на-

верняка были и переданные ему Ганиным для распространения за рубежом, в частности, в Италии.

Были еще и другие, параллельные дела, по которым можно было привлечь Есенина. При его задержании были изъяты все бумаги, незаконченное произведение «Пармен Крямин», начало второй части «Страны негодяев», где действие происходит в Америке, и около двух десятков новых стихотворений. Для частичного прикрытия обыска у поэта «Красная газета» 29 декабря 1925 года сообщила: «Есенин читал в кругу друзей до 15 новых лирических стихов, которые, по-видимому, были зафиксированы лишь у него в памяти».

Многие до сих пор удивляются: «Есенин писал лирику, пил вино и увлекался женщинами. При чем тут политика?» На самом деле Есенин был в эпицентре политических событий. Встречался с Кировым, Дзержинским, Троцким. Но в последнее время он пересматривал свои взгляды. И вел себя при этом неосмотрительно. Поэма «Страна негодяев» — настоящий вызов большевистской власти. Есенин откровенно высказывался в письмах и в разговорах с друзьями, которые являлись огэпэшниками или поддерживали прямые контакты с ОГПУ. В одном из писем он писал: «Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только... что не к февральской и не к октябрьской. По-видимому, в нас... скрывается какой-нибудь ноябрь». В августе 1925-го он предостерегал кузена Илью в письме домой: «Только не на рабфак. Там коммунисты и комсомол». А в сентябре имел неосторожность написать из клиники П. Чагину: «Чтоб избавиться кой от каких скандалов... махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки».

Друзья Есенину подсказывали: ты следующий! Когда маячила высшая мера, Есенин попытался скрыться от ОГПУ на юге — в Закавказье. В Мардакянах под Баку у него случился конфликт с Яковом Блюмкиным. Блюмкин чуть не застрелил Есенина. Есенин поехал в Тифлис и попросил друзей достать ему револьвер. С этим оружием он уже не расставался до конца. Судя по всему, Сварог прав: револьвером и был пробит лоб поэта, оказавшего сопротивление. Писатель Павел Лукницкий, с которым я был хорошо знаком, в ответ на мои расспросы о смерти Есенина прямо сказал мне о своем впечатлении от его внешности в «Англетере», вот его точные слова: поэт при допросе «был изуродован, на одежде следы крови, а левого глаза «не было». В его мемуарах, изданных в Париже в 1991 году, об этом сказано так. Цитирую: «Есенин был мало похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же... в верхнем углу правого глаза — желвак... и левый глаз — плоский: он вытек. Сине-

вы в лице не было: оно было бледно, и выделялись только красные пятна и потемневшие ссадины». Лукницкий был в прошлом работником ОГПУ, вел дневники.

— *Получается, что Есенин поехал в Ленинград работать, а чекисты боялись, что он сбежит на Запад?*

— Да. Но даже если бы он собрался перейти границу с Финляндией или Латвией, ему бы не дали этого сделать. Поэт был обложен со всех сторон, как волк.

Внешность Есенина трижды «приводилась в порядок». Без «макияжа» его могли видеть только сотрудники ОГПУ и Моисей Наппельбаум с сыном Львом. Первый грим на лицо Сергея Есенина был наложен в «Англетере» незадолго до прихода писателей. Второй — в морге Обуховской больницы и перед прощанием в Союзе писателей на Фонтанке, 50. Многих ран и тем более царапин уже не было видно. Николай Леопольдович Браун дважды выносил тело Есенина: вначале из «Англетера» — под плечи, затем в гробу — из Союза писателей. Он заметил большие изменения во внешности убитого. А в Москве в Доме печати, как вспоминала писательница Галина Серебрякова, уже лежала «нарумяненная кукла». Скульптура! Без каких-либо повреждений. Есенин не был похож не только на убитого, но и на самоубийцу. Вот почему сын покойного Александр Есенин-Вольпин удивлялся: «Как же так, тысячи человек видели отца и ничего не заметили!»

Эмигрантские литераторы 20-х годов поддержали версию самоубийства только для того, чтобы можно было сказать: советская власть затравила поэта, который с ней заигрывал.

— *Николай Николаевич, а теперь о возможной эксгумации...*

Эксгумация, сколько бы о ней ни говорили, невозможна! Потому что гроба Есенина в могиле нет. Обнаружилось это, когда хоронили мать Есенина Татьяну Федоровну. Вскрыли могилу — там три гроба, но есенинского нет. Сестра Шура помнила гроб брата. В официальном письме от 4 января 1994 года племянницы Есенина Светланы Петровны Митрофановой, дочери сестры Шуры, и ее сына в комиссию Всероссийского комитета по выяснению обстоятельств смерти Есенина сказано, что гроб матери поэта оказался не над могилой сына, а рядом с неизвестными останками... Точное место его могилы теперь установить будет очень нелегко». Письмо это комиссией опубликовано. Впрочем, нашелся человек, заявивший, что Есенина перезахоронили в дальней части Ваганьковского кладбища. Ваганьковского ли? Это еще вопрос. Поэтому-то потомки и родственники покойного возражают против эксгумации.

— *Как же тогда объяснить, что разрешили сделать посмертную маску с явным повреждением черепа?*

Пролом был такой глубокий, что скрыть его не представлялось возможным. Нашли объяснение: обжегся или ободрался о трубу. Следов других повреждений на маске нет. В Есенине уже видели современного Пушкина. Есть же пушкинская маска. Ну и разрешили в надежде, что если возможно отредактировать внешность поэта, то уж маску — труда не составит. А может быть, огэпэушники велели маску снять для отчетности, в доказательство выполненной работы. Кстати, как известно, маску снимали два человека. По крайней мере, известны две маски. Одна — со сглаженным вдавливанием. Вторая — с явными повреждениями черепа — так называемая маска из частной коллекции. Как она «ускользнула» от огэпэушников — остается загадкой.

На следующий день после смерти Есенина 29 декабря 1925 года, ленинградская «Красная газета» опубликовала статью Бориса Лавренева «Памяти Есенина». Она имела подзаголовок: «Казненный дегенератами». И эпитафия: «И вы не смаете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь». А завершалась так «И мой нравственный долг предписывает мне сказать раз в жизни обнаженную правду и назвать палачей и убийц палачами и убийцами, черная кровь которых несмоет кровавого пятна на рубашке замученного поэта».

Беседу вёл Владимир ЖЕЛТОВ
«Новости Петербурга», 2006, №10

Уважаемые читатели и друзья «Молодой гвардии»! В это кризисное время, в которое завело страну крайне неэффективное правительство, наш журнал, как и другие патриотические средства печати, испытывает серьёзные финансовые трудности. Поэтому обращаемся к вам, дорогие наши читатели и друзья, с огромной просьбой. Во-первых, осуществить подписку на «Молодую гвардию» на второе полугодие 2016 года. Напоминаем, что наш с вами журнал существует исключительно на средства, полученные от подписки. И во-вторых, пожалуйста, подумайте, кто бы мог оказать журналу спонсорскую помощь. Мы очень нуждаемся в вашей активной поддержке.

Телефон для связи: 8-916-718-25-52.

Наш индекс в каталоге Роспечати: 70544 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.